Рене Генон

Царство количества и знамения времени

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. Le Règne de la Quantité et les Signes des Temps (год издания: 1945).

Редакция перевода от 05.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:
https://guenon.ru/1945_RQST.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона
Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Предисловие 5
Глава I. Количество и качество 17
Глава II. Materia signata quantitate 23
Глава III. Мера и проявление 31
Глава IV. Пространственное количество и качественное пространство 41
Глава V. Качественные определения времени 49
Глава VI. Принцип индивидуации 57
Глава VII. Единообразие против единства 63
Глава VIII. Старинные ремёсла и современная промышленность 71
Глава IX. Двойной смысл анонимности 79
Глава X. Иллюзии статистики 87
Глава XI. Единство и простота 95
Глава XII. Ненависть к тайне 105
Глава XIII. Постулаты рационализма 113
Глава XIV. Механицизм и материализм 121
Глава XV. Иллюзия «обычной жизни» 127
Глава XVI. Вырождение денег 135
Глава XVII. Отвердение мира 141
Глава XVIII. Научная мифология и популяризация 149
Глава XIX. Пределы истории и географии 159
Глава XX. От сферы к кубу 169
Глава XXI. Каин и Авель 177
Глава XXII. Значение металлургии 187
Глава XXIII. Время, превращающееся в пространство . . 195
Глава XXIV. К разложению 203
Глава XXV. Щели великой стены 211
Глава XXVI. Шаманизм и колдовство 217

Глава XXVII. Психические остатки 227
Глава XXVIII. Этапы антитрадиционного действия 235
Глава XXIX. Отклонение и переворачивание 241
Глава XXX. Переворачивание символов 247
Глава XXXI. Традиция и традиционализм 255
Глава XXXII. Неоспиритуализм 265
Глава XXXIII. Современный интуиционизм 271
Глава XXXIV. Зло психоанализа 279
Глава XXXV. Смешение психического и духовного 289
Глава XXXVI. Псевдоинициация 297
Глава XXXVII. Обман «пророчеств» 311
Глава XXXVIII. От антитрадиции к контртрадиции 321
Глава XXXIX. Великая пародия или духовность наизнанку 329
Глава XL. Конец мира 339

Предисловие

С тех пор как мы написали «Кризис современного мира», ход событий слишком полно и, что особенно важно, слишком быстро подтвердил все те взгляды, которые мы тогда излагали в отношении темы работы, хотя мы рассматривали её вне какой-либо интереса к актуальности текущих событий, равно как и без малейшего намерения предаваться пустой и бесплодной критике. Разумеется, соображения подобного порядка имеют для нас ценность лишь постольку, поскольку они представляют собой применение принципов к определённым частным обстоятельствам. И, заметим попутно: если те, кто наиболее справедливо судил об ошибках и слабостях, присущих ментальности нашей эпохи, по большей части ограничивались сугубо негативной позицией или же отступали от неё лишь затем, чтобы предложить почти ничего не значащие средства, совершенно неспособные остановить растущий во всех областях беспорядок, то происходило это потому, что им, как и тем, кто, напротив, упорствовал в восхищении мнимым прогрессом и предавался иллюзиям относительно его рокового финала, в равной мере недоставало знания истинных принципов.

Впрочем, даже с чисто беспристрастной и «теоретической» точки зрения недостаточно просто обличать заблуждения и показывать их такими, какими они являются на самом деле; как бы полезно это ни было, ещё интереснее и поучительнее их объяснить — то есть исследовать, как и почему они возникли, ибо всё, что существует в каком бы то ни было виде, пусть даже заблуждение, с необходимостью имеет основание своего существования, и любой беспорядок в итоге должен найти своё место среди прочих элементов универсального порядка. Именно так: если современный

мир, рассматриваемый сам по себе, предстаёт аномалией и даже своего рода чудовищностью, то не менее верно и то, что, будучи помещён в контекст исторического цикла, частью которого он является, он в точности соответствует условиям определённой фазы этого цикла — той, которую индусская традиция обозначает как крайний период Кали-юги; именно эти условия, следующие из самого хода циклического проявления, и определили его отличительные черты, и в этом отношении можно сказать, что нынешняя эпоха и не могла не быть такой, какова она есть. Но совершенно ясно, что для того, чтобы увидеть в беспорядке элемент порядка или обнаружить источник заблуждения в некотором частичном и искажённом видении какого-то аспекта истины, необходимо подняться над уровнем условностей, к области которых и принадлежат по своей природе этот беспорядок и это заблуждение; равным образом, чтобы постичь истинное значение современного мира в соответствии с циклическими законами, управляющими развитием нынешнего земного человечества, нужно быть полностью свободным от той ментальности, которая его особым образом характеризует, и не быть ею затронутым ни в малейшей степени. Это ещё более очевидно на фоне того, что данная ментальность неизбежно и, так сказать, по определению подразумевает полное неведение касательно этих самых законов, равно как и всех других истин, которые, проистекая более или менее прямо из трансцендентных принципов, составляют сущностную часть того традиционного знания, по отношению к которому все сугубо современные концепции, осознанно или неосознанно, являются лишь чистым и простым отрицанием.

Мы уже давно намеревались дополнить «Кризис современного мира» продолжением гораздо более доктринального характера, чтобы показать некоторые аспекты объяснения состояния нынешней эпохи с традиционной точки зрения, которой мы намерены придерживаться всегда и исключительно. Также, ввиду именно упомянутых причин, эта

точка зрения здесь не только единственно верная, но и, можно сказать, единственно возможная, поскольку вне её подобное объяснение просто немыслимо. Различные обстоятельства вынуждали нас вплоть до настоящего времени откладывать осуществление этого замысла, но это не имеет значения для того, кто уверен, что всё, чему суждено случиться, обязательно происходит в свой срок, причём зачастую путями непредвиденными и совершенно независимыми от нашей воли. Лихорадочная спешка, с которой наши современники берутся за любое дело, здесь бесполезна и способна создать лишь суету и беспорядок, то есть привести к сугубо отрицательным результатам. Но разве они оставались бы «современными людьми», если бы могли понять, сколь благотворно следовать указаниям, предоставляемым обстоятельствами, которые, отнюдь не будучи «случайными», как мнится их невежеству, в действительности являются именно частным элементом всеобщего порядка, одновременно человеческого и космического, в который мы в итоге, добровольно или нет, должны интегрироваться?

Среди характерных черт современной ментальности мы прежде всего возьмём в качестве центрального пункта нашего исследования тенденцию сводить всё исключительно к количественной точке зрения — тенденцию, столь ярко выраженную в «научных» концепциях последних столетий и, впрочем, почти столь же отчётливо проявляющуюся в других сферах, в частности в социальной организации, так что (за исключением одной оговорки, содержание и необходимость которой будут рассмотрены далее) мы почти могли бы определить нашу эпоху прежде всего как «царство количества». Если мы выбираем именно эту черту, предпочитая её любой другой, то не только и даже не главным образом потому, что она является одной из самых заметных и неоспоримых; скорее потому, что она предстаёт перед нами как подлинно фундаментальная, поскольку такое сведение к количественному порядку в точности отражает условия той циклической фазы, до которой человечество дошло в но-

вое время. Именно эта тенденция, в конечном счёте, и ведёт логически к самому пределу этого движения вниз, совершающегося со всё возрастающей скоростью от начала до конца Манвантары, то есть на протяжении всей длительности проявления человечества, подобного нашему. Это нисхождение, по своей сути, как мы уже неоднократно говорили, есть лишь постепенное удаление от принципа, неизбежно присущее всякому процессу проявления; в нашем мире, в силу особых условий бытия, которым он подчинён, самая низшая точка принимает вид чистого количества, лишённого всякого качественного различия. Впрочем, этот самый конечный предел никогда не может быть достигнут фактически в самом ходе цикла, и находится, так сказать, вне и ниже всякого реализованного или даже реализуемого бытия, и потому мы можем говорить только о тенденции.

С самого начала, как во избежание любой двусмысленности, так и для понимания того, что может служить поводом для определённых иллюзий, важно отметить, что в силу закона аналогии самая низшая точка является своего рода тёмным отражением или перевёрнутым образом самой высшей точки. Отсюда происходит парадоксальное лишь на первый взгляд следствие: полнейшее отсутствие всякого принципа подразумевает своего рода «подделку» самого принципа; это то, что в «теологической» форме было выражено словами «Сатана — обезьяна Бога». Это замечание может оказать огромную помощь в разгадке некоторых самых мрачных загадок современного мира — загадок, которые он сам, впрочем, отрицает, не умея их разглядеть, хотя и носит их в себе, а также потому, что это отрицание является непременным условием сохранения свойственной ему ментальности, благодаря которой он существует: если бы наши современники в массе своей могли видеть, что́ ими движет и к чему они реально стремятся, современный мир немедленно перестал бы существовать как таковой, ибо то «исправление», о котором мы часто упоминали, тем самым неминуемо совершилось бы само собой. Но поскольку это «ис-

правление», с другой стороны, предполагает достижение точки остановки, где нисхождение полностью завершается и «колесо перестаёт вращаться» (по крайней мере, в тот миг, который знаменует переход от одного цикла к другому), следует заключить, что до тех пор, пока эта точка остановки не будет фактически достигнута, этот вопрос не сможет быть понят большинством, и будет понят лишь малым числом тех, кому суждено в той или иной мере подготовить ростки грядущего цикла. Едва ли нужно говорить, что во всём излагаемом мы всегда намеревались обращаться исключительно к ним, не заботясь о неизбежном непонимании со стороны остальных; правда, остальные составляют и должны составлять ещё некоторое время подавляющее большинство, но именно лишь в «царстве количества» мнение большинства может претендовать на то, чтобы приниматься в расчёт.

Как бы то ни было, в данный момент мы хотим в первую очередь применить предыдущее замечание в более узкой области: в этом отношении оно должно послужить тому, чтобы предотвратить всякую путаницу между точкой зрения традиционной науки и науки профанной, даже тогда, когда некоторые внешние сходства, казалось бы, могут к этому располагать. Эти сходства, на самом деле, зачастую проистекают лишь из перевёрнутых соответствий, где, в то время традиционная наука сущностно обращена к высшей точке зрения и придаёт низшей лишь относительную ценность только в силу её некоторых соответствий традиционной, профанная наука, напротив, обращена только к низшей точке зрения и, будучи неспособной выйти за пределы области, к которой она относится, притязает на то, чтобы свести к ней всю реальность. Так, если взять пример, имеющий прямое отношение к нашей теме — пифагорейские числа, рассматриваемые как принципы вещей, они никоим образом не являются такими числами, какие рассматривают современные математики или физики, равно как и принципиальная неизменность не есть неподвижность камня, а ис-

тинное единство не есть единообразие существ, лишённых всяких собственных качеств; и тем не менее, поскольку в обоих случаях речь идёт о числах, сторонники сугубо количественной науки не преминули попытаться причислить пифагорейцев к своим «предшественникам»! Добавим лишь (чтобы не слишком забегать вперёд в последующем изложении), что это ещё раз иллюстрирует сказанное в другом месте: профанные науки, столь превозносимые современным миром, на самом деле суть не более чем выродившиеся остатки древних традиционных наук, подобно тому как и само количество, к которому они силятся всё свести, есть, с той точки зрения, с которой они его рассматривают, так сказать, лишь «остаток» бытия, опустошённого от всего, что составляло его сущность. Именно поэтому эти так называемые науки, упуская или даже преднамеренно отбрасывая всё подлинно существенное, в конечном итоге оказываются неспособными дать реальное объяснение чему бы то ни было.

Подобно тому как традиционная наука чисел есть нечто совершенно иное, нежели профанная арифметика современности (даже если объединить с ней все мыслимые алгебраические и прочие расширения), точно так же существует и «сакральная геометрия», столь же глубоко отличная от «учебной дисциплины», обозначаемой сегодня этим же названием. Нет нужды долго на этом останавливаться, поскольку все читавшие наши предыдущие труды знают, что мы в них — и в частности в «Символизме креста» — излагали множество соображений, касающихся символической геометрии; и они могли убедиться, насколько хорошо она подходит для описания реальностей высшего порядка, по крайней мере в той степени, в какой они вообще поддаются представлению в чувственно воспринимаемом модусе. Да и в сущности, разве не являются геометрические формы необходимой основой всякого визуального или графического символизма, начиная от буквенных и числовых знаков всех языков и заканчивая кажущимися столь сложными и стран-

ными инициатическими янтрами? Нетрудно понять, что подобный символизм может иметь неопределённое множество применений; но в то же время должно быть столь же очевидно, что такая геометрия отнюдь не сводится к чистому количеству, а, напротив, является по своей сути качественной; то же самое мы скажем и об истинной науке о числах, ибо принципиальные числа, хотя и называются так по аналогии, находятся, так сказать, по отношению к нашему миру на полюсе, противоположном тому, где располагаются числа вульгарной арифметики — единственные числа, известные современным людям, на которых они всецело сосредотачивают своё внимание, принимая таким образом тень за саму реальность, подобно узникам платоновской пещеры.

В настоящей работе мы постараемся показать ещё более полно и в более общей форме, какова истинная природа этих традиционных наук, а также, на этом основании, какая пропасть отделяет их от профанных наук, предстающих как их карикатура или пародия. Это позволит оценить падение, которому подверглась человеческая ментальность при переходе от одних к другим, и также увидеть по соответствующему положению их объектов, как это падение строго следует нисходящему ходу самого цикла, проходимого нашим человечеством. Понятно, что эти вопросы опять-таки относятся к числу тех, которые никогда не могут претендовать на исчерпывающее освещение, ибо они по своей природе поистине неисчерпаемы; но мы постараемся по крайней мере сказать о них достаточно, чтобы каждый мог сделать из этого необходимые выводы относительно определения «космического момента», которому соответствует нынешняя эпоха. Если некоторые сочтут что-то из изложенного туманным, то исключительно потому, что они слишком далеки от их ментальных привычек и слишком чужды всему тому, что им было привито полученным ими воспитанием и условиями жизни; с этим мы ничего поделать не можем, ибо есть вещи, для которых собственно символический способ выражения

является единственно возможным и которые, следовательно, никогда не будут поняты теми, для кого символизм — пустой звук. Напомним здесь, что этот способ выражения есть необходимое средство передачи всякого учения инициатического порядка. Но даже не говоря о профанном мире, непонимание которого очевидно и в некотором роде естественно, достаточно взглянуть на руины инициации, ещё сохраняющиеся на Западе, чтобы увидеть, что́ некоторые за неимением интеллектуальной квалификации делают из символов, предлагаемых для их размышления [*méditation*], чтобы удостовериться: сколькими бы титулами они ни были облечены и какие бы инициатические степени они «виртуально» ни получили, они никогда не смогут проникнуть в истинный смысл ни малейшего фрагмента таинственной геометрии «Великих Архитекторов Востока и Запада»!

Раз уж мы только что упомянули о Западе, то здесь уместно сделать ещё одно замечание: какое бы распространение (особенно в последние годы) ни получил дух, называемый нами специфически «современным», и сколь бы всё возрастающее господство он ни получал (хотя бы внешне) над всем миром, это состояние духа всё равно остаётся сугубо западным по своему происхождению: именно на Западе оно зародилось и долгое время имело там свою исключительную вотчину, а на Востоке его влияние всегда будет восприниматься только как «вестернизация». Как бы далеко ни зашло это влияние в ходе ещё предстоящих событий, никогда нельзя будет противопоставить его тому, что мы говорили о различии между восточным и западным духом (что, в сущности, для нас означает то же самое, что и различие между традиционным и современным духом), ибо совершенно очевидно, что по мере того, как человек вестернизируется, какой бы расы и из какой бы страны он ни был, он тем самым перестаёт быть представителем Востока в духовном и интеллектуальном отношении, то есть с той единственной точки зрения, которая для нас на самом деле ценна. Это не просто вопрос «географии», если только не пони-

мать её совершенно иначе, чем современные люди, ибо существует также и символическая география; и в этой связи нынешнее преобладание Запада представляет собой весьма знаменательное соответствие концу цикла, поскольку Запад и есть та самая точка, где заходит солнце, то есть где оно достигает предела своего дневного пути и где, согласно китайскому символизму, «зрелый плод падает к подножию дерева». Что касается средств, с помощью которых Запад сумел установить это господство, чьим последним и самым пагубным следствием является «модернизация» более или менее значительной части представителей Востока, то достаточно обратиться к тому, что мы писали об этом в других трудах, чтобы убедиться: в конечном итоге они опираются исключительно на материальную силу, что иными словами означает, что само западное господство есть не более чем ещё одно из выражений «царства количества».

Таким образом, с какой бы стороны мы ни рассматривали эти вопросы, мы всегда возвращаемся к тем же самым соображениям и видим, как они неизменно подтверждаются во всех возможных примерах; и это нисколько не должно удивлять, ибо истина всегда непротиворечива. Однако это, разумеется, ни в коей мере не означает «систематична», вопреки тому, что слишком охотно могли бы предположить философы и профанные ученые, запертые в своих узко очерченных концепциях, которые только и заслуживают названия «систем» и которые в глубине отражают лишь недостаточность индивидуальных ментальностей, предоставленных самим себе, пусть даже ментальностей тех, кого принято называть гениями, — прославленные спекуляции которых, безусловно, не стоят знания ни единой традиционной истины. На этот счёт мы также уже сказали достаточно, обличая пагубные последствия «индивидуализма», являющегося ещё одной характерной чертой современного духа; однако добавим, что ложное единство индивида, мыслимого как образующего самого по себе завершённое целое, в человеческом порядке соответствует тому, чем в порядке косми-

ческом является единство так называемого «атома»: и то и другое суть лишь элементы, рассматриваемые как «простые» с сугубо количественной точки зрения и в роли таковых предполагаемые способными к некоему бесконечному повторению, что, по сути, есть просто невозможность, из-за сущностной несовместимости с самой природой вещей. В действительности это бесконечное повторение есть не что иное, как чистая множественность, к которой современный мир стремится изо всех сил, так и не имея, однако, возможности раствориться в ней окончательно, поскольку она удерживается на уровне, находящемся ниже всякого проявленного бытия, и является крайней противоположностью принципиальному единству. Следовательно, движение циклического нисхождения нужно рассматривать как совершающееся между двумя этими полюсами: оно начинается с единства (или, скорее, от наиболее близкой к нему точки в сфере проявления по отношению к рассматриваемому состоянию бытия) и движется всё далее и далее в направлении множественности, и здесь мы имеем в виду множественность, рассматриваемую аналитически и не соотнесенную ни с каким принципом, ибо само собой разумеется, что в принципиальном порядке всякая множественность синтетически заключена в самом единстве. Может показаться, что в известном смысле множественность присутствует на обоих крайних пределах, подобно тому как, согласно сказанному, с одной стороны имеется единство, а с другой — «единицы»; однако здесь вновь строго применяется понятие перевёрнутой аналогии: в то время как принципиальная множественность содержится в истинном метафизическом единстве, арифметические или количественные «единицы», напротив, содержатся в другой множественности — множественности низшего порядка; и, заметим мимоходом, разве сам факт возможности говорить о «единицах» во множественном числе не показывает достаточно ясно, сколь далеко рассматриваемое таким образом отстоит от истинного единства? Множественность в низшей области, по определению, чисто коли-

чественна, и можно было бы сказать, что она есть само количество в отрыве от всякого качества; тогда как множественность в высшей области (или то, что мы называем так по аналогии) в действительности является множественностью качественной, то есть совокупностью качеств или атрибутов, составляющих сущность [*essence*] существ и вещей. Следовательно, можно также сказать, что упомянутое нами нисхождение совершается от чистого качества к чистому количеству, причём и то и другое суть пределы, внешние по отношению к проявлению (один по ту, другой по эту сторону), поскольку по отношению к особым условиям нашего мира или нашего состояния бытия они служат выражением двух универсальных принципов, которые мы в других местах обозначили соответственно как «Сущность» (*essence*) и «Субстанция» и которые представляют собой два полюса, между коими происходит всякое проявление. И это тот самый пункт, который нам предстоит более полно объяснить в первую очередь, ибо именно благодаря этому в дальнейшем можно будет лучше понять и другие соображения, которые мы намерены развить в ходе настоящего исследования.

Глава I. Количество и качество

Обычно рассматривают количество и качество как два дополнительные термина, не понимая глубокого смысла этого отношения; этот смысл заключается в том соответствии, которое его предваряет. Исходить надо, таким образом, из первой космической дуальности, содержащейся в самом принципе бытия или универсального проявления, без которой никакое проявление невозможно, какого бы рода оно ни было. Согласно индусской доктрине, эта дуальность пуруши и пракрити, или же, если использовать другую терминологию, это «сущность» и «субстанция». Будучи двумя полюсами всякого проявления, они должны рассматриваться как универсальные принципы; но и на другом уровне или, скорее, на других уровнях, представляющих собою более или менее частные области, которые можно наблюдать внутри универсального бытия, также можно аналогичным образом употреблять эти же термины в относительном смысле, чтобы обозначить то, что соответствует или представляет эти принципы более непосредственно по отношению к определённому, более или менее ограниченному способу проявления. Так, можно говорить о сущности и субстанции либо по отношению к миру, то есть по отношению к состоянию бытия, определённому некоторыми особыми условиями, либо по отношению к существу, рассматриваемому как частное, или даже по отношению к его проявлению на каждой ступени бытия; в этом последнем случае сущность и субстанция, естественно, представляют собою микрокосмическое соответствие тому, чем они являются с макрокосмической точки зрения для мира, в котором это проявление располагается, или, другими словами, они являются лишь конкретизациями тех же относительных принципов, кото-

рые являются определениями универсальных сущности и субстанции по отношению к миру, в котором они действуют.

Понимаемые в этом относительном смысле и, главным образом, по отношению к отдельным существам, сущность и субстанция, в конце концов, суть то же самое, что философы схоласты называли «формой» и «материей»; но мы предпочитаем не употреблять эти термины, которые, несомненно из-за некоторого несовершенства латинского языка, довольно неточно передают идеи, которые они призваны выражать[1] и которые стали ещё более двусмысленными из-за совершенно отличного смысла, приобретенного этими словами в современном языке. Как бы то ни было, сказать, что всякое проявленное существо состоит из «формы» и «материи», это все равно что сказать, что его бытие с необходимостью проистекает сразу из сущности и из субстанции и что, следовательно, в нём есть нечто, соответствующее тому и другому принципу таким образом, как если бы это проистекало из их единства, или, выражаясь более точно, из действия, осуществляемого активным принципом или сущностью, на пассивный принцип или субстанцию; в более специальном применении в случае с индивидуальными существами эти «форма» и «материя», конституирующие их, тождественны соответственно тому, что в индусской традиции обозначается как *nāma* и *rūpa*. Мы обозначили в общем соответствие между различными терминологиями, что позволит переводить наши объяснения в более привычный для них язык и, следовательно, легче понимать их; теперь мы ещё добавим, что именуемое в аристотелевском смысле «действием» и «возможностью» тоже соответствует сущности и субстанции; впрочем, эти два термина имеют более широкое применение, чем «форма» и «материя»; но, по существу, сказать, что всякое существо есть смесь действия

[1] Этими словами довольно неудачно переводят греческие термины εἶδος и ὕλη, которые использует в том же смысле Аристотель и к которым мы вскоре вернёмся.

и возможности, значит сказать то же самое, так как действие есть само по себе то, через что оно причастно субстанции. Чистое действие и чистая возможность никоим образом не могли бы оказаться в проявлении, поскольку они в конечном счёте суть эквиваленты универсальных сущности и субстанции.

Если это понятно, то мы можем говорить о сущности и субстанции нашего мира, то есть мира индивидуального человеческого существа. Добавим, что согласно с условиями, этот мир определяющими, эти два принципа возникают здесь соответственно под видом качества и количества. Это уже может быть очевидным относительно качества, потому что сущность, в конечном счёте, есть принципиальный синтез всех атрибутов, принадлежащих некоторому существу и делающих так, что это существо есть то, что оно есть, а атрибуты или качества суть, на самом деле, синонимы; можно ещё заметить, что качество, рассматриваемое как содержание сущности, если можно так сказать, не ограничено исключительно только нашим миром, но что возможно преобразование, обобщающее его значение, в чём, впрочем, нет ничего удивительного, так как оно здесь представляет высший принцип: но при такой универсализации качество перестаёт коррелировать с количеством, потому что последнее, напротив, строго связано со специальными условиями вашего мира; к тому же, с теологической точки зрения, не относят ли качество в некотором роде к самому Богу, говоря о Его атрибутах, в то время как было бы совершенно немыслимо стремиться переносить на него какие бы то ни было количественные определения?[2] Можно было бы возражать против того, что Аристотель располагает качество, равно как и количество, среди «категорий», которые являются всего лишь особыми модусами существа, не обладающими одинаковой с ним экстенсивностью; но дело в том, что тогда перечислением категорий не осуществляется то преобразо-

[2] Можно говорить о *Brahma saguṇa* или «качественном», но никоим образом речь не может идти о Брахме «количественном».

вание, о котором мы только что говорили, и что оно, впрочем, и не должно этого делать, соотносясь лишь с нашим миром и его условиями, так что качество может и должно здесь рассматриваться только лишь в более непосредственном для нас, в нашем индивидуальном состоянии, смысле, или же, как мы только что говорили, оно представляет собою коррелятив количества.

С другой стороны, интересно отметить, что «форма» схоластов есть то, что Аристотель называл εἶδος, и это слово также использовалось для обозначения «вида», который представляет собою, собственно говоря, природу или общую для неопределённого множества индивидов сущность; однако, эта природа чисто качественного порядка, так как она поистине «неисчислима» в строгом смысле этого слова, то есть не зависима от количества, являясь неделимой и целиком пребывающей в каждом из индивидуумов, принадлежащих к этому виду таким образом, что она никоим образом не задевается и не изменяется их числом, не чувствительна к «большему» или «меньшему». Более того, εἶδος этимологически означает «идею», не в современном психологическом смысле, а в онтологическом смысле, более близко к платоновскому, чем это обычно себе представляют, так как сколь ни была бы велика разница, реально существующая в этом отношении между концепциями Платона и Аристотеля, всё же эта разница значительно преувеличена их учениками и комментаторами, как это часто и бывает. Платоновские идеи являются также и сущностями; Платон в особенности подчёркивает их трансцендентный аспект, а Аристотель — имманентный, что не исключает одно другого с необходимостью, а лишь соотносится с различными уровнями, что бы ни говорили при этом о «систематическом» осознании; во всяком случае, всегда речь идёт при этом об «архетипах» или о сущностных принципах вещей, представляющих собою то, что можно назвать качественной стороной проявления. Кроме того, те же самые платоновские идеи суть, под другим названием и при прямой преемственности, то же са-

мое, что пифагорейские числа; и это хорошо показывает, что те же самые пифагорейские числа, как это мы уже показывали ранее, хотя и называются также числами, вовсе не являются числами в количественном и обычном смысле этого слова, но что они, напротив, чисто качественны и соответствуют обратным образом, со стороны сущности, тому, что представляют собою количественные числа со стороны субстанции[3].

Напротив, когда святой Фома Аквинский говорит, что *numerus stat ex parte materiæ* («число отчасти становится материей»), то речь идёт именно о количественном числе, и тем самым он утверждает, что количество непосредственно имеет отношение к субстанциальной стороне проявления; мы говорим субстанциальной, потому что *materia* в схоластическом смысле вовсе не есть «материя» как её понимают современные физики, но именно субстанция, будь то в относительном значении, когда она ставится в соответствии с формой и соотносится с отдельным существами, или же когда вопрос стоит о *materia prima* (первоматерии) как о пассивном принципе универсального проявления, то есть о чистой потенции, которая эквивалентна пракрити в индусском учении. Тем не менее, как только речь заходит о «материи», в каком бы смысле её ни желали понимать, все становится в особенности тёмным и путаным, и, несомненно, не без основания[4]; итак, поскольку нам удалось достаточно ясно показать отношение качества и сущности, не

[3] Можно отметить также, что имя отдельного существа как выражение его сущности и есть, собственно говоря, число, понятое в том же самом качественном смысле; это устанавливает тесную связь между концепцией пифагорейских чисел, а значит, и концепцией платоновских идей, и использованием санскритского термина *nāma* для обозначения сущностной стороны существа.

[4] Отметим также в отношении сущности и субстанции, что схоласты часто передают значение термина *substantia* греческим οὐσία, который, напротив, есть буквально и в собственном смысле «сущность», что немало способствует увеличению путаницы в языке; и отсюда такое выражение, как «субстанциальная форма», например, которое весьма плохо приложимо к тому, что в реальности составляет сущностную сторону существа, а вовсе не приложимо к его субстанциальной стороне.

вдаваясь в длинные рассуждения, то мы должны теперь продвинуться дальше к тому, что касается отношения количества и субстанции, так как нам сначала надо прояснить различные аспекты, в которых предстаёт то, что на Западе называют «материей» вплоть до современного отклонения, когда это слово было призвано играть столь большую роль; это тем более необходимо, что вопрос этот лежит в некотором роде в самой основе главного предмета нашего исследования.

Глава II. Materia signata quantitate

Вообще, схоласты называют *materia* то, что Аристотель называл ὕλη; как мы уже говорили, эта *materia* никоим образом не должна отождествляться с «материей» наших современников, сложное и в определённом отношении даже противоречивое понятие, которое представляется чуждым как для древних Запада, так и для древних Востока; но даже если предположить, что оно может стать этой «материей» в некоторых частных случаях или, говоря более точно, что можно ввести задним числом эту недавнюю концепцию, то всё же оно включает в то же самое время ещё множество других вещей, и нам следует прежде всего позаботиться различать именно эти различные вещи; но чтобы их все вместе обозначать общим наименованием, таким, как ὕλη и *materia*, у нас нет в современном западном языке лучшего термина, чем «субстанция». Прежде всего ὕλη в качестве универсального принципа есть чистая возможность, где нет ничего различимого или «актуализированного» и которая образует пассивное «основание» любого проявления; следовательно, именно в этом смысле пракрити есть универсальная субстанция, и все, что мы ранее говорили по этому поводу, равным образом применимо к ὕλη, понимаемому таким образом[5]. Что касается субстанции, взятой в относительном смысле, как то, что представляет субстанциальный принцип

[5] Отметим, что первый смысл слова ὕλη относится к вегетативному принципу; здесь есть намёк на «корень» (на санскрите *mūla*, термин, применяемый к пракрити), начиная с которого развертывается проявление; здесь можно также увидеть некоторое отношение к тому, что индусская традиция говорит об «асурической» природе растительного, которое, действительно, погружает свои корни в то, что образует тёмное основание нашего мира; субстанция, в некотором роде, есть тёмный полюс бытия, что далее будет видно ещё лучше.

по аналогии и играет эту роль по отношению к определённому, более или менее узко ограниченному порядку бытия, то именно субстанция во второй раз называется ὕλη, а именно в корреляции этого термина с εἶδος, чтобы обозначить две стороны частного бытия: сущностную и субстанциальную.

Схоласты, следуя Аристотелю, различают эти два смысла, говоря о *materia prima* (первичной материи) и *materia secunda* (вторичной материи); мы, следовательно, можем сказать, что их *materia prima* есть универсальная субстанция, а что их *materia secunda* есть субстанция в относительном смысле; но как только вступают в область относительного, термины становятся многократно приложимыми к различным степеням, оказывается так, что то, что является материей на одном уровне, может стать формой на другом уровне, и наоборот, в соответствии с иерархией степеней более или менее партикуляризованных, как её принимают в проявленном бытии. Во всяком случае, *materia secunda*, хотя она и конституирует потенциальную сторону мира или существа, никогда не есть чистая возможность; чистой возможностью является лишь универсальная субстанция, которая располагается не только под нашим миром (субстанция, от *sub stare*, означает буквально «то, что держится внизу», что также вызывает идеи «опоры» и «субстрата»), но под всеми мирами или под всеми состояниями, которые входят в универсальное проявление. Добавим, что тем самым, что она есть только лишь абсолютно «неразличимая» и недифференцированная потенциальность, универсальная субстанция. Что касается относительных субстанций, то в той мере, в какой они причастны потенциальности универсальной субстанции, они причастны также и её «непостижимости». Следовательно, искать объяснения вещей надо не с субстанциальной стороны, но как раз наоборот, со стороны сущностной, и если это перевести в термины пространственного символизма, то можно сказать, что всякое объяснение следует сверху вниз, а не снизу вверх; это заме-

чание особо важно для нас, потому что оно непосредственно указывает на причину того, почему современные науки лишены всякой объясняющей силы.

Прежде чем идти дальше, мы должны сразу же отметить, что «материя» физиков может быть в любом случае лишь *materia secunda*, потому что они полагают, что она одарена некоторыми свойствами, относительно которых, впрочем, они не могут прийти к полному согласию, так что в ней не оказывается ничего, кроме потенциальности и «неразличимости»; в результате, поскольку их концепции относятся к одному лишь чувственному миру и дальше этого они не идут, им незачем рассматривать *materia prima*. Тем не менее, по странному недоразумению они каждую минуту говорят об «инертной материи», не замечая того, что если бы она в действительности была инертной, то она была бы лишена всяких свойств и не проявлялась бы никоим образом, так что она не могла бы быть абсолютно ничем из того, что их чувства могут воспринять, тогда как они, напротив, объявляют «материей» всё то, что подлежит восприятию чувств; на самом деле, инерция может соответствовать только одной лишь *materia prima*, потому что она есть синоним пассивности или чистой потенциальности. Говорить о «свойствах материи» и утверждать в то же время, что «материя инертна», представляет собою неразрешимое противоречие; и по странной иронии современные «саентисты», претендующие на устранение всякой «тайны», обращаются тем не менее к самому что ни есть в обыденном смысле этого слова «таинственному», то есть наиболее тёмному и наименее постижимому!

Теперь можно спросить, оставляя в стороне так называемую «инерцию материи», которая на самом деле является абсурдом, представляет ли собою та самая «материя», которая наделена более или менее чётко определёнными качествами, что и делает её доступной нашим органам чувств, то же самое, что и *materia secunda* нашего мира так, как её понимают схоласты. Сразу же можно усомниться, не являет-

ся ли такое приравнивание неточным, если только обратить внимание на то, что для того, чтобы играть по отношению к нашему миру роль, аналогичную роли *materia prima* или универсальной субстанции по отношению ко всякому проявлению, *materia secunda*, о которой идёт речь, никоим образом не должна быть проявлена в этом самом мире, но служит всего лишь «опорой» или «корнем» тому, что проявляется и, следовательно, ей не могут быть присущи чувственные качества, но напротив, они происходят от «форм», полученных ею, что ещё раз нас приводит к утверждению, что всё качественное должно быть отнесено, в конечном счёте, к сущности. Здесь появляется новое смешение: современные физики в своем усилии свести качество к количеству, пришли из-за некоего рода логической ошибки к смешению одного и другого и, вследствие этого, к приписыванию самого качества к их «материи» как таковой, к которой они сводят всякую реальность или по крайней мере всё то, что они могут признать как реальность, что и конституирует «материализм» в собственном смысле слова. *Materia secunda* нашего мира, тем не менее, не должна быть лишена всякой определенности, потому что в противном случае она смешалась бы с самой *materia prima* в её полной «неразличимости»; с другой стороны, она не может быть какой угодно *materia secunda*, но она должна быть определена согласно особым условиям этого мира и таким способом, чтобы именно по отношению к этому миру она действительно могла бы играть роль субстанции, а не по отношению к чему бы то ни было другому. Следовательно, надо уточнить природу этой определенности, что и делал Фома Аквинский, определяя эту *materia secunda* как *materia signata quantitate* (материю, отмеченную количеством); то, что присуще ей и делает её тем, что она есть, не является, следовательно, качеством, пусть даже рассматриваемым в одном лишь чувственном порядке, но это, напротив, количество, которое есть таким образом *ex parte materia* (отчасти материя). Количество есть одно из условий бытия в чувственном и телесном мире; оно

является даже среди всех условий одним из присущих в наибольшей степени этому миру; таким образом, как и следовало ожидать, определение *materia secunda*, о котором идёт речь, не касается ничего иного, кроме этого мира, но касается оно его всего целиком, потому что всё то, что в нём существует, с необходимостью подчинено количеству; этого определения совершенно достаточно, и нет необходимости приписывать этой *materia secunda*, как это делают для современной «материи», свойства, которые никоим образом не могут в реальности ей принадлежать. Могут сказать, что количество, конституирующее в собственном смысле слова субстанциальную сторону нашего мира, есть, так сказать, «базовое» или фундаментальное условие; но следует остерегаться придавать по этой причине ему значение иного порядка, нежели то, которым оно реально обладает, и в особенности, стремиться извлечь из него объяснение этого мира, так же, как следует остерегаться смешивать фундамент здания и его крышу: пока есть один фундамент, ещё нет здания, хотя этот фундамент для него необходим, и точно так же, пока есть одно лишь количество, ещё нет чувственного проявления, хотя в нём и есть самый его корень. Количество, сведенное к самому себе, есть только необходимое «предрасположение», которое ещё ничего не объясняет; это, конечно, база, но и ничего более, и не следует забывать, что база, по самому своему определению, есть то, что расположено на самом низшем уровне; так что сведение качества к количеству по сути есть не что иное, как то самое «сведение высшего к низшему», которым кое-кто хотел весьма справедливо охарактеризовать материализм: претендовать на выведение «большего» из «меньшего» — это и есть на самом деле одно из самых типичных современных заблуждений!

Возникает ещё один вопрос: количество предстаёт перед нами в различных модусах, а именно, есть прерывное коли-

чество, которое и есть собственно число[6], и непрерывное количество, представленное, главным образом, величинами пространственного и временного порядков; какой из этих модусов составляет то, что можно с большей точностью назвать чистым количеством? Этот вопрос тоже важен. Тем более, что Декарт, который находится у истоков большей части современных философских и, особенно, научных концепций, стремился определить материю через протяженность и даже сделать из этого определения принцип количественной физики, которая если и не была ещё «материализмом», то по крайней мере была «механицизмом»; из этого можно было сделать вывод, что протяженность, непосредственно присущая материи, представляет фундаментальный модус количества. Напротив, святой Фома Аквинский, говоря, что *numerus stat ex parte materiae* (число отчасти становится материей), кажется, скорее утверждает, что число составляет субстанциальную базу этого мира и что, следовательно, оно должно рассматриваться на самом деле как чистое количество; этот «базовый» характер числа, кроме того, прекрасно согласуется с тем фактом, что в пифагорейском учении именно оно, в соответствии с обратной аналогией, принято в качестве символа сущностных принципов вещей. Впрочем, следует отметить, что материя Декарта уже не является *materia secunda* схоластов, но представляет собою пример, и возможно, по времени первый, «материи» современных физиков, хотя он и не включил ещё в это понятие всего того, что должны были в него его последователи малопомалу вводить, чтобы прийти к самым недавним теориям относительно «конституции материи». Уместно, таким образом, заподозрить, что здесь, возможно, имеется ошибка или

[6] Чистое понятие числа есть, по существу, понятие целого числа. Очевидно, что последовательность целых чисел составляет прерывную серию; всякое расширение, которое получило это понятие, давшее место рассмотрению дробных и несоизмеримых чисел, является настоящим искажением; на самом деле это были лишь усилия, направленные на то, чтобы, насколько это возможно, сократить интервалы нумерической прерывности, чтобы сделать менее несовершенным её применение к измерению непрерывных величин.

какое-нибудь смешение в картезианском определении материи, и сюда уже мог проникнуть, быть может, без ведома автора, некий элемент, не принадлежащий к чисто количественному порядку; и действительно, как это мы увидим далее, протяженность, очевидно обладающая количественным характером, как, впрочем, и всё то, что принадлежит к чувственному миру, не может, тем не менее, рассматриваться как чистое количество. Более того, можно отметить также, что теории, идущие ещё дальше в направлении сведения к количественному уровню, являются, в основном, «атомистическими» в той или иной форме, то есть они вводят в своё понятие материи прерывность, что в гораздо большей степени сближает её с природой числа, чем протяженности; и даже тот факт, что телесная материя, несмотря ни на что, не может быть понята иначе, чем протяженность, является для «атомистов» только источником противоречий. Другой причиной смешения, к чему мы ещё вернёмся, является усвоенная привычка рассматривать «тело» и «материю» почти как синонимы; на самом деле, тела ни в коей мере не представляют собою *materia secunda*, которая нигде не встречается нам в существующих проявлениях этого мира, тела лишь следуют из неё как из своего субстанциального принципа. В конечном счёте, число как раз никогда непосредственно и в чистом виде не воспринимается в телесном мире, который в первую очередь должен рассматриваться в сфере количества, составляющего его фундаментальный модус; другие модусы суть только производные, то есть они в определённом роде количественны лишь через причастность их к числу, что, впрочем, имплицитно и признают, когда полагают, что всё количественное должно быть выражено нумерически. Во всех этих модусах количество, даже если оно и доминирует, сказывается всегда более или менее смешано с качеством, и таким образом, вопреки всем усилиям современных математиков, концепции пространства и времени не могут быть никогда исключительно количественными, по крайней мере если их не сводят к совершен-

но пустым понятиям, не соприкасающимся ни с какой реальностью. Но, по правде говоря, не состоит ли современная наука по большей части из этих пустых понятий, которые носят лишь характер «конвенции» без всякого действительного значения? Далее мы подробнее остановимся на этом вопросе, особенно на том, что касается природы пространства, так как здесь есть тесная связь с принципами геометрического символизма, и в то же время здесь мы находим прекрасный пример вырождения традиционных концепций в профанные; мы придем к этому, исследуя прежде всего, каким образом идея «меры», на которой сама геометрия покоится, традиционно была подвержена превращению, придавшему ей совершенно иное значение, чем то, которое ей придают современные ученые, видящие в ней, в конечном счёте, лишь средство как можно больше приблизить свой «идеал наизнанку», то есть мало-помалу совершить сведение всех вещей к количеству.

Глава III. Мера и проявление

Если мы предпочитаем избегать использования слова «материя» до тех пор, пока мы не исследовали специально современные концепции, то причина этого заключается в смешении, которое рождается неизбежно, потому что оно не может не вызывать в памяти прежде всего идею — и так происходит даже с теми, кто знает особый смысл, придаваемый ей схоластами, — как раз того, что таким образом обозначают современные физики; это недавно возникшее значение является единственным, применяемым к этому слову в обыденной речи. Однако, как мы уже говорили, эта идея не встречается ни в одном традиционном учении, ни в западном, ни в восточном; это лишь показывает, даже в той мере, в какой можно было бы её принять законным образом, очистив от некоторых посторонних и явно противоречивых элементов, что такая идея не имеет в себе ничего истинно существенного и относится на самом деле лишь к очень частному способу рассмотрения вещей. В то же время, поскольку речь идёт здесь об очень недавней идее, то очевидно, что она не содержится в самом слове, намного более древнем, чем она, первоначальное значение которого, следовательно, полностью от неё независимо; впрочем, следует признать, что это слово принадлежит к тем, для которых очень трудно с точностью определить их истинное этимологическое происхождение, как если бы более или менее непроницаемая завеса неизбежно должна закрывать всё то, что относится к «материи», и в этом отношении ничего нельзя сделать большего, чем только различить некоторые идеи, которые наиболее близки к её истоку, что представляет определенный интерес, даже если и не иметь возможно-

сти различить, какая из этих идей ближе всего к первоначальному смыслу.

Чаще всего отмечается ассоциация, связывающая *materia* и *mater*, и это действительно хорошо подходит для субстанции, так как она есть пассивный или, говоря символически, «женский» принцип; можно сказать, что пракрити играет «материнскую» роль по отношению к проявлению, так же, как пуруша играет «отцовскую» роль; и так происходит одинаково на всех уровнях, на которых можно аналогичным образом рассматривать корреляцию сущности и субстанции[7]. С другой стороны, возможно также сближать то же самое слово *materia* с латинским глаголом *metiri*, «измерять» (мы сейчас увидим, что в санскрите существует ещё более близкая к этому форма), но тот, кто говорит «измерять», тем самым говорит об определении, и это уже неприложимо к абсолютной неопределимости универсальной субстанции или *materia*, но скорее всего, должно соотноситься с другим, более ограниченным значением; именно это мы сейчас будем рассматривать более специальным образом.

Как говорит по этому поводу Ананда К. Кумарасвами: «Для всего того, что может быть познано и воспринято (в проявленном мире), в санскрите есть лишь одно выражение *nāma-rūpa*, два термина которого соответственно значат «умопостигаемое» и «чувственное» (рассматриваемые как два взаимодополнительных аспекта, относящихся соответ-

[7] Это также согласуется с изначальным смыслом слова ὕλη, о котором мы говорили выше; растение, можно сказать, является «матерью» по отношению к фрукту, который на нём вырастает и который оно кормит своей субстанцией, но который развивается и созревает лишь под животворящим влиянием солнца, являющееся здесь чем-то вроде «отца»; и следовательно, сам фрукт символически ассимилируется с солнцем по «единосущности». если можно так сказать, как это можно видеть в том случае, о котором мы говорили относительно символизма *Ādityas* (Адитья) и других различных сходных с этим понятий.

ственно к сущности и субстанции вещей)[8]. Верно, что слово *mātrā*, буквально означающее «мера», это этимологический эквивалент *materia*; но то, что «измеримо», это не «материя» физиков, это возможности проявления, присущие духу (*Атману*)»[9]. Эта идея «меры», поставленная таким образом в прямое соответствие с самим проявлением, очень важна, но она отнюдь не является принадлежностью исключительно одной лишь индусской традиции, что Кумарасвами и имеет в виду; действительно, можно сказать, что она обнаруживается в той или иной форме во всех традиционных учениях, и хотя, естественно, мы не в состоянии в настоящее время указать все те соответствия, которые здесь можно открыть, мы тем не менее пытаемся сказать достаточно для того, чтобы оправдать это утверждение, разъясняя, насколько это возможно, символизм «меры», который как раз занимает значительное место в некоторых формах посвящения.

Мера, понимаемая в своем буквальном смысле, относится главным образом к сфере непрерывного количества, то есть, более непосредственно, к вещам, обладающим пространственным характером (потому что само время, хотя оно и непрерывно, можно измерить лишь косвенно, связывая его определённым образом с пространством через посредство движения, которое устанавливает отношение между ними); отсюда следует, что она имеет отношение либо к самой протяженности, либо к тому, что принято называть «телесной материей» из-за протяженного характера, которым она с необходимостью обладает, что, впрочем, не означает, что природа её сводится просто к протяженности, как это

---

[8] Оба этих термина, «умопостигаемое» и «чувственное», так же используемые коррелятивно, принадлежат, собственно говоря, платоновскому языку; известно, что «умопостигаемый мир» есть для Платона область «идей» или «архетипов», которые, как мы уже видели, суть, в действительности, сущности в собственном смысле этого слова; и по отношению к этому умопостигаемому миру, чувственный мир, представляющий собою область телесных элементов и того, что следует из их комбинаций, остаётся на субстанциальной стороне проявления.

[9] «Заметки о Катха-упанишаде», часть 2-я. [*Notes on the Katha-Upanishad*].

полагал Декарт. В первом случае меру правильней назвать «геометрической», во втором скорее можно говорить о «физической» мере в обычном смысле слова; но на самом деле второй случай сводится к первому, потому что тела являются непосредственно измеримыми, поскольку они располагаются в протяженности и потому что они в ней занимают некую определённую часть, в то время как их остальные свойства могут подлежать мере постольку, поскольку они каким-либо образом могут быть соотнесены с протяженностью. Как мы и полагали, здесь мы очень далеки от *materia prima*, которая в своей абсолютной «неразличимости» не может быть никоим образом измерена или служить для измерения чего бы то ни было; но мы должны ещё спросить, не связано ли более или менее тесно это понятие меры с тем, что конституирует *materia secunda* нашего мира; и действительно, эта связь существует, потому что последняя представляет собою *signata quantitate* (означенное через количество). Если мера прямо касается протяженности и того, что в ней содержится, то она становится возможной именно через количественный аспект этой протяженности; но непрерывное количество само, как это мы пояснили, есть только зависимый от количества модус, то есть оно, собственно говоря, количественно лишь по своей причастности к чистому количеству, которое принадлежит к *materia secunda* телесного мира; добавим, что поскольку непрерывность не является чистым количеством, постольку мера всегда обладает некоторым несовершенством своего нумерического выражения, то есть прерывностью чисел, делающей невозможным её адекватное приложение к определению непрерывных величин. Поистине, число есть основа всякой меры, но пока имеют в виду только число, нельзя говорить о мере, о мере как приложении числа к чему-то другому, которое в определённых границах всегда возможно, учитывая «неадекватность», о которой мы говорили, для всего того, что подлежит условиям количества или, другими словами, для всего, что принадлежит к области телесного проявления. Только надо

иметь в виду, — и мы здесь опять обращаемся к идее, выраженной А. Кумарасвами, — что на самом деле, вопреки неточности обыденного языка, количество это не то, что измеряется, но напротив, то, чем измеряются вещи; и сверх того, можно сказать, что мера по отношению к числу, но в обратной аналогии, есть то, что есть проявление по отношению к своему сущностному принципу.

Теперь понятно, что для распространения идеи меры за пределы телесного мира необходимо её переносить аналогичным образом: поскольку пространство есть место проявления возможностей телесного порядка, то им можно воспользоваться для представления любой области универсального проявления, которая иначе «непредставима»; таким образом, прилагаемая к ней идея меры, по существу, принадлежит к тому пространственному символизму, примеры которого мы так часто приводили. В сущности, мера есть «означение» или «определение», необходимо присущее всякому проявлению, в каком бы порядке или модусе оно ни совершалось; естественно, что это определение соответствует условиям каждого состояния бытия, и в некотором смысле оно даже отождествляется с самими этими условиями, воистину количественно оно лишь в нашем мире, потому что количество, в конечном счёте, так же, впрочем, как пространство и время, есть только одно из особых условий телесного бытия. Но во всех мирах существует определение, которое может быть для нас символизировано через количественное определение, представляющее собой меру, потому что она есть то, что этому соответствует, учитывая различие в условиях. И можно сказать, что именно через эти определения миры со всем их содержимым реализованы или «актуализированы» как таковые, потому что оно составляет нечто единое с самим процессом проявления. Кумарасвами отмечает, что «платоновское и неоплатоновское понятие «мера» согласуется с индийским понятием: «не-мерное» есть то, что ещё не было определено; «мерное» есть определённое или конечное содержание «космоса», то есть «упо-

рядоченного» универсума; «неизмеримое» есть бесконечное, которое является источником одновременно и неопределённого и конечного и которое, по определению, остаётся незатронутым тем, что определимо», то есть реализацией содержащихся в нём возможностей проявления.

Ясно, что идея меры состоит в тесной связи с идеей «порядка» (на санскрите *ṛta*), который соотносится с созданием проявленного универсума, согласно этимологическому смыслу греческого слова «космос», это создания «порядка» из «хаоса»; «хаос» это, в платоновском смысле слова, неопределённое, «космос» — определённое[10]. Это создание уподобляется всеми традициями «освещению» («Да будет свет» творения, *Fiat Lux*), «хаос» же символически отождествляется с «мраком»: это потенция, исходя из которой «актуализируется» проявление, то есть, в конечном счёте, субстанциальная сторона мира, которая, таким образом, описывается как тёмный полюс бытия, тогда как сущность есть его светлый полюс, потому что именно его влияние действительно освещает «хаос», чтобы извлечь из него «космос». Сам процесс проявления, соответственно, содержит одновременно идеи «выражения», «зачатия» и «светлого излучения»[11]. Солнечные лучи делают вещи видимыми, освещая их, заставляют их появляться, следовательно, символически говоря, их «проявляют»; если рассматривать центральную точку в пространстве и исходящие из этого центра лучи, то можно также сказать, что эти лучи «реализуют» пространство, заставляя его переходить из виртуальности в актуальность и что их действительное распространение в каждый момент есть мера реализованного пространства. Эти лучи, собственно говоря, соответствуют направлениям пространства (направле-

[10] Санскритское слово *ṛta* по своему корню родственно латинскому *ordo*, и вряд ли надо добавлять, что оно ещё тесней связано со словом *rite* (ритуал): этимологически ритуал есть то, что исполняется согласно «порядку» и что, следовательно, имитирует или воспроизводит на своем уровне тот же процесс проявления; именно поэтому в строго традиционной цивилизации всякое действие, каким бы оно ни было, обладает по существу ритуальным характером.

[11] См. А. К. Кумарасвами, там же.

ниям, которые часто представляются символизмом «волос», который в то же время соотносится с солнечными лучами); пространство определено и измерено трехмерным крестом, и в традиционном символизме «семи солнечных лучей» этот крест образуют шесть из этих лучей, противопоставляемых по два, в то время как «седьмой луч», тот, который проходит через «солнечные ворота», графически может быть представлен только самим центром. Всё это согласовано и следует одно из другого самым совершенным образом; добавим также, что в индусской традиции «три шага» Вишну, «солнечный» характер которого хорошо известен, отмеряют «три мира», что позволяет сказать, что они «осуществляют» всеобщность универсального проявления. С другой стороны, известно, что три элемента, составляющие священный слог Ом, обозначаются термином *mātrā*, что указывает на то, что они представляют тоже меру, соответствующую «трем мирам», и посредством медитации на эти *mātrā* существо реализует в себе соответствующие состояния или ступени универсального бытия и само также становится «мерой всех вещей»[12].

Санскритское слово *mātrā* в точности соответствует еврейскому слову *muddah*; в Каббале же middoth связываются с божественными атрибутами и говорится, что с их помощью Бог создал миры, что, кроме того, в точности соответствует символизму центральной точки и направлений пространства[13]. По этому поводу можно было бы также напомнить библейские слова, согласно которым Бог «все расположил мерою, числом и весом»[14]; это перечисление, явно соответствующее трем различным модусам количества, как таковое приложимо буквально не только к телесному миру, но при соответствующем преобразовании, можно видеть в нём также выражение универсального «порядка». Так же обсто-

[12] См. «Человек и его осуществление согласно Веданте», гл. XVII.

[13] См. «Символизм креста», гл. IV.

[14] *Omnia in mensura, numero et pondere disposuisti* («Ты все расположил мерою, числом и весом»), Премудрость Соломона, 11, 21.

ит дело и с пифагорейскими числами, но среди всех модусов количества именно протяженности соответствует мера в собственном смысле слова, потому что она чаще всего и самым непосредственным образом соотносится с самим процессом проявления в силу некоторого естественного доминирования в этом отношении пространственного символизма, происходящего от того факта, что пространство, конституирующее «поле» (в смысле санскритского *kṣetra*), на котором развертывается телесное проявление, само с неизбежностью принимается за символ любого универсального проявления.

Идея меры сразу же приводит к идее «геометрии», так как не только всякая мера по существу «геометрична», как мы видели, но можно сказать, что геометрия есть не что иное, как сама наука меры; очевидно, что здесь речь идёт о геометрии, понимаемой прежде всего в символическом и тайном смысле, по отношению к которой профанная геометрия есть только выродившийся остаток, лишённый глубокого значения, имевшегося вначале и целиком утраченного для современных математиков. Именно на этом, по существу, основывается любая концепция, сближающая божественную активность как творящую и упорядочивающую миры, с «геометрией» и, следовательно, также и с «архитектурой», которая от неё неотделима[15]; известно, что эти концепции сохранялись и передавались, не прерываясь, начиная с учения Пифагора (которое и само, впрочем, было лишь «адаптацией», а не истинным «началом») и вплоть до того, что сегодня представляют собою западные тайные организации, как мало бы они ими не осознавались. Именно к этому относятся слова Платона: «Бог все время геометризирует» (чтобы перевести точно, нам приходится прибегнуть к неологизму из-за отсутствия во французском языке глагола, используемого для обозначения операций геометрии), слова, которым

[15] На арабском слово *handasah*, первое значение которого это «мера», служит для обозначения одновременно и геометрии и архитектуры, которая по отношению к геометрии является результатом её приложения.

соответствует надпись, как говорят, на двери его школы: «Пусть никто не входит сюда, если он не геометр», предполагают, что его обучение, по крайней мере в своем эзотерическом аспекте, не может быть правильно и действительно понято иначе, чем как «подражание» самой божественной деятельности. Как последнее эхо этого в современной философии (если речь идёт о её датировке, но на самом деле это реакция против специфических современных идей), у Лейбница, говорящего, что «когда Бог считает и упражняется в размышлении (то есть составляет планы), создаётся мир» (*dum Deus calculat et cogitationem exercet, fit mundus*); но для древних здесь имелся гораздо более точный смысл, как в греческой традиции «Бог геометр» это был, собственно говоря, Аполлон Гиперборейский, что ещё раз нас приводит к солнечному символизму и, в то же время, к довольно явному отклонению от примордиальной традиции; но это уже другой вопрос, который мы здесь не можем развивать, не оставляя полностью нашего предмета рассмотрения; мы должны, как это предоставляет нам случай, ограничиться несколькими замечаниями об этих традиционных знаниях, столь полностью забытых нашими современниками[16].

[16] А. Кумарасвами напомнил нам о любопытном символическом рисунке Вильяма Блейка, представляющего «Древнего Днями» в солнечном шаре, откуда он протягивает компас, который он держит в руке, что является как бы иллюстрацией к словам Ригведы (VIII, 25, 18): «Своим лучом он измерил (или определил) границы Неба и Земли» (среди символов некоторых степеней масонства также находится компас, обрамленный лучами солнца). Здесь явным образом речь идёт об изображении того аспекта Принципа, который западные посвящённые называют «Великим Архитектором Вселенной», который в некоторых случаях становится также и «Великим Геометром Вселенной» и который тождественен Вишвакарме индусской традиции, «Духу вселенского строительства»; земные его представители, то есть те, кто «воплощает» каким-либо образом этот Дух в отношении к различным традиционным формам, являются те, кого мы выше и на том же основании назвали «Великими архитекторами Востока и Запада».

Глава IV. Пространственное количество и качественное пространство

Выше мы уже видели, что протяженность не является просто и исключительно модусом количества, или, иными словами, если и можно с уверенностью говорить о протяженном или пространственном количестве, то сама протяженность не может из-за этого исключительно сводиться к количеству; мы ещё раз должны об этом сказать, тем более что это очень важно для обнаружения несостоятельности картезианского «механицизма» и других физических теорий, которые в ходе времени более или менее непосредственно из него следуют. Прежде всего следует отметить в этом отношении, что для того, чтобы пространство было чисто количественным, надо, чтобы оно было совершенно гомогенным и чтобы его части различались между собою только по их относительной величине; это привело бы к предположению, что оно есть лишь содержащее без содержимого, то есть чего-то такого, что в действительности не может существовать изолированно в проявлении, где отношение содержащего и содержания по самой своей коррелятивной природе с необходимостью предполагает одновременное присутствие обоих понятий. Можно задать себе вопрос, по крайней мере с некоторой видимостью обоснованности, не представляет ли собою геометрическое пространство такую однородность, но в любом случае это не приложимо к физическому пространству, то есть содержащему тела, одного лишь присутствия которых, очевидно, достаточно, чтобы показать качественное различие между занимаемыми этими телами частями пространства соответственно; однако, Декарт говорил именно о физическом пространстве, или же сама его теория ничего не значит, потому что она не была бы тогда ре-

ально приложимой к миру, которому она намеревалась дать объяснение[17]. Возражение, что в исходной точке этой теории лежит «пустое пространство», не имеет силы, так как, во-первых, это приводит нас к концепции содержащего без содержимого, и к тому же пустота не имела бы в нашем проявленном мире никакого места, потому что сама она не есть возможность проявления[18], и во-вторых, поскольку Декарт сводил природу тел целиком к протяженности, то он должен был полагать, что их присутствие ничего не добавляет в действительности к тому, что есть протяженность сама по себе, и действительно, различные свойства тел суть для него лишь простые модификации протяженности; но в таком случае, откуда могут эти свойства прийти, если они некоторым образом не присущи самой протяженности, и как они могли бы быть ей присущи, если бы её природа была лишена качественных элементов?

Это было бы противоречиво, и по правде говоря, мы не осмеливались бы утверждать, что это противоречие у Декарта, как, впрочем, и других тоже, не содержится имплицитно; он, как и более поздние материалисты, которые, конечно, больше чем по букве имеют право ссылаться на него, в конечном счёте хочет, как представляется, извлечь «плюсы» из «минусов». По сути, сказать, что тело есть только лишь протяженность, понимая её количественно, значит сказать, что его поверхность и объем, отмеривающий занимаемую им протяженность, суть само тело со всеми его свойствами, что

[17] Правда, Декарт в исходном пункте своей физики хотел лишь сконструировать гипотетический мир посредством некоторых данных, которые сводятся к протяженности и к движению; но поскольку он далее силился показать, что проявляющиеся в таком мире феномены суть те же самые, которые констатируются в нашем мире, то ясно, что несмотря на чисто словесное предостережение, он хотел прийти к заключению, что этот последний действительно конституирован так же, как и тот, который им предполагался изначально.

[18] Это возражение и против атомизма, так как он по определению, не предполагая никакого иного позитивного бытия, кроме бытия атомов и их комбинаций, тем самым с необходимостью приводит к предположению между ними пустоты, в которой они могут двигаться.

явно абсурдно; если же это понимать иначе, то следует предположить, что сама протяженность есть нечто качественное, и тогда она больше не может служить основанием для исключительно «механицистских» теорий.

Но если эти соображения показывают несостоятельность картезианской физики, то их тем не менее ещё недостаточно для того, чтобы чётко установить качественный характер протяженности; на самом деле, можно было бы сказать, что если природа тел и не сводится к протяженности, то они именно из неё извлекают свои количественные элементы. Но здесь сразу возникает следующее соображение: среди телесных определений, бесспорно представляющих собою чисто пространственный порядок и, следовательно, могущих рассматриваться как модификации протяженности, есть не только величина тел, но и их расположение; является ли оно чисто количественным? Сторонники редукции к количеству, несомненно, скажут, что взаиморасположение различных тел определено через их дистанции, и что дистанция — это, конечно, количество: это протяженное количество, которое их разделяет, является величиной, как и протяженное количество, занимаемое ими; но достаточно ли этой дистанции на самом деле для определения расположения тел в пространстве? Есть ещё нечто, что следует учитывать по существу. Это — направление, согласно которому дистанция должна отсчитываться; но с количественной точки зрения направление должно быть безразлично, потому что в этом отношении пространство может рассматриваться только как однородное, а это предполагает, что различные направления ничем не отличаются одно от другого; если же направление действительно присуще расположению (ситуации) и если оно, очевидно, так же, как и дистанция, является чисто пространственным феноменом, то, следовательно, в самой природе пространства есть нечто качественное.

Чтобы ещё больше убедиться в этом, мы оставим в стороне физическое пространство и пространство тел, чтобы рассмотреть только геометрическое пространство в собствен-

ном смысле слова, которое, конечно же, и есть пространство, сведенное к самому себе, если можно так сказать; обращается ли реально геометрия, изучая это пространство, к чему-либо другому, кроме понятий строго количественных? В данном случае, разумеется, речь идёт о профанной современной геометрии, и сразу же добавим, что если в ней ещё и сохранилось нечто, не сводимое к количеству, то не следует ли непосредственно из этого, что в сфере физических наук ещё более незаконно и невозможно претендовать на то, чтобы все сводилось к нему? Мы не будем здесь говорить даже о том, что касается взаимного расположения, потому что оно играет достаточно заметную роль только в некоторых специальных областях геометрии, и строго говоря, их можно не рассматривать как составную часть чистой геометрии[19]; но в элементарной геометрии рассматривается только величина фигур, а также их формы; осмелится ли всё же геометр, в наибольшей степени впитавший современные концепции, утверждать, например, что треугольник и квадрат с равными площадями, представляют собою одно и то же? Он только скажет, что эти две фигуры «эквивалентны», понимая под этим, очевидно, «в отношении их величины»; но он будет вынужден признать, что в другом отношении, в отношении формы, есть нечто, что их отличает, и что раз равенство величин не ведёт к подобию форм, то значит, форма не сводима к количеству. Пойдем дальше: существует целый раздел элементарной геометрии, в котором не применимо количественное рассмотрение, это теория подобия фигур. Действительно, подобие определяется исключительно через форму и целиком независимо от величины фигур, что позволяет сказать, что оно представляет чисто качественный порядок[20]. Если теперь мы спросим, что представляет

[19] Такова, например, описательная геометрия, а также то, что некоторые геометры обозначили как ситуационный анализ.

[20] То, что Лейбниц выразил следующей формулой: *Equalia sunt ejusdem quantitatis; similia sunt ejusdem qualitatis* (Равенство — количественно, подобие — качественно).

собою по существу эта пространственная форма, то мы заметим, что она может быть определена через ансамбль направлений: в каждой точке линии направление, о котором идёт речь, отмечается её касательной, и ансамбль касательных определяет форму этой линии; в геометрии трёх измерений то же самое можно сказать о поверхностях, рассматривая вместо касательных прямых касательные плоскости; очевидно, также, что это значимо как для самих тел, так и для простых геометрических фигур, так как форма тела есть не что иное, как форма поверхности, ограничивающая её объём. Итак, мы пришли к заключению, что сказанное нами относительно взаимного расположения тел (ситуации) позволяет предполагать следующее: именно понятие направления представляет, в конечном счёте, подлинный качественный элемент, присущий самой природе пространства, равно как понятие величины представляет элемент количественный; и таким образом, пространство не однородное, но дифференцированное по своим направлениям, есть то, что мы можем назвать «качественным» пространством.

Истинное пространство — это как раз «качественное» пространство, и не только с физической точки зрения, но и с геометрической, как мы это видели только что. Действительно, однородное пространство вовсе не имеет никакого бытия в собственном смысле слова, так как оно есть не более, чем полная виртуальность. Чтобы быть измеримым, то есть, согласно тому, что мы только что объяснили, чтобы быть действительно реализованным, пространство должно с необходимостью соотноситься с ансамблем определённых направлений; притом, эти направления появляются как лучи, эманирующие из центра, исходя из которого они формируют крест трёх измерений, и у нас нет необходимости ещё раз напоминать о той значительной роли, которую они играют в символизме всех традиционных учений[21]. Можно даже представить себе, что именно вернув рассмотрению

[21] Для этого следует обратиться к тем наблюдениям, которые нами представлены, со всеми следующими из этого выводами, в rybut «Символизм креста».

направлений пространства его реальное значение, можно было бы придать геометрии, по крайней мере по большей части, тот глубокий смысл, который она потеряла; нельзя не заметить, что это потребовало бы далеко идущей работы, как в этом можно легко убедиться, если принять во внимание то действительное влияние, которое это рассмотрение оказывает на всё то, что соотносится с самим устройством традиционных обществ[22].

Пространство, так же как и время, есть одно из условий, определяющих телесное бытие, но эти условия отличаются от «материи» или, скорее, от количества, хотя они естественно с ним сочетаются; они менее «субстанциальны», следовательно, более приближены к сущности, и как раз это, в действительности, предполагает в них наличие качественного аспекта; мы только что это видели для пространства и увидим для времени то же. Прежде, чем подойти к этому, мы упомянем, что несуществования «пустого пространства» достаточно для того, чтобы показать абсурдность слишком знаменитых космологических «антиномий» Канта: вопрос «бесконечен ли мир или он ограничен в пространстве» абсолютно лишён всякого смысла; невозможно, чтобы пространство простиралось за мир, чтобы его содержать, потому что тогда бы речь шла о пустом пространстве, а пустота не может содержать чего бы то ни было. Напротив, как раз пространство есть в мире, то есть в проявленном, и если ограни-

[22] А именно, здесь следовало бы рассмотреть все вопросы ритуального порядка, более или менее непосредственно относящиеся к «ориентации»; мы, конечно, не можем настаивать на этом и только напомним, что именно этим традиционно определялись не только условия строительства зданий, шла ли речь о храмах или о домах, но также и сами условия основания городов. Ориентация церквей — это последний остаток, сохранившийся на Западе до начала нашего времени, последний, по крайней мере, с «внешней» точки зрения, так как для того, что касается «посвященческих» форм, соображения такого порядка, хотя сегодня в основном непонятного, всегда сохраняют своё место в символизме, даже тогда, когда — при сегодняшнем состоянии всеобщего упадка, — полагают возможным пренебречь наблюдением за действительной реализацией условий, которые они в себе заключают, и удовлетвориться в этом отношении просто «спекулятивным» представлением.

чиваться только областью телесного проявления, то можно сказать, что пространство сопряжено этому миру, потому что оно есть одно из его условий; но этот мир не более бесконечен, чем само пространство, потому что, как и оно, мир не содержит всех возможностей, но представляет собою только некоторый порядок особых возможностей, он ограничен определениями, конституирующими саму его природу. Добавим также, чтобы к этому не возвращаться, что абсурдно спрашивать, «вечен ли мир или он имеет начало во времени»; реально, на совершенно сходных основаниях, время именно начато в мире, если речь идёт об универсальном проявлении, или вместе с миром, если речь идёт только о телесном проявлении; но мир вовсе не является поэтому вечным, так как существуют ещё невременные начала; мир не вечен, потому что он случаен, или, другими словами, он имеет начало, так же, как и конец, потому что он не есть сам в себе свой собственный принцип или он не содержит его в самом себе, но этот принцип с необходимостью ему трансцендентен. Во всём этом нет никакой трудности; большая же часть рассуждений современных философов состоит из плохо поставленных и, следовательно, неразрешимых проблем, а значит, способных вызвать нескончаемые дискуссии, которые полностью исчезают, как только, исследуя их вне всяких предрассудков, приходят к тому, что они есть на самом деле, то есть к простым следствиям смешения, характеризующим современную ментальность. Самым любопытным является то, что это смешение само тоже, как кажется, имеет свою «логику», потому что в течение многих веков и через все разнообразные формы, в которые оно облекалось, оно постоянно двигалось в одном и том же направлении; но эта «логика» в своей сути есть только лишь согласованность с самим ходом человеческого цикла, управляемого, в свою очередь, самими космическими условиями; и это прямо приводит нас к рассмотрению того, что касается природы времени, и того, что в противоположность чисто коли-

чественной концепции, которую создали «механицисты», мы можем назвать его качественными определениями.

Глава V. Качественные определения времени

Время оказывается ещё дальше отстоящим от чистого количества, чем пространство; можно говорить о временных величинах так же, как и о пространственных, и те и другие обнаруживают непрерывное количество (так как здесь не место говорить о странной концепции Декарта, согласно которой время конституируется серией прерывных мгновений, что с необходимостью предполагает постоянно возобновляемое «творение», без которого мир исчезал бы каждое мгновение в интервалах этой прерывности); но следует, тем не менее, делать существенное различие между этими двумя случаями, потому что, как мы уже отмечали, тогда как пространство можно измерять непосредственно, напротив, время можно измерять лишь сводя его, так сказать, к пространству. То, что измеряют, никогда не является длительностью, но пространством, проходимым в течение этой длительности неким движением, закон которого известен; этот закон, являясь как бы отношением между временем и пространством, позволяет, если известна величина пройденного пространства, вывести величину использованного для его прохождения времени; и какие бы приемы ни использовали, в конечном счёте нет никакого другого средства, чем это, для определения временных величин.

Ещё одно замечание, приводящее к тому же выводу, таково: телесные явления в собственном смысле слова суть единственные, располагающиеся как в пространстве, так и во времени; феномены мыслительного порядка, изучаемые «психологией» в обычном смысле слова, не имеют никакого пространственного характера: напротив, они все одинаково развертываются во времени; однако мысленное, принадлежа к тонкому проявлению, необходимым образом является

более близким к сущности, чем телесное; если природа времени позволяет ему простираться и сюда и обуславливать сами умственные проявления, то следовательно, эта природа должна быть ещё более качественной, чем природа пространства. Поскольку мы говорим о мысленных феноменах, то добавим, что как только мы оказываемся на той стороне, каковую в индивиде представляет сущность, то становится совершенно напрасным искать количественные элементы и, более того — поскольку некоторые доходят и до этого, — желать свести их к количеству; то, что «психофизиологи» определяют количественно, вовсе не есть в реальности сами мысленные феномены, как они это себе представляют, но только лишь некоторые из сопровождающих их телесных явлений; и в этом нет ничего, что бы каким-то образом приближалось к собственной природе мысленного, ни того, что могло бы, следовательно, хоть в малейшей степени послужить к его объяснению. Абсурдная идея количественной психологии поистине представляет собой ярчайшую степень заблуждения современного «саентиста»!

Исходя из этого, если можно говорить о «качественном» пространстве, то ещё с большим правом можно говорить о «качественном» времени; мы хотим сказать этим, что во времени должно иметься меньше количественных и больше качественных определений, чем в пространстве. К тому же, «пустое время» имеет не больше действительного бытия, чем «пустое пространство», и мы могли бы в этом отношении повторить всё то, что мы говорили о пространстве; нет ни времени, ни пространства вне нашего мира, а в нём реализованное время всегда содержит события, так же как реализованное пространство всегда содержит тела. В определённом отношении между пространством и временем имеется как бы симметрия, о них часто можно говорить в некотором роде параллельно; но эта симметрия, которая не обнаруживается по отношению к другим условиям телесного бытия, находится, быть может, более с их качественной стороны, чем со стороны количественной, как об этом свиде-

тельствует разница, которую мы указали, между определением пространственных и временных величин, а также отсутствия относительно времени количественной науки такого ранга, каковой является геометрия для пространства. Напротив, в качественном порядке симметрия выражается особенно замечательным образом через соответствие, которое существует между пространственным и временным символизмом и примеры которого нам случалось довольно часто приводить. Как только речь идёт о символизме, то само собою разумеется, что именно рассмотрение качества, а не количества сюда привлекается существенным образом.

Очевидно, что эпохи времени количественно различаются посредством событий, которые в них разворачиваются, так же, как части пространства различаются телами, которые там содержатся и что никоим образом нельзя рассматривать как реально эквивалентные количественно равные длительности, заполненные сериями совершенно различных событий; таково же и обычное наблюдение, что количественное равенство в мысленной оценке деятельности полностью исчезает перед качественным отличием. Но может быть, нам скажут, что это отличие присуще не самой длительности, а только тому, что в ней происходит; но следует, напротив, спросить, нет ли в качественном определении событий чего-то такого, что проистекает из самого времени; и, говоря по правде, не признают ли по крайней мере имплицитно, что это так, когда говорят, например, об особых условиях той или иной эпохи, как это постоянно и делают в обычной речи? Это ещё более явно для времени, чем для пространства, хотя, как мы уже объясняли относительно взаимного положения тел, и для него качественными элементами совсем не следует пренебрегать; и даже, если хотят дойти до сути вещей, можно сказать, что некое тело не может быть расположено без различия в любом месте, так же, как некое событие не может происходить в любую эпоху без различия; однако, здесь симметрия не совершенна, потому что расположение тела в пространстве подвержено измене-

нию через факт движения, тогда как расположение события во времени строго определено и собственно «уникально», хотя сущностная природа событий проявляется как гораздо более строго связанная со временем, чем природа тел с пространством, что ещё больше подтверждает, что время должно иметь в самом себе в большей степени качественный характер.

Истина состоит в том, что время не есть нечто развертывающееся единообразно, и следовательно, его геометрическое представление в виде прямой линии, как его обычно рассматривают современные математики, даёт полностью ложную его идею из-за крайнего упрощения; далее мы увидим, что тенденция чрезмерного упрощения является ещё одной из черт современного духа и что, кроме того, она неизбежно сопровождается тенденцией все сводить к количеству. Истинное представление времени присуще традиционной концепции циклов; это, разумеется, по существу концепция «качественного» времени; коль скоро стоит вопрос о геометрическом представлении, реализовано ли оно графически или просто выражено в используемой терминологии, очевидно, что речь идёт о применении пространственного символизма, и это должно привести к мысли, что здесь можно найти указание на некую корреляцию между качественными определениями времени и качественными определениями пространства. Это именно и происходит в действительности: для пространства эти определения, по существу, содержатся в направлениях; циклическое же представление как раз и устанавливает соответствие между фазами временного цикла и направлениями пространства; чтобы в этом убедиться, достаточно взять самый простой и самый непосредственно доступный, а именно годовой цикл, который играет, как известно, очень важную роль

в традиционном символизме[23], в котором четыре сезона поставлены в соответствие с четырьмя сторонами света[24].

Мы не будем здесь давать более или менее полное изложение учения о циклах, хотя оно естественно предполагается как основание настоящего исследования; чтобы остаться в границах, которые мы должны себе поставить, мы в данный момент ограничимся некоторыми замечаниями, имеющими самое непосредственное отношение к нашему предмету, рассматриваемому в целом, оставляя за собой право впоследствии обратиться к другим рассмотрениям того же учения. Первое замечание состоит в том, что не только каждая фаза временного цикла, какова бы она ни была, имеет своё собственное качество, влияющее на определение событий, но что даже скорость, с которой эти события развертываются, есть нечто, что также зависит от этих фаз, и, следовательно, принадлежит скорее качественному, чем количественному порядку. Так, когда говорят о скорости событий во времени по аналогии со скоростью тел, перемещающихся в пространстве, то следует осуществить некоторое преобразование этого понятия скорости, которое тогда не может

---

[23] Мы ограничимся здесь напоминанием, с одной стороны, большой важности символизма зодиака, особенно с точки зрения посвящения в собственном смысле слова, и с другой стороны, непосредственных приложений ритуального порядка, которым даёт место в большинстве традиционных форм развертывание годового цикла.

[24] По поводу качественных определений пространства и времени и их соответствий мы ограничимся упоминанием одного свидетельства, которое, разумеется, не является сомнительным, потому что принадлежит «официальному» ориенталисту Марселю Гране, который посвятил этим традиционным понятиям часть своей работы, озаглавленной «Китайское мышление» [*La Pensee Chinoise*]; само собою разумеется, что он хочет видеть во всём этом только странности, которым он старается придать исключительно «психологические» и «социологические» объяснения, но нас, очевидно, не должна занимать эта интерпретация, требуемая современными предрассудками вообще и университетскими в частности; нам здесь важна лишь констатация самого факта; с этой точки зрения в книге, о которой идёт речь, можно найти поразительную картину антитезы, которую представляет собою традиционная цивилизация (и это будет верно для всякой иной, наряду с китайской, цивилизации), по отношению к «количественной», каковой является современная цивилизация Запада.

быть сведено к количественному выражению, подобно тому, которое придаётся скорости в собственном смысле слова в механике. Мы хотим сказать, что в различных фазах цикла серии сравнимых между собою событий не осуществляются за количественно равные длительности; это проявляется особенно чётко, когда речь идёт о больших циклах одновременно и космического и человеческого порядка; и один из самых замечательных примеров мы находим в уменьшающемся соотношении длительностей, соответствующих четырем югам, ансамбль которых образует манвантару[25]. И именно поэтому события в настоящее время разворачиваются со скоростью, равной которой не знали предшествующие эпохи, скоростью, которая непрестанно увеличивается и будет так продолжать увеличиваться до конца цикла; здесь происходит как бы прогрессивное «сжатие» длительности, предел которого соответствует «остановке», о которой мы уже говорили; позже мы специально вернёмся к этим рассмотрениям и объясним их подробнее.

Второе замечание касается нисходящего направления по ходу цикла, поскольку оно рассматривается как хронологическое выражение процесса проявления, заключающее в себе постепенное удаление от принципа; мы достаточно часто уже об этом говорили, чтобы не настаивать на этом вновь. Если мы ещё раз упоминаем здесь эту остановку, то потому, что здесь — в связи со сказанным только что — есть достойная интереса пространственная аналогия: увеличение скорости событий по мере приближения к концу цикла можно сравнить с ускорением, которое существует при падении тяжелых тел; развитие современного человечества поистине напоминает движение тела, брошенного по склону и продвигающегося тем быстрее, чем ближе оно к низу;

[25] Известно, что это соотношение чисел 4, 3, 2, 1, сумма которых даёт 10 для всего цикла; известно также, что сама длительность человеческой жизни рассматривается как уменьшающаяся от возраста к возрасту, что позволяет сказать, что эта жизнь протекает со все возрастающей быстротой от начала цикла к его концу.

даже если некоторые обратные действия в противоположном направлении, в той мере, в какой они возможны, делают все немного более сложным, тем не менее, возникает очень точный образ циклического движения, взятого в его всеобщности.

Наконец, третье замечание таково: нисходящее движение проявления и, следовательно, выражаемого им цикла, осуществляющееся от позитивного или сущностного полюса бытия и до его негативного или субстанциального полюса, приводит к тому, что все вещи должны принимать вид все менее и менее качественный и все более количественный; вот почему последний период цикла в особенности должен склоняться к утверждению себя как «царства количества». В конечном счёте, когда мы говорим, что так должно быть со всеми вещами, то мы понимаем под этим не только тот способ, которым они рассматриваются с человеческой точки зрения, но также реальное изменение самой «среды»; каждый период истории человечества, в точности отвечающий определённому «космическому моменту», необходимо должен коррелировать с самим состоянием мира или с тем, что называют «природой» в самом обычном смысле этого слова и, более специально, с ансамблем земной среды и среды человечества, бытие которого, очевидно, этой средой обусловлено. Добавим, что общее игнорирование этих изменений космического порядка есть не последняя причина непонимания профанной наукой всего того, что находится вне определённых пределов; родившаяся при весьма специальных условиях современной эпохи, сама эта наука слишком очевидно неспособна постичь иные, чем её, условия; и даже если их предполагать существующими, то определяющая её точка зрения устанавливает во времени «барьеры», которые так же невозможно пересечь, как невозможно близорукому видеть ясно далее некоторой дистанции; и действительно, современная и «саентистская» ментальность во всех отношениях характеризуется как настоящая «интеллектуальная близорукость». Дальнейшее наше изложение позволит луч-

ше понять то, чем могут быть эти изменения среды, относительно которых теперь мы можем сделать замечание самого общего порядка; возможно, через это поймут, что многое из того, что сегодня рассматривается как «баснословное», вовсе не было таковым для древних и может вовсе не быть таковым и для тех, кто сохранил вместе с некоторым запасом традиционных знаний понятия, позволяющие восстановить образ «потерянного мира», равно как и предвидеть то, чем будет, по крайней мере в общих чертах, будущий мир, так как на основании тех же циклических законов, управляющих проявлением, прошлое и будущее аналогичным образом соответствуют друг другу, так что, как бы ни думал об этом обыватель, такие предвидения на самом деле совсем не являются «гаданием», но полностью покоятся на том, что мы называли качественным определением времени.

Глава VI. Принцип индивидуации

Полагаем, что мы сказали достаточно о природе пространства и времени согласно нашему намерению, но нам следует ещё раз вернуться к «материи», чтобы исследовать вопрос, о котором до этого ещё речь не шла и который может бросить ещё немного света на некоторые аспекты современного мира. Схоласты рассматривают *materia* как конституирующую *principium individuatioras* (принцип индивидуации); каково основание этого способа рассмотрения и до какого предела он оправдан? Чтобы хорошо понять, о чём идёт речь, не выходя за границы нашего мира (так как здесь не обращаются ни к какому принципу трансцендентного порядка), достаточно в целом рассмотреть отношение индивидов к виду: вид в этом отношении предстаёт со стороны «формы» или сущности, а индивиды или же, точнее, то что их различает внутри вида, — со стороны «материи» или субстанции[26]. Не следует удивляться, принимая во внимание то, что мы сказали выше о смысле слова εἶδος, который представляет собою одновременно «форму» и «вид», и о чисто качественном характере последнего; но уместно сделать ещё некоторые уточнения и, прежде всего, рассеять некоторые двусмысленности, к которым может вести терминология.

---

[26] Следует отметить, что здесь возникает, по крайней мере по видимости, определённая трудность: в иерархии родов, если в ней рассматривают отношение определённого рода к другому, менее общему роду, который является его видом, то первый играет роль «материи», а второй — «формы»; следовательно, на первый взгляд отношение здесь представляется в противоположном смысле, но в реальности оно несравнимо с отношением вида и индивидов; к тому же оно рассматривается с чисто логической точки зрения, как отношение предмета и свойства, первого как обозначения рода, а второго как «специфического отличия».

Мы уже говорили, почему слово «материя» может вызвать некоторые недоразумения; слово «форма» может их вызвать даже ещё легче, потому что его обычный смысл совершенно отличен от того, который оно имело в языке схоластов; в том смысле, о котором мы говорили ранее, например, при рассмотрении формы в геометрии, следует, если пользоваться схоластической терминологией, говорить о «фигуре», а не о «форме»; но это слишком противоречило бы устоявшемуся употреблению, которое следует учитывать, если хотят быть понятыми, вот почему всякий раз, когда мы используем слово «форма» без специальной отсылки к схоластике, то мы его понимаем в обычном смысле слова. Так и происходит, когда мы говорим, что среди условий состояния бытия именно форма характеризует, собственно говоря, это состояние как индивидуальное; к тому же очевидно, что вообще эта форма вовсе не обязательно должна пониматься как имеющая пространственный характер; она такова только в нашем мире, потому что она здесь сочетается с другим условием, пространством, которое принадлежит, собственно, лишь к одной области телесного проявления. Но тогда возникает следующий вопрос, не содержится ли форма, понятая таким образом, а не «материя» или, если угодно, количество, среди условий этого мира, которое представляет истинный «принцип индивидуации», поскольку индивиды таковы в силу того, что они обусловлены ею? Это означало бы непонимание того, что схоласты хотели сказать на самом деле, когда они говорили о «принципе индивидуации»; под этим они ни в коем случае не понимали того, что определяет состояние бытия как индивидуальное или даже относится к этому порядку рассмотрения, который они, кажется, никогда не рассматривали; к тому же, с этой точки зрения, сам вид следует рассматривать как присущий индивидуальному порядку, так как он не является трансцендентным по отношению к состоянию, определённому таким образом, и мы даже можем добавить, что в соответствии с геометрическим представлением о состояниях бытия, о котором мы говори-

ли в другом месте, вся иерархия родов должна рассматриваться как простирающаяся горизонтально, а не вертикально.

Вопрос о «принципе индивидуации» имеет гораздо более ограниченное значение, и в общем, он сводится к следующему: индивиды одного и того же вида все причастны одной природе, которая и есть сам вид и который равно присутствует в каждом из них; что же приводит к тому, что, несмотря на эту общность природы, эти индивиды суть существа различные и даже, лучше сказать, отделенные друг от друга? Хорошо понятно, что об индивидах здесь речь идёт, поскольку они принадлежат к виду, независимо от всего того, что в них может быть в других отношениях; таким образом, вопрос можно сформулировать так: какому порядку причастна детерминация, которая добавляется к специфической природе, чтобы создать из индивидов в самом же виде разделенные существа? Именно эта детерминация схоластами соотносится с «материей», то есть по сути с количеством, согласно их определению *materia secunda* нашего мира, и таким образом, «материя» или количество понимаются собственно как принцип «разделенности». Действительно, можно сказать, что количество и есть та детерминация, которая добавляется к виду, потому что он является исключительно качественным, следовательно, независимым от количества, иначе обстоит дело в случае индивидов именно потому, что они «телесны»; в этом отношении особенно следует иметь в виду, что в противоположность ошибочному мнению, слишком распространенному среди современников, вид никоим образом не должен пониматься как «коллективность»; она есть не что иное, как арифметическая сумма индивидов, то есть, в противоположность виду, нечто совершенно количественное; смешение общего и количественного — это ещё одно следствие тенденции, которая заставляет современников во всем видеть только одно количество, тенденция, которую мы находим с таким посто-

янством в основе всех характерных концепций их особой ментальности.

Мы пришли теперь к такому выводу: в индивидах количество тем больше будет доминировать над качеством, чем больше они будут склоняться к тому, чтобы быть, если можно так сказать, простыми индивидами и, чем больше они будут тем самым разделены друг с другом, что не означает, разумеется, более дифференцированы, потому что ещё есть качественная дифференциация, которая является, собственно, обратной по отношению к этой совершенно количественной дифференциации, являющейся разделением, о котором шла речь. Это разделение делает из индивидуумов лишь только «единицы» в низшем смысле этого слова, а из их ансамбля — чистую количественную множественность; в пределе, эти индивиды будут не более, чем нечто сравнимое с так называемыми «атомами» физиков, лишёнными всякой качественной детерминации, и хотя этот предел в действительности никогда не может быть достигнут, таково направление, в котором движется современный мир. Достаточно бросить вокруг себя взгляд, чтобы убедиться, что повсюду стремятся все свести все больше и больше к единообразию, идёт ли речь о самих людях или же о вещах, среди которых они живут; очевидно, что такой результат может быть достигнут лишь при уничтожении, насколько это возможно, всякого качественного различия. Но ещё более достойно внимания то, что по странной иллюзии некоторые охотно принимают это «единообразие» за «объединение», в то время как оно представляет собою как раз обратное, что может стать очевидным, с момента включения все более и более ярко выраженного подчёркивания «раздельности». Количество — мы настаиваем на этом — может только разделять, а не объединять; все, что исходит из «материи», производит лишь антагонизмы различной формы между фрагментарными «единствами», которые крайне противоположны истинному единству или, по крайней мере, имеют эту тенденцию со всей весомостью количества, не уравновешен-

ного более качеством; но это «единообразие» конституирует слишком важный и в то же время слишком уязвимый для ложной интерпретации аспект современного мира, чтобы не остановиться на этом ещё немного.

Глава VII. Единообразие против единства

Если мы будем рассматривать ансамбль той области проявления, которая представляет собою наш мир, то мы можем сказать, что по мере удаления от начального единства бытие становится все более количественным и все менее качественным; в самом деле, это единство, синтетически содержащее в себе все качественные определения возможностей этой области, есть в ней сущностный полюс, тогда как субстанциальный полюс, к которому, очевидно, приближаются в той мере, в какой удаляются от другого полюса, представлен чистым количеством с бесконечным «атомным» множеством, заключающимся в нём, исключая всякие иные различия между элементами, кроме нумерических. Это постепенное удаление от сущностного единства, кроме того, может рассматриваться под двойным углом зрения, в одновременности и в последовательности; мы хотим сказать, что его можно рассматривать, с одной стороны, в устройстве проявленных существ, где эти степени проявляют что-то вроде иерархии для входящих сюда элементов или модальностей, им соответствующих, и с другой стороны, в самом ходе ансамбля проявлений от начала и до конца цикла; очевидно, что здесь мы должны особенно остановиться на второй из этих точек зрения. В любом случае, область, о которой идёт речь, можно представить в том отношении треугольником, вершина которого есть сущностный полюс, представляющий собою чистое качество, в то время как основанием является субстанциальный полюс, то есть для нашего мира чистое количество, изображенное множеством точек этого основания в противоположность единственной точке, представляющей собой вершину; если начертить параллели основанию, чтобы представить различные степени

удаления, о которых мы только что говорили, то очевидно, что множественность будет тем более явной, чем более мы удалимся от вершины, чтобы приблизиться к основанию. Для того, чтобы символ был максимально точен, необходимо предположить, что основание бесконечно удалено от вершины, прежде всего потому, что эта область проявления поистине бесконечна сама по себе, а также и для того, чтобы множественность точек основания была, так сказать, доведена до своего максимума; сверх того, этим будет обозначаться, что это основание, то есть чистое количество, не может быть никогда достигнуто в процессе проявления, хотя и приближается к нему все более и более, и что, начиная с некоторого уровня, вершина, или сущностное единство, или чистое качество, теряется, в некотором роде, из виду, что в точности соответствует современному состоянию нашего мира.

Мы только что сказали, что «единицы» различаются между собою в чистом количестве только нумерически, и в самом деле, здесь нет никакого иного отношения, в котором они могли бы быть различны; но в действительности это показывает, что это чистое количество поистине и с необходимостью располагается под всяким проявленным бытием. Здесь уместно напомнить то, что Лейбниц называл «принципом неразличимых», в силу которого нигде не могут существовать два идентичных существа, то есть сходных между собою во всех отношениях; как мы уже показали, это есть непосредственное следствие беспредельной универсальной возможности, которая влечёт за собою отсутствие всякого повторения в частных возможностях; можно ещё сказать, что два существа, предполагаемые тождественными, поистине будут не два, но совпадая во всем, они будут в реальности одним и тем же существом; но говоря точно, для того, чтобы два существа не были тождественны или неразличимы, надо чтобы между ними всегда было какое-нибудь качественное отличие, следовательно, их детерминация никогда не будет количественной. Именно это выразил Лейбниц, сказав, что никоим образом не является истинным то, что

два существа, каковы бы они ни были, отличались бы между собою только solo numero (одним числом); в приложении к телам это нацелено против концепций «механицистов», таких как Декарт; он говорит ещё, что если бы они не отличались качественно, то «это не были бы даже и существа», но нечто сравнимое с частями, совершенно между собою сходными, гомогенного пространства и времени, у которых нет никакого реального бытия, но которые являются лишь тем, что схоласты называли *entia rationis* (мысленная сущность). Отметим, впрочем, по этому поводу, что у него самого не было удовлетворительной идеи о природе пространства и времени, так как когда он определяет первое как «порядок сосуществования», а второе «как порядок исследования», то рассматривает их с чисто логической точки зрения, которая как раз сводит их к гомогенным вместилищам, лишённым какого бы ни было качества и, следовательно, всякого действительного бытия. Он, таким образом, не отдавал себе отчета в их онтологической природе, мы хотим сказать, реальной природе проявленных пространства и времени в нашем мире и, следовательно, существующих на самом деле в качестве условий, определяющих тот особый способ бытия, который и есть в собственном смысле слова телесное бытие.

Из этого определенно следует вывод, что единообразие, чтобы быть возможным, предполагает существа, лишённые всякого качества и сведенные к простым нумерическим «единицам»; такое единообразие в действительности никогда не может быть реализовано, а все усилия реализовать его, в частности, в человеческой области, могут иметь своим результатом более или менее полное лишение существ их собственных качеств и создание из них чего-то такого, что похоже, насколько это возможно, на простые машины, так как машина, типичный продукт современного мира, как раз есть то, что в наивысшей из достижимых степеней представляет преобладание количества над качеством. Именно к этому ведут с собственно социальной точки зрения «демокра-

тические» и «эгалитарные» концепции, для которых все индивиды между собой эквивалентны, что ведёт за собою абсурдное допущение, что все должны быть равно способными, безразлично к чему; это «равенство» есть нечто такое, чему природа не даёт никакого примера по тем же причинам, которые мы только что указали, потому что оно не было бы ничем другим, как совершенным подобием индивидов; но очевидно, что именем этого так называемого «равенства», которое является одним из самых дорогих для современного мира «идеалов наизнанку», индивиды действительно делаются настолько похожими друг на друга, насколько это позволяет природа, стремясь прежде всего всем навязать единообразное воспитание. Само собою разумеется, что как, несмотря на все, нельзя полностью устранить различие в способностях, так и это воспитание не даст для всех одинаковых результатов; но однако слишком ясно, что если оно и не способно дать некоторым индивидам качества, которыми они не обладают, то оно, напротив, очень пригодно для того, чтобы задушить у других все способности, превосходящие средний уровень; так, например, «уравнивание» всегда осуществляется по «низу», да оно и не может осуществляться иначе, потому что само оно есть выражение тенденции к низу, то есть к чистому количеству, которое располагается ниже всех телесных проявлений, не только под ступенью, занятой самыми рудиментарными живыми существами, но также и ниже того, что наши современники договорились называть «грубой материей» и что, тем не менее, ещё далеко от того, чтобы быть полностью лишённым качества, поскольку оно обнаруживается для чувств.

Современный западный человек, впрочем, не удовлетворяется тем, что у себя учреждает такой тип воспитания; он хочет навязать его и другим со всем ансамблем своих умственных и телесных привычек, чтобы сделать единообразным весь мир, который он в то же время делает единообразным вплоть до внешнего вида через распространение продуктов своей промышленности. Парадоксальным, но только

на первый взгляд, является то следствие, что мир, насколько он является менее «единым» в реальном смысле слова, настолько становится более единообразен: и это, по сути, совершенно естественно, потому что его влечет, как мы уже говорили, в том направлении, где «разделенность» все более и более усиливается; но мы видим, что здесь появляется «пародийный» характер, который так часто встречается во всем специфически современном. Действительно, во всем противясь истинному единству, это сведение к единообразию, поскольку оно стремится реализовать то, что наиболее от единства удалено, представляет собою как бы некую карикатуру, и происходит это на основании аналогичного отношения, в котором, как мы уже отмечали вначале, само единство отражается обратным образом в «единицах», образующих чистое количество. Именно эта инверсия позволила нам только что сказать об «идеале наизнанку», и действительно, его надо понимать в очень точном смысле; впрочем, это не означает, что мы испытываем потребность, сколь мала она ни была бы, реабилитировать слово «идеал», которое служит всем нашим современникам без различия, в особенности для того, чтобы замаскировать отсутствие всякого истинного принципа, которым злоупотребляют до такой степени, что оно в конце концов полностью лишилось смысла; но мы не можем, по крайней мере, не отметить, что в ходе самого этого отклонения становится заметной некая тенденция к «идее», понятой в более или менее платоновском значении, то есть, в общем, к сущности и к качеству, насколько бы смутно их ни понимали, несмотря на то, что чаще всего, как и в случае, о котором идёт речь, его, то есть идеал, на самом деле принимают, обозначая нечто, в точности ему противоположное.

Мы говорили, что существует тенденция сводить к единообразию не только человеческие индивиды, но и вещи; если люди современной эпохи хвалятся тем, что изменяют мир во все большей и большей степени, и если действительно все становится все более и более «искусственным», то они пони-

мают это изменение в первую очередь в том смысле, чтобы всю свою деятельность направить на область настолько строго количественную, насколько это возможно. К тому же, как только возжелали конституировать совершенно количественную науку, так неизбежно практические приложения, извлекаемые из этой науки, также приобрели этот характер; это те приложения, ансамбль которых вообще обозначается именем «промышленность»; можно даже сказать, что современная промышленность во всех отношениях представляет собою триумф количества, и не только потому, что её технологии требуют знания чисто количественного порядка, или потому, что используемые ею инструменты, то есть собственно машины, созданы таким образом, что качественный подход к ним допускается настолько мало, насколько это возможно, а люди, приводящие их в действие, сами сведены к совершенно механической деятельности, но также и потому, что в самой продукции этой промышленности качество полностью принесено в жертву количеству. Несомненно, было бы нелишним сделать несколько замечаний по этому поводу; но прежде чем приступить к этому, мы поставим ещё один вопрос, к которому вернёмся впоследствии: что бы ни думали о ценности результатов осуществляемой современным человеком в мире деятельности, факт, что независимо от любой оценки, эта деятельность, по крайней мере в некоторой степени, достигает своей цели; если бы люди иных эпох действовали таким же образом (впрочем, это предположение чисто «теоретическое» и в действительности неправдоподобное, учитывая умственное различие, существующее между теми людьми и современными), то были бы достигаемые ими результаты одинаковыми? Иными словами, чтобы земная среда поддавалась такой деятельности, не должно ли быть так, чтобы она была каким-то образом к этому предрасположена космическими условиями того циклического периода, в котором мы находимся в настоящее время, то есть что по отношению к предшествующим эпохам изменилось в природе этой среды? По

ходу нашего рассуждения ещё слишком рано уточнять природу этого изменения и характеризовать его иначе, чем некое качественное умаление, дающее преимущество всему тому, что подлежит введению количества; но то, что мы сказали о качественных изменениях времени, по крайней мере уже открывает возможность и позволяет понять, что для реализации искусственных изменений мира должны быть предпосланы естественные изменения, которым те лишь соответствуют и с которыми они некоторым образом согласуются в силу той самой корреляции, которая постоянно существует в ходе циклического времени между космическим и человеческим порядками.

Глава VIII. Старинные ремёсла и современная промышленность

Существующая оппозиция между тем, чем являлись старинные ремёсла и тем, что представляет собою современная промышленность, есть, по сути, особый случай и как бы приложение оппозиции двух точек зрения — количественной и качественной — доминирующей соответственно в том и ином случае. Небесполезно прежде всего было бы отметить для ясности, что различие между «искусствами» и «ремёслами» или между «художником» и «ремесленником» (*artiste* и *artisan*) является чем-то специфически современным, как если бы оно родилось от вырождения и отклонения, которые во всем заменяют традиционную концепцию на профанную. *Artifex* для древних — это человек, который занимается искусством или ремеслом безразлично; но, по правде говоря, это и не художник, и не ремесленник в том смысле, который эти слова имеют сегодня (к тому же слово «ремесленник» все более и более стремится к исчезновению в современном языке); это было нечто превосходящее и то и другое, потому что изначально, по крайней мере, деятельность его была связана с принципами гораздо более глубокого характера. Если ремёсла также понимались некоторым образом как искусства в собственном смысле слова, не отличающиеся от них существенным образом, то следовательно, и они были по своей природе истинно качественными, ведь никто не откажется признать таковую природу за искусством, по крайней мере, по определению; однако именно по этой причине современные люди при том сниженном понимании, которое они имеют об искусстве, помещают его в нечто подобное замкнутой сфере, не имеющей уже никакого отношения к остальной человеческой деятель-

ности, то есть ко всему тому, что они рассматривают как конституирующую «реальное» в самом грубом смысле, который этот термин для них имеет; они доходят даже до того, что охотно квалифицируют это искусство, совершенно лишённое всякого практического значения, как «бесполезную деятельность» (роскошь, *activite de luxe*), выражение, которое очень хорошо характеризует то, что можно было бы назвать без всякого преувеличения «глупостью» нашей эпохи.

Во всякой традиционной цивилизации, как мы уже часто отмечали, всякая человеческая деятельность, какова бы она ни была, по своей сути рассматривается как исходящая из принципов; то, что верно для наук, так же верно и для искусств и ремесел, к тому же есть тесная связь между теми и другими, так как согласно формуле, принятой в качестве фундаментальной аксиомы строителями средневековья, *ars sine scientia nihil* (искусство без науки ничто), естественно, под «наукой» здесь надо понимать традиционную науку, а не профанную, применение которой не может дать ничего иного, кроме современной промышленности. Через эту связь с принципами человеческая деятельность, можно сказать, как бы «преображается», и вместо того, чтобы быть сведенной к тому, что она есть в качестве простого внешнего проявления (в чём состоит вообще профанная точка зрения), она интегрирована в традицию и создаёт для того, кто её исполняет, средство действенного в ней участия, что позволяет сказать, что она облечена «священным» и «ритуальным» характером в собственном смысле слова. Поэтому можно сказать, что в такой цивилизации «всякое занятие есть священство»[27]; чтобы не придавать этому последнему термину если не совсем неправильное, то несколько не свойственное ему значение, мы бы сказали, скорее, что оно в самом себе обладает свойством, которое может быть сохранено одними лишь священническими функциями, если дела-

[27] A. M. Hocart, *Les Castes*, стр. 27.

ют различие между «священным» и «профанным», которого ни в коем случае не существовало вначале.

Чтобы понять этот «священный» характер человеческой деятельности в целом, даже с простой внешней точки зрения или, если угодно более экзотически, рассматривать, к примеру, исламскую или христианскую цивилизацию Средних веков, то легче всего констатировать, что самые обычные действия существа в его бытии всегда имеют в себе что-то «религиозное». Дело в том, что там религия вовсе не есть нечто узкое и тесно ограниченное, находящееся в стороне, без всякого действенного влияния на все остальное, каковой она является для современных западных людей (для тех, по меньшей мере, которые ещё соглашаются принимать религию); напротив, она пронизывает все бытие человеческого существа, или лучше сказать, всё то, что составляет это бытие, и, в особенности, в собственном смысле слова социальная жизнь оказывается как бы соединенной в своей сфере в одно целое настолько, что в этих условиях здесь не может быть ничего «профанного», за исключением тех людей, которые по той или иной причине находятся вне традиции, но их случай тогда представляет собой только простую аномалию. В ином случае, когда название «религия», собственно говоря, больше не может прилагаться к форме рассматриваемой цивилизации, всё-таки существует традиционное или «священное» законодательство, которое, обладая различными чертами, в точности выполняет ту же роль; следовательно, эти наблюдения могут применяться ко всякой традиционной цивилизации без исключения. Но есть ещё нечто большее: если мы перейдем от экзотеризма к эзотеризму (мы используем здесь эти слова для большего удобства, хотя они не одинаково строго применимы ко всем случаям), то в очень общей форме мы увидим посвящение, связанного с ремёслами и берущего их в качестве основания

и «опоры»[28]; следовательно, надо, чтобы эти ремёсла также были причастны высшему и более глубокому значению, чтобы действительно иметь возможность открыть доступ к сфере посвящения. Это также очевидно из-за их по существу качественного характера, насколько это возможно.

Нам это станет яснее с помощью того понятия, которое в индусском учении называется *svadharma* (*свадхарма*), понятие само по себе совершенно качественное, потому что оно означает исполнение каждым существом деятельности, согласной с его сущностью или его собственной природой, и как раз поэтому в высшей степени соответствующей «порядку» (*ṛta*) в том смысле, который мы уже объяснили; и именно этим понятием, или скорее его отсутствием, ясно обнаруживается ошибка современной светской концепции. В ней, действительно, человек может избрать любую профессию, он даже может её изменить по своему усмотрению, как если бы эта профессия была бы чем-то чисто внешним по отношению к нему без всякой реальной связи с тем, что он на самом деле есть, с тем, что делает его именно им самим, а не кем-либо другим. В традиционной концепции, напротив, каждый должен нормально выполнять функцию, к которой он предназначен по своей собственной природе, с теми определёнными способностями, которые по существу в себе заключает[29], и он не может исполнять другую функцию, не внося серьёзного беспорядка, который имел бы последствия для всей социальной организации, часть которой он составляет; более того, если такой беспорядок будет распространяться, то будут последствия и для самой космической среды, потому что все вещи связаны между собой точными соответствиями. Не останавливаясь более на этом последнем

[28] Мы можем даже отметить, что то, что ещё существуют на Западе подлинные тайные общества, в каком бы состоянии декаданса они ни находились в настоящее время, не имеет другого истока, кроме этого; посвящения, принадлежащие к другим категориям, уже давно исчезли.

[29] Следует отметить, что само слово *metier* (ремесло) согласно его этимологическому происхождению от латинского слова ministerium означает, собственно говоря, «функцию».

пункте, который можно было бы приложить и к условиям современной эпохи, мы сделаем следующий вывод из того, что сказано: в традиционной концепции сущностные качества определяют деятельность существ; в профанной концепции, наоборот, эти качества больше не учитываются, а индивиды рассматриваются как взаимозаменимые и чисто нумерические «единицы». Логически эта концепция может привести только к осуществлению лишь «механической» деятельности, в которой больше нет ничего истинно человеческого, и действительно, именно это мы можем констатировать в наши дни; само собою разумеется, что эти «механические» занятия современных людей, которые образуют всю промышленность в собственном смысле слова и которые суть лишь продукт профанного отклонения, не могут предложить никакой возможности из порядка посвящения и могут быть только лишь препятствием в развитии всякой духовности; по правде говоря, впрочем, они не могут даже считаться подлинными ремёслами, если сохранять за этим словом значение, придаваемое ему традиционным смыслом.

Если ремесло есть нечто присущее самому человеку, как бы проявление и продолжение его собственной природы, то легко понять, что оно может служить основанием для посвящения, и каково бы оно ни было, в большинстве случаев оно даже лучше всего приспособлено для этой цели. Действительно, если посвящение по существу имеет своей целью превзойти возможности человеческого индивида, то так же верно, что оно может в качестве отправной точки брать этого индивида таким, каков он есть, но, разумеется, беря его в некотором роде в его высшем аспекте, то есть опираясь на то, что в нём наиболее качественно в собственном смысле слова; отсюда разнообразие путей посвящения, то есть, в конечном счёте, средств, используемых в качестве «опор» в соответствии с различием индивидуальных природ, различием, которое становится впоследствии тем меньше, чем дальше существо продвигается по своему пути и таким образом

приближается к цели, которая является одной и той же для всех. Используемые таким образом средства могут быть эффективными, только если они реально соответствуют самой природе существ, к которым они применяются; а поскольку необходимо действовать от более доступного к менее доступному, от внешнего к внутреннему, то нормально брать их в той деятельности, в которой эта природа проявляется вовне. Но само собой разумеется, что эта деятельность может исполнять эту роль лишь постольку, поскольку она действительно выражает внутреннюю природу; следовательно, здесь возникает вопрос о подлинной «квалификации» в посвященческом смысле этого термина; при нормальных условиях эту «квалификацию» должно требовать и при самом исполнении ремесла. Здесь мы одновременно затрагиваем фундаментальное отличие, которое отделяет инициатическое обучение и, даже шире, всякое традиционное обучение от обучения профанного: то, что просто «выучено» извне, здесь не имеет никакой ценности, каково бы ни было количество так усвоенных понятий (в этом также проявляется чётко количественный характер профанного «знания»); здесь, следовательно, речь идёт о том, чтобы «пробудить» скрытые возможности, которые в себе носит человеческое существо (в этом и состоит истинное значение платоновского «воспоминания»)[30].

Из этого последнего положения можно также понять, каким образом посвящение, принимающее ремесло в качестве «опоры», осуществляет в некотором роде обратное отражение на исполнение этого ремесла. Действительно, существо, полностью реализовавшее возможности, для которых его профессиональная активность является только внешним выражением, и владеющее, таким образом, действенным познанием самого принципа этой деятельности, с этого времени будет сознательно выполнять то, что сначала было лишь совершенно «инстинктивным» следствием его природы. Та-

[30] См. по этому поводу Менон Платона.

ким образом, если инициатическое познание для него родилось из ремесла, то последнее, в свою очередь, становится полем приложения этого познания, от которого оно уже не может быть отделено. И тогда будет полное соответствие между внутренним и внешним, и созданное произведение сможет стать не только лишь в некоторой степени и более или менее поверхностным выражением того, что было задумано и исполнено, а реальным и адекватным выражением его; это то, что составляет «шедевр» в подлинном смысле слова.

Из этого можно легко увидеть, насколько истинное ремесло далеко от современной промышленности, вплоть до того, что можно их назвать противоположностями, и насколько это, к несчастью, верно, что ремесло «в царстве количества» является чем-то отжившим, как это охотно утверждают сторонники «прогресса», естественно, приветствующие это. В индустриальном труде рабочий не должен ничего привносить от самого себя, и даже проявляется великая забота помешать этому, если бы у него появилось малейшее побуждение; но это даже и невозможно, потому что вся его деятельность состоит в том, чтобы приводить в движение машину, к тому же он стал совершенно не способен к инициативе из-за своего «образования» [*formation*] или, скорее, профессиональной деформации [*deformation*] полученной им, которая является как бы антитезой древнему ученичеству и цель которого состоит в том, чтобы обучить его выполнять некоторые «механические» движения всегда одним и тем же образом, не понимая их причин и не думая о результате, потому что он не сам, а машина на самом деле изготовляет предмет. Раб машины, человек сам становится машиной, и в его труде больше нет ничего подлинно человеческого, так как он не включает больше использования ни одного из качеств, составляющих именно человеческую при-

роду[31]. Всё это приводит к тому, что на современном жаргоне принято называть «серийным» производством, цель которого — производить большее количество возможных объектов, и объектов, насколько возможно более похожих друг на друга, предназначенных для использования людьми, которые также предполагаются совершенно похожими; именно в этом триумф количества, как мы это выше сказали, и это также тем самым есть триумф однообразия. Эти люди сведены к простым нумерическим «единицам», их помещают жить, мы не скажем, «в дома», потому что это слово не подходит, а в «ульи», в которых жилища сделаны по одному и тому же образцу и меблированы вещами, «серийно» сфабрикованными таким образом, что из среды, в которой мы живем, заставляют исчезнуть всякое качественное различие; достаточно изучить проекты некоторых современных архитекторов (которые сами называют эти жилища «машинами для жилья»), чтобы увидеть, что мы ничего не преувеличиваем; во что превратилась традиционная наука древних строителей и ритуальные правила, предшествовавшие основанию городов и зданий в нормальных цивилизациях? Бесполезно продолжать дальше, так как надо быть слепым, чтобы не видеть пропасть, отделяющую их от современной цивилизации, и всякий, без сомнения, согласится признать, насколько велико различие; только то, что огромное большинство современных людей прославляет как «прогресс», нам представляется, как раз наоборот, глубоким падением, поскольку это явно лишь результат падения, без конца ускоряющегося, которое влечёт все современное человечество на «дно», где царит чистое количество.

---

[31] Можно отметить, что машина в некотором смысле противоположна инструменту, а вовсе не является «усовершенствованным» инструментом, как это многие воображают, поскольку инструмент это некое «продолжение» самого человека, тогда как машина превращает человека не более, чем в своего слугу; и если можно было бы сказать, что «инструмент порождает ремесло», то не менее верно, что машина его убивает; этим объясняются инстинктивные реакции ремесленников против первых машин.

Глава IX. Двойной смысл анонимности

В связи с традиционной концепцией ремесел, составляющей одно целое с концепцией искусств, мы должны отметить ещё один важный вопрос: традиционное произведение искусства, например, произведение средневекового искусства, в основном, анонимно, и только совсем недавно, по причине воздействия современного «индивидуализма», стали стремиться связать некоторые сохранившиеся в истории имена с известными шедеврами, хотя эти «атрибуции» часто являются весьма гипотетическими. Эта анонимность совершенно противоположна постоянной озабоченности современных художников утвердить и сделать известной прежде всего свою индивидуальность; с другой стороны, поверхностный наблюдатель мог бы предположить, что она сравнима с также анонимным характером продуктов современной промышленности, хотя они, конечно, ни в коем случае не есть «произведения искусства»; истина состоит совсем в ином, потому что если действительно в обоих случаях есть анонимность, то по совершенно противоположным причинам. Как и во многих других случаях, анонимность вследствие обратной аналогии может быть понята сразу в высшем и в низшем смысле: так же, например, как в традиционной социальной организации человек может оказаться вне каст двумя способами, либо потому что он над ними (*ativarṇa*), либо потому что он под ними (*avarṇa*); очевидно, что это две противоположные крайности. Сходным образом те современные люди, которые рассматривают себя как бы вне любой религии, находятся в крайней противоположности по отношению к людям, которые, проникнувшись принципиальным единством всех традиций, не связаны больше исключительным образом ни с одной частной тра-

диционной формой[32]. По отношению к условиям нормальной и в некотором роде «средней» человечности одни находятся по эту сторону, тогда как другие — по ту; можно сказать, что одни пали в «инфрачеловеческое», тогда как другие поднялись в «сверхчеловеческое»: первый случай представляет собою современную анонимность, анонимность типа толпы или «массы», в том смысле слова, в каком её понимают сегодня (это совершенно количественное слово «масса» очень знаменательно), а второй случай это традиционная анонимность в её различных приложениях, включая те, которые касаются произведений искусства.

Чтобы это хорошо понять, надо обратиться к принципам учений, общим для всех традиций: существо, достигшее сверхиндивидуального состояния, тем самым освобождается от всех ограничительных условий индивидуальности, то есть оно вне определений «имени и формы» (*nāma-rūpa*), которые составляют сущность и субстанцию этой индивидуальности как таковой; оно, следовательно, поистине «анонимно», потому что в нём «я» стерлось и полностью исчезло перед «высшим я»[33]. Те, кто в действительности не достигают такого состояния, должны, по крайней мере, в силу своих возможностей стремиться его достичь, и следовательно, в той же мере, деятельность их должна имитировать эту анонимность и, можно сказать, каким-то образом быть ей причастна, что даёт им «опору» в их духовной реализации в будущем. Это особенно хорошо видно в монашеских установлениях, действующих в христианстве или буддизме, где то, что можно назвать «практикой» анонимности всегда поддерживается, даже если её глубокий смысл часто бывает забыт; но не следует думать, что отражение этой анонимно-

[32] Они могли бы сказать вместе с Мухйиддином ибн Араби: «Мое сердце стало доступным для всех форм: оно — пастбище для газелей и монастырь для христианских монахов, храм для идолов и Кааба паломников, скрижали Торы и книга Коран. Я есть религия любви, какой бы дорогой ни пошли её верблюды; моя религия и моя вера это истинная религия».

[33] См. об этом: A. K Coomaraswamy *Ākiṃcaññа: Self-Naughting*, в *The New Indian Antiquary*, № апрель 1940.

сти в социальном порядке ограничивается этим особым случаем, это означало бы строить иллюзии из-за привычки различать «священное» и «светское», различие, которое, повторяем, не существует и даже не имеет никакого смысла в строго традиционных обществах. То, что мы сказали о «ритуальном» характере, в который облечена вся целиком человеческая деятельность, это достаточно объясняет; а в том, что касается именно ремесел, то мы видели, что этот характер позволяет говорить здесь о «священстве»; следовательно, нет ничего удивительного в том, что анонимность будет здесь правилом, поскольку она представляет собою истинное соответствие с «порядком», который *artifex* (художник, мастер) должен применить для реализации насколько можно совершенным образом ко всему, что он делает.

Можно здесь привести одно возражение: поскольку ремесло должно соответствовать собственной природе того, кто его осуществляет, то производимая работа должна, как мы сказали, необходимо выражать эту природу, и она может рассматриваться как в своем роде совершенная или как производящая «шедевр», когда она её выражает адекватным образом; однако, природа, о которой идёт речь, является сущностным аспектом индивидуальности, то есть того, что определено «именем»; нет ли здесь чего-то такого, что прямо противоречит анонимности? Чтобы ответить на это, надо прежде всего отметить, что вопреки всем ложным западным интерпретациям таких понятий, как Мокша и Нирвана, угасание «я» никоим образом не есть аннигиляция человеческого существа, но оно, напротив, предполагает как бы «сублимацию» его возможностей (без чего, отметим по ходу дела, сама идея «воскресения» не имела бы никакого смысла); несомненно, *artifex*, который все ещё находится в индивидуальном человеческом состоянии, может только стремиться к такой «сублимации», но факт сохранения анонимности как раз и был бы для него знаком этой «трансформирующей» тенденции. С другой стороны, можно сказать ещё по отношению к самому обществу, что *artifex* не как «тако-

вой» создаёт своё произведение, но он выполняет некоторую «функцию» собственно «органического», а не «механического» порядка (в этом фундаментальное отличие от современной промышленности), с которым он должен в своей работе отождествляться насколько это возможно; это отождествление, являясь средством его собственной «аскезы», в то же самое время указывает на меру его действительного участия неким образом в традиционной организации, поскольку именно через осуществление своего ремесла он включается в неё и занимает там место, соответствующее его природе. Таким образом, как бы мы это ни рассматривали, анонимность, в некотором роде, нормально предписывается; и даже если всё то, что в принципе предполагается, не может быть реализовано в действительности, всё же, по крайней мере, должна соблюдаться относительная анонимность в том смысле, что — в особенности там, где посвящение основывается на ремесле, — профанная или «внешняя» индивидуальность, обозначаемая, как «такой-то, сын такого-то» (*nāma-gotra*), исчезнет во всем том, что относится к исполнению этого ремесла[34].

Если теперь мы перейдем к другой стороне, а именно к той, которую представляет современная промышленность, то мы увидим, что там рабочий тоже анонимен, но потому, что то, что он производит, совсем не выражает его самого и даже не является подлинно его произведением; роль, которую он исполняет в этом производстве, чисто «механическая». В общем, рабочий как таковой реально не имеет «имени», потому что он в своем труде только простая нумерическая «единица» без собственных качеств, которая может быть заменена всякой другой эквивалентной «единицей», то есть любым другим рабочим, не меняя ничего

[34] Из этого легко понять, почему в посвящениях в ремесло, в таких, как Товарищество, так же, как в религиозных орденах, запрещено называть индивида его профанным именем; имя, следовательно, есть ещё и индивидуальность, но это индивидуальность уже «измененная», по крайней мере, самим фактом посвящения.

в продукте этого труда[35]; и таким образом, как мы сказали выше, деятельность не имеет больше ничего собственно человеческого и очень далека от того, чтобы передавать или, по крайней мере, отражать нечто «сверхчеловеческое»; она, напротив, сводится к «дочеловеческому» и даже стремится к его самой низкой степени, то есть к модальности настолько вполне количественной, насколько возможно это реализовать в проявленном мире. Эта «механическая» деятельность рабочего представляет собою, впрочем, лишь частный случай (самый типичный из всех, которые можно констатировать фактически в современном состоянии, потому что промышленность есть область, где современные концепции получили своё наиболее полное выражение) того, что странный «идеал» наших современников хотел бы сделать из всех человеческих индивидов во всех обстоятельствах их бытия; в этом прямое следствие тенденции, называемой «эгалитарной» или, другими словами, тенденции к единообразию, которая требует, чтобы эти индивиды трактовались только как простые нумерические «единицы», реализующие «равенство» снизу, поскольку это единственное направление, в котором оно может быть реализовано «до предела», то есть где возможно если и не достичь его совершенно (так как это противоречит, как мы видели, самим условиям проявленного бытия), то, по крайней мере, все больше и больше, бесконечно приближаться к этому, вплоть до достижения «остановки», которой отмечен конец современного мира.

Если мы себя спросим, чем станет индивид при таких условиях, то мы увидим, по причине все более подчеркнутого преобладания в нём количества над качеством, что он будет, так сказать, сведен к одному лишь его субстанциально-

[35] Здесь может быть только количественная разница, потому что один рабочий может работать более или менее быстро, чем другой (и именно в этой скорости и состоит вся «сноровка», которую от него требуют); но с точки зрения качества продукт труда будет всегда тот же, потому что определяется не умственной концепцией рабочего и не сноровкой его рук, придающей этой концепции внешнюю форму, но исключительно действием машины, по отношению к которой его роль ограничивается обеспечением её функционирования.

му аспекту, к аспекту, который индусское учение называет *rūpa* (действительно, он ведь никак не может утратить форму, которая и определяет его индивидуальность как таковую, не утратив тем самым своего бытия), что вынуждает нас сказать, что он уже не более, чем «тело без души», как это выражается в разговорном языке, и как раз в самом буквальном смысле этого слова. В таком индивиде качественный или сущностный аспект почти полностью испарился (мы говорим «почти», потому что в реальности предел никогда не может быть достигнут); и так как этот аспект обозначается как раз как *nāma*, то этот индивид поистине не имеет больше имени, которое было бы для него собственным, потому что он как бы лишён качеств, которые должно выражать это имя; он, следовательно, реально «анонимен», но в плохом смысле этого слова. Это анонимность «массы», часть которой составляет индивид и в которой он себя теряет, «массы», которая представляет собою собрание сходных индивидов, рассматриваемых как такое же число чистых и простых арифметических «единиц»; можно даже сосчитать такие «единицы», нумерически эквивалентные, таким образом, той коллективности, которую они составляют и которая, по определению, есть лишь количество, но никак нельзя никакой из них придать такое наименование, которое предполагало бы её качественное отличие от других.

Мы только что сказали, что индивид себя утрачивает в «массе» или что, по крайней мере, он стремится там раствориться; этому «смешению» в количественной множественности соответствует, кроме того, обратным образом «слияние» в изначальном единстве. В нём существо обладает всей полнотой своих «измененных» возможностей настолько, что можно сказать, что различение, понятое в качественном смысле, здесь доведено до своей высшей степени,

в то время как все разделения исчезли[36]; в чистом количестве, напротив, разделение доходит до своего максимума, потому что именно в нём покоится принцип «разделенности», и существо, очевидно, тем более «отделено» и заключено в самом себе, чем более узко ограничены его возможности, то есть чем меньше качеств заключает в себе его сущностный аспект; но в то же время, поскольку оно тем меньше различается внутри «массы» качественно, постольку оно на самом деле стремится смешаться с нею. Это слово «смешение» тем лучше сюда подходит, что оно напоминает всеобщую потенциальную неразличимость «хаоса», и именно об этом на самом деле идёт речь, поскольку индивид стремится свести себя только лишь к одному субстанциальному аспекту, то есть к тому, что схоласты называли «материей без формы», где все в потенции и ничего нет в действии, так что последний предел, если бы он был достижим, был бы подлинным «растворением» всего того, что есть в индивидуальности от позитивной реальности; и по причине крайней оппозиции, существующей между одним и другим, это смешение существ в единообразии обнаруживается как зловещая и «сатанинская» пародия на их слияние в единстве.

[36] В этом смысле выражение Экхарта: «Слитный, но не смешанный», (нераздельный, но неслиянный), которое Кумарасвами в своей выше упомянутой статье справедливо сближает со смыслом санскритского термина *bhedābheda*, «различие без отличия», то есть без разделения.

Глава X. Иллюзии статистики

Теперь вернёмся к более «научной» в собственном смысле слова точке зрения так, как её понимают современные люди; эта точка зрения прежде всего характеризуется претензией все свести к количеству и не учитывать ничего из того, что не позволяет себя к нему свести, и рассматривать это как бы несуществующим; дошло до того, что стало обычным думать и говорить, что всё то, что не может быть «исчислено», то есть выражено в чисто количественных терминах, лишено тем самым всякой «научной» ценности; эта претензия относится не только к «физике» в обычном смысле слова, но ко всему ансамблю наук, «официально» признанных в наши дни, как мы уже видели, она простирается даже до области психологии. Выше мы достаточно подробно объяснили, что таким образом упускают всё то, что является подлинно существенным, в самом строгом смысле этого слова, и что «осадок», который выпадает от приемов такой науки, совершенно неспособен объяснить что бы то ни было в реальности; но мы ещё немного остановимся на очень характерном аспекте этой науки, который особо четким образом показывает, как она создаёт иллюзии относительно того, что можно извлечь простые нумерические оценки и к тому же связать их достаточно непосредственно ко всему тому, что мы обозначили в предыдущей главе.

Действительно, тенденция к единообразию, которая распространяется на «естественную» сферу так же, как и на человеческую, ведёт к предположению и даже к возведению в своего рода принцип (мы должны были бы сказать скорее в «псевдопринцип»), того, что существует повторение тождественных феноменов, то, что, в силу «принципа неразличимых», на самом деле есть только простая и чистая возмож-

ность. Эта идея выражается особенно ясно в распространенном утверждении, что «те же самые причины всегда производят те же самые следствия», что, заявленное в такой форме, является, собственно говоря, абсурдным, так как фактически, в последовательном порядке проявления, никогда не существует ни тех же самых причин, ни тех же самых следствий; и не доходит ли даже до утверждения, что «история повторяется», тогда как истина состоит в том, что существуют лишь соответствия по аналогии между некоторыми периодами и некоторыми событиями? Следовало бы сказать, что сравнимые между собою в некоторых отношениях причины производят следствия, также сравнимые в тех же самых отношениях; но рядом со сходством, которое есть как бы частичное тождество, всегда и необходимо есть различия, так что фактически, речь идёт предположительно о двух различных вещах, а не об одной и той же вещи. Правда, эти отличия, поскольку они являются качественными различениями, тем меньше, чем к более низкой ступени проявления они принадлежат, и следовательно, сходства усиливаются в той же мере; так что в некоторых случаях поверхностное и частичное наблюдение позволяет поверить в некоторого рода тождественность; но на самом деле различия полностью не устраняются никогда, что было бы ниже всякого проявления; можно ли будет когда-нибудь полностью пренебречь тем, что следует из влияния без конца меняющихся во времени и пространстве обстоятельств; правда, для понимания этого надо учесть то, что реальные пространство и время, в противоположность современным концепциям, вовсе не есть только гомогенные вместилища и модусы чистого и простого количества, но что также существует и качественный аспект временных и пространственных определений. Как бы то ни было, позволительно спросить, каким образом, пренебрегая различиями и отказываясь их видеть каким-либо образом, можно претендовать на построение «точной» науки; строго и фактически точной может быть только чистая математика, потому что она по-

истине относится к области количества, и всякая иная современная наука в этих условиях может быть и есть только лишь ткань более или менее грубых приближенностей, и так обстоит дело не только в области приложения, где все вынуждены признать неизбежное несовершенство средств наблюдения и измерения, но также и с самой теоретической точки зрения; нереализуемые предпосылки, которые представляют собою почти все основание «классической» механики, которая сама служит базой всей современной физики, могли бы нам дать здесь множество характерных примеров[37].

Идея каким-то образом основать науку на повторении обнаруживает ещё одну иллюзию количественного порядка, которая состоит в убеждении, что только накопление большого числа фактов может служить «доказательством» для теории; однако очевидно, если немного поразмыслить, что факты одного и того же рода существуют в неопределённом множестве, так что никогда нельзя констатировать все, не учитывая, что одни и те же факты вообще так же хорошо согласуются со множеством различных теорий. Могут сказать, что констатация возможно большего числа фактов даёт по крайней мере большую «вероятность» теории; но это значит, что таким образом никогда нельзя прийти ни к какой уверенности, и следовательно, провозглашаемые выводы никогда не имеют ничего «точного»; это также означает признание совершенно «эмпирического» характера современной науки, сторонники которой приписывают «эмпиризм» познаниям древних, тогда как верно совершенно противоположное, потому что эти познания, истинную природу которых они полностью игнорируют, исходили из принципов, а вовсе не из экспериментальных констатации, так что можно сказать: профанная наука построена в точности про-

[37] Например, где видели когда-нибудь «материальную тяжелую точку», «совершенно упругое твердое тело», «нерастяжимую и невесомую нить» и другие «единицы» не менее воображаемые, которыми наполнена эта наука, считающаяся в высшей степени «рациональной»?

тивоположным образом по сравнению с традиционной наукой. Наконец, сколь ни был бы недостаточен «эмпиризм» сам по себе, эмпиризм современной науки далёк от того, чтобы быть всеохватывающим, поскольку она пренебрегает или не учитывает значительную часть данных опыта, вообще все те данные, которые обладают качественным характером в собственном смысле слова; чувственный опыт не более, чем любой другой вид опыта, никогда не может быть отнесен к чистому количеству, и чем более к нему приближаются, тем больше удаляются от реальности, которую намереваются констатировать и объяснить; и в сущности, не трудно заметить, что наиболее недавние теории как раз имеют наименьшее отношение к этой реальности и заменяют её охотнее всего «конвенциями», не скажем, что полностью произвольными (поскольку это вещь невозможная, чтобы создать «конвенцию», надо иметь какую-либо причину создавать её), но по крайней мере, настолько произвольными, насколько возможно, то есть имеющими в некотором роде минимум основания в истинной природе вещей.

Мы только что сказали, что современная наука, поскольку она хочет быть исключительно количественной, отказывается учитывать различия между конкретными фактами вплоть до тех случаев, когда эти различия оказываются самыми ярко выраженными. Естественно, что это как раз те случаи, когда качественные элементы преобладают над количественными; можно сказать, что таким образом большая часть реальности от неё ускользает и что частный и низший аспект истины, который она, несмотря ни на что, может охватить (потому что полная ошибка не имела бы никакого другого смысла, кроме чистого и простого отрицания), оказывается сведенным почти на нет. И в особенности это верно, когда приступают к рассмотрению фактов человеческого порядка, потому что они являются в высшей степени качественными из всех тех, которые эта наука согласна включить в свою область, и, тем не менее, она пытается трактовать их точно так же, как и другие факты, которые она отно-

сит не только к «организованной материи», но и к «грубой материи», поскольку у неё есть по сути лишь один метод, который она единообразно прилагает к самым различным объектам как раз из-за того — по причине своей специальной точки зрения, — что она не способна видеть то, что в них конституирует сущностные различия. Потому именно в этом человеческом порядке, идёт ли речь об истории, «социологии», «психиатрии» или о любом другом жанре исследования, который бы захотели измыслить, наиболее полным образом проявляется баснословный характер «статистики», которой современные люди придают такое большое значение; здесь, как впрочем, и везде, статистика, по существу, состоит в том, чтобы сосчитать более или менее значительное число фактов, которые считаются совершенно сходными между собою, без чего их сложение ничего бы не означало; очевидно, что этим достигается тем более деформированный образ реальности, что факты, о которых идёт речь, сходны и сравнимы между собою лишь в самой малейшей степени, то есть важность и сложность содержащихся в них элементов более значительна. Расставляя таким образом цифры и подсчеты, создают себе и также намереваются создать для других некую иллюзию «точности», которую можно квалифицировать как «псевдоматематику»; но в действительности, даже не замечая этого и в силу предвзятости идей, извлекают из этих цифр почти без различия все, что хотят, настолько они сами по себе лишены всякого значения; доказательством этого служит то, что одна и та же статистика в руках различных ученых, даже принадлежащих к одной «специальности», часто приводит в соответствии с их требованиями к совершенно различным выводам, иногда даже диаметрально противоположным. В этих условиях так называемые «точные» науки современных людей, поскольку они обращаются к статистике и доходят даже до того, что претендуют извлечь из этого предвидения будущего (всегда вследствие предполагаемого тождества всех рассматриваемых фактов, будь они в прошлом или в будущем),

в действительности представляют собою не что иное, как «гадательные» науки, согласно выражению, охотно используемому (в чём они, к тому же, признаются более откровенно, чем многие другие) сторонниками некой современной астрологии, называемой «научной», которая, разумеется, имеет весьма смутные и отдалённые отношения, если она и имеет какие-нибудь отношения кроме терминологии, к истинной традиционной астрологии древних, сегодня так же почти полностью утраченной, как и другие познания того же порядка; эта «неоастрология» как раз тоже в большой степени использует статистику в своих усилиях утвердиться «эмпирически», не соотносясь ни с каким принципом, и статистика занимает там даже преобладающее место; именно на этом самом основании думают, что можно её украсить эпитетом «научная» (что, впрочем, предполагает, что в этом отказывают истинной астрологии, так же как и всем традиционным наукам, построенным сходным образом), и это очень значимо и характерно для современной ментальности.

Предположение тождества между фактами, которые в реальности представляют собою всего лишь один и тот же род, то есть сравнимы только в некоторых отношениях, одновременно с тем, что оно, как мы только что объяснили, вносит вклад в создание иллюзии «точной» науки, удовлетворяет также потребность в крайнем упрощении, которое представляет собою ещё одну поразительную черту современной ментальности до такой степени, что её без всякого иронического умысла можно было бы квалифицировать как «упрощенческую», как в её «научных» концепциях, так и во всех иных её проявлениях. Впрочем, всё это есть: потребность же в упрощении с необходимостью сопровождает тенденцию сводить все к количеству и ещё больше её усиливает, так как очевидно, что ничего нет более простого, чем количество; если удается полностью лишить существо или вещь их собственных качеств, то полученный остаток, конечно, будет представлять собою максимум простоты; и в пределе, эта

крайняя простота будет такова, что сможет принадлежать лишь только чистому количеству, то есть она будет простотой «единиц», совершенно сходных между собой, конституирующих нумерическое множество; но это достаточно важно, чтобы привести ещё некоторые размышления.

Глава XI. Единство и простота

Потребность в упрощении, в том, что есть в ней незаконного и чрезмерного, как мы только что сказали, является отличительной чертой современной ментальности; в силу этой потребности некоторые философы дошли до принятия в качестве как бы логического «псевдопринципа» утверждения, что «природа действует всегда самыми простыми путями». Это совершенно произвольный постулат, так как неясно, что может заставить действовать природу так, а не иначе; кроме простоты в её действия может привходить и преобладать над нею много других условий, что может предопределить её действие таким образом, который по крайней мере с нашей точки зрения покажется весьма сложным. Говоря по правде, этот «псевдопринцип» представляет собою не что иное, как пожелание, выражающее нечто вроде «умственной лени»: хотят, чтобы вещи были возможно более простыми, потому что если бы они действительно были бы такими, то в таком случае их гораздо легче было бы понять; и кроме того, это хорошо согласуется с совершенно новой и светской концепцией науки, которая должна быть «доступной всем», что, очевидно, возможно лишь в том случае, когда она проста до такой степени, что становится «инфантильной» и когда из неё тщательно исключены любые соображения высшего и действительно глубокого порядка.

Незадолго до нового времени в собственном смысле слова мы уже встречаем как бы первый признак этого состояния духа, выраженного в поговорке схоластов: «не следует без

необходимости умножать сущности»[38]; если же речь идёт о совершенно гипотетических «спекуляциях» — что мы и утверждаем, — то это не представляет никакого интереса; человек может законным образом ограничиться оперированием с мысленными конструкциями, не сравнивая их с чем-то другим, в лучшем случае лишь в сфере математики, и если он может тогда по своему усмотрению «упрощать», то только потому, что он имеет дело с количеством, комбинации которого, поскольку они сводятся к самим себе, как полагают, вовсе не понимаются существующими в действительном порядке проявления. Напротив, если учитывают какие-либо утверждения фактов, то все обстоит иначе, и тогда необходимо признать, что сама «природа», кажется, поистине изощряется умножать сущности без необходимости (*praeter necessitatem*); какое логическое удовлетворение может, например, испытать человек, констатируя множество и чудесное разнообразие животных и растительных видов, представители которых живут вокруг него? Разумеется, это очень далеко от простоты, постулируемой философами, которые хотели бы сократить реальность ради удобства их собственного понимания и понимания «среднего» человека, ему подобного; если так обстоит дело в телесном мире, который представляет собою всего лишь очень ограниченную сферу бытия, то насколько иначе должно обстоять дело, и с ещё большим основанием, в других мирах и, можно ска-

[38] Эту поговорку, так же, как и ту, согласно которой «в интеллекте нет ничего, чего не было прежде в чувстве», как первое выражение того, что позже было названо «сенсуализмом», нельзя приписать какому-нибудь определённому автору, вероятно, они принадлежат периоду заката схоластики, то есть к эпохе, которая фактически и несмотря на распространенную «хронологию», представляет собою не конец Средних веков, а скорее, начало Нового времени, если, как мы показали в другом месте, возводить это начало к XIV веку.

зать, во все более увеличивающихся пропорциях?[39] К тому же, чтобы разом покончить со всеми дискуссиями, достаточно напомнить, что, как мы уже объясняли, все, что возможно, тем самым реально в своем собственном порядке и в согласии со своим собственным модусом, и раз универсальная возможность необходимо является бесконечной, то в ней есть место для всего того, что не является чистой и простой невозможностью; не та же ли самая потребность в излишнем упрощении толкает философов ради построения их «систем» всегда к желанию ограничить тем или иным образом универсальную возможность?[40]

Особенно любопытно здесь то, что так понимаемая тенденция к простоте, так же как тенденция к «единообразию», как бы параллельная ей, теми, кто попал под её влияние, принимается за усилие по «объединению»; но на самом деле это «объединение наизнанку», как и все, что направляется к области чистого количества или к субстанциальному и низшему полюсу бытия; здесь мы встречаем ещё раз карикатуру на единство такого рода, которое мы уже рассматривали с другой точки зрения. Если настоящее единство тоже может быть названо «простым», то в совершенно отличном от этого смысле, а именно в том, что оно является существенно неделимым, что с необходимостью исключает вся-

---

[39] В этом отношении схоластической поговорке декаданса можно противопоставить концепцию самого св. Фомы Аквинского об ангельском мире, *ubi omne individuum est species infima* («где каждый индивидуум есть простой род»), то есть различия между ангелами не аналогичны «индивидуальным различиям» нашего мира (сам термин *individuum* здесь на самом деле не подходит, в действительности, речь идёт о сверхиндивидуальном), но это «специфические отличия»; истинная причина этого в том, что каждый ангел представляет в определённом роде выражение одного божественного атрибута, как это ясно, впрочем, видно из состава имён в еврейской ангелологии.

[40] Вот почему Лейбниц говорил, что «всякая система верна в том, что она утверждает и ложна в том, что она отрицает», то есть что она содержит одну часть истины пропорционально тому, что она признает из положительной реальности, и одну часть заблуждения, соответствующую тому, что она исключает из этой самой реальности; но следует добавить, что как раз негативная и ограничивающая сторона доставляет «систему» как таковую в собственном смысле слова.

кую «составленность» и предполагает, что оно никогда не может быть понято как образованное из каких-либо частей; однако, и здесь есть как бы пародия на эту неделимость в том, что некоторые философы и физики приписывают своим «атомам», не замечая, что они не совместимы с телесной природой, так как тело, понимаемое как бесконечно делимое, которое по определению есть нечто протяженное, обязательно всегда составлено из частей, и сколь бы ни было оно маленьким и как бы ни хотели его таковым представить, это ничего не меняет, так что понятие корпускулы является противоречащим само себе; но очевидно, что такое понятие хорошо согласуется с понятием простоты, зашедшим так далеко, что оно уже не может больше соответствовать никакой реальности.

С другой стороны, если принципиальное единство абсолютно неразделимо, то оно не перестаёт от этого быть предельной сложностью, можно сказать, потому что оно содержит в себе «в высшей степени» всё то, что на низших, так сказать, ступенях составляет сущность или качественную сторону проявленных существ; достаточно сослаться на то, что мы объяснили выше об истинном смысле, который следует понимать под выражением «угасание я», чтобы понять, что именно здесь любое «преображенное» качество сохраняется в своей полноте, и что различение, освобожденное от всякого «разделяющего» ограничения, доведено здесь до своей высшей степени. С того момента, как вступают в проявленное бытие, ограничение появляется в форме самих условий, которые определяют каждое состояние и каждый способ проявления; когда опускаются на все более низшие уровни этого бытия, ограничения становятся все более и более тесными, а возможности, присущие природе существ, все более и более узкими, что заставляет сказать, что сущность этих существ следует за этим, упрощаясь в той же самой мере; и это упрощение таким образом постепенно спускается ниже самого бытия, то есть до области чистого количества, где оно в конце концов доходит до своего максимума

через полное вытеснение всякого качественного определения.

Из этого видно, что упрощение строго следует нисходящему движению, что в современном языке, инспирированном картезианским «дуализмом», должно быть описано как идущее от «духа» к «материи»; сколь ни были бы неадекватны эти оба термина, замещающие термины «сущность» и «субстанция», всё-таки может быть небесполезно нам их здесь использовать для лучшего понимания. Действительно, самое необыкновенное, когда это упрощение стремятся приложить к тому, что относится к самой «духовной» области или, по крайней мере, к тому, что ещё способно как-то её представлять, захватывая религиозные концепции так же, как и философские и научные; самый типичный пример этого — протестантизм, где это упрощение выражается одновременно и в почти полном устранении обрядов и в преобладании морали над учением, которое тоже все больше и больше упрощается и сокращается до того, что оно сводится почти на нет, к нескольким элементарным формулам, которые каждый может понимать по своему усмотрению; протестантизм в своих, впрочем, многообразных формах, является единственным религиозным продуктом современного духа, и хотя он ещё не дошел до того, чтобы отбросить всякую религию, но однако он движется в этом направлении в силу антитрадиционных тенденций, присущих ему и даже, собственно говоря, его конституирующих. Доходя до предела этой «эволюции», как сказали бы сегодня, религия полностью заменяется «религиозностью», то есть смутной сентиментальностью без всякого реального значения; и это предпочитают рассматривать как «прогресс», что хорошо показывает, каким образом для современного мышления перевернуты все нормальные отношения, в чём хотят видеть «спиритуализацию» религии, как если бы «дух» был бы лишь пустым обрамлением или «идеалом» столь же туманным, сколь и незначащим; это то, что некоторые из наших современников называют также «очищенной религией»,

и она действительно такова настолько, что оказывается лишённой всякого положительного содержания и не имеет уже никакого отношения к какой-либо реальности!

Следует также отметить, что все так называемые «реформаторы» постоянно афишируют своё намерение вернуться к «первоначальной простоте», которая, несомненно, нигде, кроме их воображения, никогда не существовала; возможно, что это всего лишь достаточно удобное средство для того, чтобы скрыть истинный характер их нововведений, но довольно часто это может быть и иллюзией, чьей игрушкой они сами являются, так как очень трудно определить, до какой степени явные сторонники антитрадиционного духа реально осознают роль, которую они играют, ту самую роль, которая вынуждает предполагать у них ложную ментальность; сверх того, совершенно не ясно, каким образом претензия, о которой идёт речь, может быть согласована с идеей «прогресса», деятелями которого они себя одновременно считают; одного этого противоречия достаточно, чтобы показать, что здесь поистине есть что-то ненормальное. Как бы то ни было, если бы мы даже придерживались идеи «первоначальной простоты», то вовсе не понятно, почему все должно начинаться от простого, чтобы потом усложняться; напротив, если представить себе, что зародыш какого-либо существа с необходимостью должен содержать в себе виртуально всё то, чем это существо будет впоследствии, то есть все возможности, которые развернутся в ходе его бытия, там уже заключены, то это заставляет думать, что начало каждой вещи должно быть на самом деле крайне сложным, и это как раз качественная сложность сущности; зародыш является маленьким только в отношении количества или субстанции, и преобразуя символически идею «величины», можно сказать, что, в соответствии с обратной аналогией, то, что самое маленькое по количеству, должно быть самым

большим по качеству[41]. Сходным образом, любая традиция с самого начала содержит все учение полностью, включая в принципе тотальность развития и применений, которые могут впоследствии законосообразно последовать во времени, так же, как тотальность приложений, которым она может дать место во всех областях; поэтому чисто человеческое вмешательство может только ограничить и уменьшить её, если не полностью её исказить, и действительно, именно в этом и состоит реально работа всяких «реформаторов».

Особенно странно то, что «модернисты» всякого рода (здесь мы имеем в виду не только модернистов Запада, но и Востока, которые, впрочем, являются «западниками»), гордясь простотой учения в религиозной области, такого, как «прогресс», часто изъясняются таким образом, как если бы религия была создана для дураков или, по крайней мере, как если бы они предполагали, что те, к кому они обращаются, должны обязательно быть дураками; действительно ли они верят, утверждая, справедливо или нет, что учение просто, что тем самым они дадут человеку, сколь ни мало бы он был разумен, значительное основание его принять? По сути, это проявление «демократической» идеи, по которой, как мы говорили выше, хотят науку сделать «доступной для всех»; и едва ли стоит отмечать, что эти же самые «модернисты» также всегда вследствие своей установки являются открытыми противниками всякого эзотеризма; само собою разумеется, что эзотеризм, который по определению адресуется только к элите, не должен быть простым, так что его отрицание предстаёт как бы первым неминуемым этапом всякой попытки упрощения. Что касается религии в собственном смысле слова или, более обобщенно, внешней части всякой традиции, то она, разумеется, должна быть такой, чтобы каждый мог в ней что-либо понять по мере своих

[41] Здесь мы напомним евангельскую притчу о «горчичном зерне» и сходные тексты из упанишад, которые мы цитировали в другом месте («Человек и его осуществление согласно Веданте», гл. III); к этому мы ещё добавим, что сам Мессия назван «зерном» в достаточно большом числе мест Библии.

способностей, и в этом смысле она адресуется ко всем; но это не означает, что она должна сводиться к тому минимуму, который самые невежественные (мы под этим не понимаем профанного образования, которое здесь не имеет никакого значения) или наименее разумные люди могут в ней постичь; как раз наоборот, в ней должно быть нечто, что было бы, так сказать, на уровне возможностей всех индивидов, какого бы ни были они воспитания, и как раз поэтому она может давать им «опору», соответствующую внутреннему аспекту, который во всякой неискажённой традиции является её необходимым дополнением и который обнаруживает собственно порядок посвящения. Но «модернисты», отбрасывая именно эзотеризм и посвящения, тем самым отрицают, что религиозные учения содержат в себе какое-нибудь более глубокое значение; и таким образом, претендуя на «спиритуализацию» религии, они впадают, напротив, в самый узкий и самый грубый «буквализм», в котором дух полностью отсутствует, показывая, таким образом, поразительный пример того, что так часто оказывается справедливым, по словам Паскаля, что «тот, кто хочет казаться ангелом, оказывается зверем» (здесь игра слов: *faire la bete* — «валять дурака»)!

Мы, однако, ещё не совсем покончили с «первоначальной простотой», потому что есть по крайней мере один смысл, в котором это выражение реально может применяться: а именно, когда речь идёт о «хаосе», который некоторым образом действительно «первоначален», поскольку он также «вначале»; но там он не один, поскольку всякое проявление предполагает одновременно и коррелятивно необходимым образом и сущность и субстанцию, а «хаос» представляет собою только субстанциальное основание. Если бы было так, как этого хотят сторонники «первоначальной простоты», то мы бы, конечно, не возражали против этого, потому что как раз к этой неразличимости стремится в конечном счёте тенденция к упрощению, если бы она могла реализоваться до своих последних следствий; но следует ещё отметить, что

эта крайняя простота, будучи ниже уровня проявления, а не в нём, никоим образом не соответствует истинному «возвращению к началу». По этому поводу, чтобы разрешить кажущуюся антиномию, необходимо сделать чёткое различение между двумя точками зрения, соотносящимися соответственно с двумя полюсами бытия: если говорят, что мир был образован из «хаоса», то его рассматривают исключительно с субстанциальной точки зрения, и тогда это начало надо рассматривать как вневременное, так как очевидно, время не существует в «хаосе», а существует только в «космосе». Если же обратиться к порядку развертывания проявления, который в области телесного бытия и определяющих его условий претворяется в порядок временной последовательности, то тогда надо двигаться не с этой стороны, но напротив, со стороны сущностного полюса, от которого проявление, согласно циклическим законам, постоянно удаляется, чтобы спуститься к субстанциальному полюсу. «Творение» как разложение «хаоса» в определённом смысле «мгновенно»; это, собственно, и есть библейское «Да будет свет»; но в самом начале «космоса» находится поистине сам Примордиальный свет, то есть «чистый дух», в котором заключены сущности всех вещей, начиная с которого проявленный мир может в действительности идти лишь все больше и больше ниспадая к «материальности».

Глава XII. Ненависть к тайне

Нам необходимо остановиться более подробно на том, что мы лишь бегло рассмотрели в предшествующем тексте: на том, что можно было бы назвать тенденцией к «популяризации» (это ещё одно из слов, особенно значимых для изображения современной ментальности), то есть намерением все сделать «доступным всем», что мы уже обозначили как последствие «демократических» концепций и что в итоге сводится к желанию снизить уровень сознания до самого низкого интеллектуального уровня. Было бы легко показать многочисленные неудобства, которые в общем доставляет опрометчивое распространение обучения, которое желают распространить на всех одинаково, в одинаковых формах и одинаковыми методами, что может привести лишь к нивелировке на самом низшем уровне, как мы уже говорили: здесь, как и повсюду, качество приносится в жертву количеству. К тому же на самом деле профанное обучение, о котором идёт речь, не представляет, в общем, никакого познания в подлинном смысле слова и не содержит в себе абсолютно ничего такого, что принадлежало бы к более глубокому порядку; но помимо его незначительности и неэффективности, особенно пагубным его делает то, что оно выдает себя за нечто такое, чем не является, что оно стремится отрицать всё то, что его превосходит, и душит таким образом все возможности, относящиеся к более высокой сфере; может даже показаться, что оно специально создано для этого, так как современное «сведение к единообразию» необходимо предполагает ненависть ко всему высшему.

Самое удивительное, что некоторые полагают возможным в наше время представить традиционные учения, принимая в некотором роде их в качестве модели для профан-

ного образования и не учитывая ни в малейшей степени ни самой природы этих учений, ни сущностных различий, которые есть между ними и всем тем, что сегодня обозначается именем «науки» и «философии» и от которых их отделяет настоящая пропасть; или они должны, поневоле действуя таким образом, полностью деформировать эти учения, упрощая их и оставляя в них только самый внешний смысл, или же их претензии совершенно не оправданы. Во всяком случае, здесь имеется вторжение современного духа в то, что ему радикальным образом противоположно по определению, и легко понять, сколь разлагающими могут быть последствия этого, даже без ведома тех, кто становится, часто с добрыми намерениями и без определённой цели, инструментом подобного проникновения; упадок религиозного учения на Западе и тотальная утрата соответствующего эзотеризма достаточно хорошо показывают, к чему можно прийти, если такой способ видения когда-нибудь распространится до самого Востока; в этом есть достаточно большая опасность, и хорошо было бы на неё указать, пока ещё есть время.

Но самым невероятным является тот главный аргумент, который выдвигают эти «пропагандисты» нового типа, чтобы оправдать свои установки: один из них недавно писал, что некогда на распространение определённых познаний были наложены ограничения, но сегодня уже неуместно их учитывать (мы специально цитируем эту фразу текстуально, чтобы нельзя было нас заподозрить ни в каком преувеличении), так как «средний уровень культуры поднялся и умы оказались готовыми воспринять интегральное образование». Здесь также чётко проявилась возможность смешения с профанным обучением, обозначаемая этим термином «культура», который стал одним из самых привычных его наименований; это нечто, не имеющее ни малейшего отношения ни к традиционному образованию, ни к готовности его получить; и сверх того, поскольку так называемое повышение «культурного уровня» в качестве своего неминуемого

дополнения имеет исчезновение интеллектуальной элиты, то можно сказать, что эта «культура» с точностью представляет противоположность подготовки к тому, о чём идёт речь. Однако можно спросить себя, каким образом индус (так как мы цитируем именно индуса) может полностью игнорировать, в какой точке кали-юги мы сейчас находимся, дойдя до утверждения, что «время пришло, когда система веданты может быть полностью опубликована», в то время как малейшее знакомство с циклическими законами, напротив, заставляет утверждать, что время сейчас менее благоприятно, чем когда бы то ни было; и если она никогда не была «доступной для большинства людей», для чего она, впрочем, никогда и не создавалась, то, конечно же, не сегодня она могла бы таковой стать, так как слишком очевидно, что для «большинства людей» никогда не была она ещё столь тотально недоступной для понимания. В конце концов, истина состоит в том, что по той же самой причине всё то, что представляет собою традиционное знание истинно глубокого порядка и тем самым соответствует тому, что должно заключать в себе «интегральное образование» (так как если это выражение действительно имеет смысл, то, собственно говоря, образование через посвящение тоже сюда должно включаться), делается все более и более труднодоступным, и так происходит повсюду; перед лицом распространения современного и профанного духа совершенно ясно, что иначе и быть не может; каким же образом можно не признавать реальность до такой степени, чтобы утверждать прямо противоположное и с таким спокойствием, как будто сообщается самая неопровержимая из истин?

В случае, который мы только что цитировали в качестве примера, типичного для «иллюстрации» определённой ментальности, основания, выдвигаемые для объяснения особого интереса, который может сегодня представлять распространение ведантического образования, не менее экстраординарны: напоминают прежде всего о «развитии социальных идей и политических установлений»; но если это действи-

тельно «развитие» (во всяком случае, надо уточнить в каком смысле), то это нечто такое, что имеет отношение к пониманию метафизического учения не больше, чем к распространению профанного обучения; впрочем, достаточно посмотреть в любой стране Востока, насколько политические занятия там, где они внедрились, вредят познанию традиционных истин, чтобы понять, что более правильно было бы говорить о непонимании, по крайней мере, фактическом, чем о возможном согласии между этими двумя «развитиями». Мы на самом деле не видим, какую связь могла бы иметь «социальная жизнь» в чисто профанном смысле, который ей придают современные люди, к духовности, для которой она, наоборот, создаёт одни затруднения; напротив, эта связь была явной, когда социальная жизнь была интегрирована внутри традиционной цивилизации, но как раз современный дух разрушил эту связь или нацелен на её разрушение там, где она ещё существует; тогда чего же можно ожидать от «развития», самой характерной чертой которого является, собственно говоря, сопротивление всякой духовности?

Тот же автор приводит другую причину: «В то же время, для веданты дело обстоит так же, как и для научных истин; сегодня больше не существует научной тайны; наука не колеблясь публикует самые новые открытия». Действительно, эта профанная наука создана только для «широкой публики», и с того времени, как она существует, в этом и состоит весь смысл её бытия; слишком очевидно, что она и реально есть не более того, чем она кажется, поскольку — мы не скажем, что из принципа, но скорее из-за отсутствия принципа — она придерживается исключительно поверхности вещей; разумеется, в ней нет ничего такого, что было бы достойно оставаться в тайне, или, говоря точнее, что заслуживало бы внимания элиты, и кроме того, ей нечего с этим делать. Какое подобие стоило бы установить между так называемыми истинами и «недавними открытиями» профанной науки и положениями таких учений, как веданта или всякого другого традиционного учения, пусть даже самого внеш-

него порядка? Это всегда одно и то же смешение, и позволено будет спросить, до какой степени некто, кто это осуществляет с таким упорством, может обладать пониманием учения, которое он хочет преподать; между традиционным духом и современным реально нет никакого согласия, и всякая уступка в пользу второго делается за счёт первого, потому, что по существу, современный дух есть лишь отрицание всего того, что собою представляет традиционный дух.

Истина состоит в том, что современный дух у всех тех, кто в какой-нибудь степени им заражен, предполагает подлинную ненависть к тайне и ко всему тому, что её более или менее напоминает в любой области; мы воспользуемся случаем, чтобы четче пояснить этот вопрос. Строго говоря, даже нельзя утверждать, что «популяризация» учений была бы опасна, по крайней мере если речь идёт об их теоретической стороне; она была бы скорее просто бесполезной, если бы она была всё же возможной; но на самом деле истины определённого порядка даже по самой своей природе сопротивляются всякой «популяризации»: сколь бы ясно их ни представляли (разумеется, при условии, что их представляют таковыми, каковыми они действительно являются, без всякого искажения), их понимают только те, кто по своему качеству готов их понять, а для других они как если бы и не существовали. Мы не говорим здесь о «реализации» и о её собственных средствах, так как в этом отношении абсолютно нет ничего такого, что могло бы иметь действительную ценность, если это не находится внутри религиозной организации посвящённых; но с теоретической точки зрения сдержанность может быть оправдана по соображениям простой уместности, то есть по чисто случайным основаниям, однако это вовсе не означает обязательно по основаниям, не заслуживающим внимания. По существу подлинная тайна и к тому же единственная, которую никогда нельзя раскрыть никоим образом, состоит исключительно в её невыразимости, которая тем самым и есть её непередаваемость, но во всякой истине трансцендентного порядка необходимо

имеется и выразимая часть; в этом, главным образом, и состоит реально глубокое значение тайны, посвящения; любая внешняя тайна может иметь только лишь ценность её образа или символа, а также ценность «дисциплины», которая может быть небесполезной. Но, разумеется, как раз значение и смысл этого полностью ускользают от современной ментальности и, по отношению к ним непонимание, естественно, порождает враждебность; к тому же обыватель всегда испытывает страх ко всему, чего он не понимает, и страх легко порождает ненависть, даже когда его стараются избежать с помощью простого и полного отрицания непонятной истины; впрочем, существуют отрицания, которые сами похожи на настоящие крики ярости, каковы, например, отрицания так называемых «свободных мыслителей» по отношению ко всему тому, что относится к религии.

Современная ментальность устроена так, что она не может переносить никакой тайны и даже никакой осторожности; подобные вещи ему представляются — поскольку оно не знает их причин, — только «привилегиями», установленными в пользу кого-нибудь, и тем более оно не может переносить никакого превосходства; если же предпринимаются попытки объяснить ему, что эти так называемые «привилегии» в реальности имеют своё основание в самой природе человеческих существ, то это будет напрасно потерянное время, так как это как раз с упорством и отрицает его «эгалитаризм». Оно гордится, впрочем совершенно напрасно, не только тем, что устранило с помощью своих исключительно «рациональных» науки и философии всякое «таинство» и стало «общедоступным»; но этот ужас перед «таинством» заходит так далеко во всех областях, что простирается даже до того, что принято называть «обыденной жизнью». Однако мир, в котором все стали «публикой», приобретает поистине чудовищный характер; мы говорим «приобретает», так как фактически, несмотря на все, мы ещё окончательно не дошли до этого, и, возможно, что никогда полностью это не будет реализовано, так как здесь речь идёт о «пределе»; но не-

сомненно, что в настоящее время во всех направлениях стремятся достичь этого результата, и в этом отношении можно заметить, что многие явные противники «демократии», и результате, только лишь доводят последствия до конца, насколько это возможно, поскольку они тоже, по сути, проникнуты современным духом, как и те, кому они желают противостоять. Чтобы привести людей к полностью «публичной» жизни, не ограничиваются тем, что собирают их в «массы» по любому случаю и под любым предлогом; их помещают жить не просто в «ульи», как мы говорили раньше, но в «стеклянные ульи», к тому же расположенные таким образом, чтобы можно было в них питаться только «сообща»; люди, способные подчиниться такому бытию, поистине пали на «инфрачеловеческий» уровень, уровень, если угодно, насекомых, таких как пчелы и трутни; и в результате всеми средствами их стараются «выдрессировать» отличаться друг от друга не больше, чем представители этих видов животных или даже ещё меньше.

Поскольку мы вовсе не намереваемся входить в детали некоторых «предвидений», которые, возможно, будут легко и даже слишком быстро превзойдены событиями, мы больше не будем распространяться по этому поводу; нам достаточно указать на тенденцию (при том состоянии вещей, к которому они пришли в настоящее время), — по которой они не могут не следовать и далее, по крайней мере, в течение ещё некоторого времени. Ненависть к тайне, по сути, есть не что иное, как одна из форм ненависти ко всему, что превосходит «средний» уровень, и к тому, что отменяет единообразие, которое хотят навязать всем; в самом современном мире, между тем, есть тайна, которая лучше сохраняется, чем всякая другая: это тайна невероятной кампании по внушению, которая произвело и которое поддерживает современную ментальность, которая её сформировала и, можно сказать, её «сфабриковала» таким образом, что она может только отрицать существование и даже возможность этого, что, разумеется, есть лучшее средство, и средство поистине

«дьявольской» ловкости для того, чтобы эта тайна никогда не могла быть раскрыта.

Глава XIII. Постулаты рационализма

Мы только что сказали, что именем науки и философии, квалифицируемых как «рациональные», современные люди думают исключить всякое «таинство» из мира, как они его себе представляют, и можно было бы сказать, что чем ограниченнее концепция, тем скорее она рассматривается как строго «рациональная»; достаточно хорошо известно, что начиная с энциклопедистов XVIII века, самые рьяные отрицатели всякой сверхчувственной реальности особенно любили упоминать разум по всякому поводу и называть себя «рационалистами». Какова бы ни была разница между обывательским «рационализмом» и собственно философским, в конце концов, это только разница в степени; и тот и другой очень хорошо соответствуют одним и тем же тенденциям, которые только лишь усиливаются, «популяризуясь» в ходе всего Нового времени. Мы уже так часто имели случай говорить о «рационализме» и определять его главные черты, что могли бы отослать по этому предмету к некоторым из наших предыдущих работ[42]; однако, он так тесно связан с самой концепцией количественной науки, что мы не можем не сказать здесь ещё несколько слов.

Итак, мы напомним, что рационализм, собственно говоря, восходит к Декарту, и следует отметить, что он таким образом оказывается с самого начала непосредственно связанным с идеей «механистической» физики; впрочем, протестантизм предуготовил ему путь, введя в религию вместе со «свободным исследованием» нечто вроде рационализма, хотя тогда самого слова не существовало, оно было введено, когда та же самая тенденция утвердилась более явно в обла-

[42] См. в особенности «Восток и Запад» и «Кризис современного мира».

сти философии. Рационализм во всех своих формах, по существу, определяется через веру в главенство разума, объявляемое настоящей «догмой» и предполагающее отрицание всего того, что представляет собою сверхиндивидуальный порядок, а именно, чистую интеллектуальную интуицию, что логически ведёт к исключению истинного метафизического познания; то же самое отрицание имеет своим следствием в другой сфере отбрасывание всякого духовного авторитета, поскольку он необходимо исходит от «сверхчеловеческого»; рационализм и индивидуализм, таким образом, так тесно связаны, что фактически они чаще всего смешиваются, за исключением всё-таки некоторых недавних теорий, которые, не будучи рационалистическими, являются, тем не менее, исключительно индивидуалистскими. Теперь мы можем отметить, насколько этот рационализм согласуется с современной тенденцией к упрощению: действуя, естественно, всегда через сведение вещей к их самым низшим элементам, оно прежде всего утверждается через устранение всей области сверхиндивидуального, ожидая, что потом ему удастся свести то, что осталось, то есть всё то, что принадлежит индивидуальному порядку, к одной только чувственной или телесной модальности и, в конце концов, к простому агрегату количественных определений; легко видеть, каким образом всё это строго связано друг с другом, составляя как бы необходимые этапы одной и той же «деградации» концепций, которые человек составляет о самом себе и о мире.

Существует ещё один вид упрощения, присущий картезианскому рационализму и проявляющийся, прежде всего, в сведении всей в целом природы духа к «мышлению», а тела — к «протяженности»; последнее, впрочем, как мы уже видели, и есть основание «механистической» физики и, можно сказать, отправная точка для идеи абсолютно коли-

чественной науки[43]. Но это не все, по отношению к «мышлению» осуществляется другое чрезмерное упрощение самим тем фактом, каким образом Декарт рассматривает разум, который он также называет «здравым смыслом» (если иметь в виду обыденное значение этого выражения, то это приводит на память понятие некоего особо посредственного уровня) и «наилучшим образом распределённой в мире вещью», что уже предполагает нечто вроде «эгалитарной» идеи и что, впрочем, слишком очевидно ошибочно; при этом он просто и непосредственно смешивает разум «в действии» и «разумность», поскольку эта последняя носит специфический характер человеческого существа как такового[44]. Разумеется, человеческая природа присутствует целиком в каждом индивиде, но она там проявляется весьма различным образом, согласно собственным качествам, принадлежащим соответственно этим индивидам и в них соединяющихся этой особой природой, чтобы образовать единство их сущности; думать иначе значит думать, что человеческие индивиды во всем между собою подобны и различаются только нумерически (*solo numero*). Отсюда непосредственно следуют все те рассуждения о «единстве человеческого разума», о котором современные люди непрестанно вспоминают, ради объяснения самых разных вещей, многие из которых вовсе не относятся к «психологическому» порядку,

---

[43] Следует также отметить относительно концепции науки Декарта, что он полагает, что обо всем можно иметь «ясные и отчетливые» идеи, то есть сходные с математическими идеями, и достичь таким образом «очевидности», которая также возможна в одной лишь математике.

[44] Если принять классическое определение человеческого существа как «разумного животного», то «разумность» представляет собою «специфическое отличие», которое отличает человека от всех других видов животных; однако, оно приложимо только внутри этого вида или, другими словами, она есть то, что схоласты называли «отличительным признаком живого существа»; следовательно, нельзя говорить о «разумности» относительно существ, принадлежащих к другим состояниям бытия, а именно, к сверхиндивидуальному бытию, каковы, например, ангелы; это хорошо согласуется с тем фактом, что разум есть способность исключительно индивидуального порядка, которая никогда не может превзойти никоим образом пределы человеческой среды.

как, например, тот факт, что одни и те же традиционные символы встречаются во все времена и во всех местах; кроме того, для них речь идёт совсем не о «духе» на самом деле, а лишь о «ментальном», и здесь может быть лишь ложное единство, так как истинное единство не может принадлежать к индивидуальной сфере, которая одна только и существует для тех, кто об этом говорит, и вообще для всех тех, кто верит, что можно говорить о «человеческом духе», как если бы дух мог бы принимать специфический характер; во всяком случае, общность природы индивидов в виде может обладать проявлением только очень общего порядка, она совершенно неспособна учитывать сходство, имеющее, напротив, отношение к очень точным деталям; но как разъяснить этим современным людям, что фундаментальное единство всех традиций на самом деле объяснимо только тем, что в них есть «сверхчеловеческого»? С другой стороны и возвращаясь к тому, что есть действительно только человеческое, Локк, очевидно, вдохновившись картезианской концепцией, счел возможным заявить, что для того, чтобы знать, что некогда думали греки и римляне (потому что его горизонт не простирался дальше западной «классической» античности), следует всего лишь найти, что думают в наши дни англичане и французы, так как «человек всегда и повсюду одинаков»; нет ничего более ошибочного, и однако, психологи все время на этом настаивают, и в то время, как они воображают, что говорят о человеке вообще, большая часть из того, что они говорят, реально относится только к современному европейцу; не значит ли это, что то единообразие, которое стремятся навязать человеческим индивидам, как полагают, уже реализовано? Правда, по той же самой причине делаемых в этом направлении усилий, различия уменьшаются, и, таким образом, гипотеза психологов сегодня является менее ошибочной, чем она была во времена Локка (разумеется, при условии, тем не менее, что старательно остерегаются соотносить это, как делал он, с прошлым); но несмотря ни на что, предел никогда не может быть достигнут, как это мы го-

ворили выше, и пока этот мир длится, будут существовать неустранимые различия; и наконец, сверх этого, означает ли это действительно знание человеческой природы, когда принимают в качестве типа «идеал», который, строго говоря, может быть квалифицирован лишь как «инфрачеловеческое»?

После сказанного осталось ещё объяснить, почему рационализм связан с идеей исключительно количественной науки или, лучше сказать, почему он из неё следует; и в этом отношении надо признать, что существует значительная часть истины в той критике, которую Бергсон адресовал тому, что он ошибочно именовал «интеллектом» и что на самом деле есть только разум и даже, точнее, некоторое употребление разума, основанное на картезианской концепции, так как именно из этой концепции в конце концов вышли все формы современного рационализма. В конце концов, надо заметить, что философы часто говорят гораздо более истинные вещи тогда, когда они выдвигают аргументы против других философов, чем когда они выдвигают свои собственные точки зрения; каждый, в основном, видит достаточно хорошо недостатки других, и таким образом они взаимно разрушают друг друга; так Бергсон, если очистить ошибки его терминологии, хорошо показывает ошибки рационализма (который есть, не отождествляя его с истинным «интеллектуализмом», напротив, его полное отрицание) и недостатки разума, но он не менее ошибается в свою очередь, когда, чтобы устранить последние, ищет в «инфрарациональном» вместо того, чтобы подняться в «ультрарациональное» (и поэтому его философия так же является индивидуалистической и так же полностью игнорирует сверхиндивидуальное, как и его противники). Таким образом, когда он упрекает разум, которому мы должны вернуть его подлинное имя, в том, что тот «искусственно рассекает реальное», то у нас нет никакой нужды принимать его идею «реального» пусть даже временно и гипотетически для того, чтобы лучше понять, что он хочет сказать на самом деле: явно речь идёт о сведении всего

к элементам, полагаемыми гомогенными и тождественными между собою, что есть не что иное, как сведение к количественному, так как это единственная точка зрения, с которой такие элементы доступны пониманию; это «рассечение» весьма ясно напоминает усилия, делаемые ради введения прерывности, которая, собственно говоря, принадлежит только чистому или нумерическому количеству, то есть тенденции, о которой мы говорили выше, считать «научным» только то, что может быть «исчислено»[45]. Когда говорят, что разум у себя дома только тогда, когда он применяется к чему-то «твердому», что это в некотором роде его собственная сфера, то кажется, что осознают тенденцию, которая неизбежно возникает, когда она, представленная самой себе, все «материализует» в обычном смысле слова, то есть рассматривает все вещи лишь в их самых грубых модальностях, потому что именно в них качество в наибольшей степени умалилось в пользу количества; однако кажется, что имеют в виду лишь окончание этой тенденции, а не отправную точку, что могло бы вызвать обвинения в некотором преувеличении, так как очевидно, что в этой «материализации» есть определённые степени; но если соотносятся с настоящим состоянием научных концепций (или, как мы увидим позже, скорее с состоянием уже теперь несколько пройденным), то, конечно же, они близки, насколько это возможно, к последней и самой низкой степени, а именно, к «твердости»; разумеется, эта тенденция достигла своего максимума, и само это уже есть особенно характерный знак периода, к которому мы пришли. Разумеется, мы не считаем, что Бергсон сам понимал всё это так же ясно, как это следует при «переводе» с его языка, что кажется весьма вероятным, учитывая множество смешений, совершаемых им постоянно; но не менее верно, что в действительности эти воззре-

[45] В этом отношении можно сказать, что из всех смыслов, заключавшихся в латинском слове ratio, сохранили только единственный, а именно «исчисления», в том его «научном» употреблении, которое сегодня реализуется в отношении разума.

ния, были ему внушены тем, что представляет собою современная наука и что на этом основании свидетельством человека, который сам бесспорно является представителем современного духа, не стоит пренебрегать; что касается его собственных теорий, то мы их значение рассмотрим в другой части нашего исследования, все, что мы можем сказать в настоящий момент — это то, что они соответствуют в ином аспекте и другому этапу, в некотором роде, того же отклонения, ансамбль которого и составляет в собственном смысле современный мир.

Резюмируя предшествующее, мы можем сказать ещё следующее: рационализм, будучи отрицанием всякого высшего по отношению к разуму принципа, влечёт за собой в качестве «практического» следствия исключительное использование этого самого ослепленного разума, если можно так сказать, ослепленного тем, что он изолирован от чистого и трансцендентного интеллекта, свет которого законным и нормальным образом он может лишь отражать в индивидуальной области. С того момента, как он утратил всякую действенную связь со сверхиндивидуальным интеллектом, разум может стремиться только к низу, то есть к низшему полюсу бытия и погружаться все более и более в «материальность»; в такой же степени он мало-помалу утрачивает и саму идею истины и доходит до того, что стремится лишь к наибольшему удобству для своего ограниченного понимания, в чём он, однако, находит непосредственное удовлетворение вследствие самой своей тенденции к снижению, поскольку она ведёт его в направлении упрощения и сведения всех вещей к единообразию; он тем легче и скорее подчиняется этой тенденции, что её результаты согласуются с его желаниями, и этот все более быстрый спуск может в конце концов привести лишь к тому, что мы называли «царством количества».

Глава XIV. Механицизм и материализм

В порядке, именуемом «научным», первым продуктом рационализма был картезианский механицизм; материализм должен был появиться позже, потому что, как мы это пояснили в другом месте, слово и сам предмет датируются собственно лишь XVIII веком; впрочем, каковы бы ни были намерения самого Декарта (действительно, можно было из его идей, доведя их до логического конца, извлечь теории, сильно противоречащие друг другу), тем не менее между одними и другими есть прямая преемственность. В этом отношении небесполезно напомнить, что если и можно квалифицировать древние атомистические концепции как механистические, как, например, концепция Демокрита и особенно Эпикура, которые в античности, несомненно, были единственными «предшественниками», на кого современные ученые могут с некоторым основанием ссылаться, то ошибочно было бы их рассматривать как первую форму материализма, так как он прежде всего предполагает понятие «материи» современных физиков, понятие, которое в ту эпоху ещё не родилось. Истина состоит в том, что материализм представляет собою просто одну из двух половин картезианского дуализма, как раз ту, к которой её автор прилагал механистическую концепцию; с этого момента достаточно было пренебречь или отрицать другую половину или же, что приводит к тому же самому, претендовать на сведение к ней всей в целом реальности, чтобы естественным образом прийти к материализму.

Лейбниц очень хорошо показал недостаточность механицистской физики Декарта и его учеников, которая по самой своей природе может учитывать лишь внешнюю видимость вещей и неспособна объяснить то, что было бы их истинной

сущностью; таким образом, можно сказать, механицизм обладает лишь исключительно «репрезентативной», а вовсе не объяснительной ценностью; и по существу, не так ли обстоит дело и для всей современной науки? Так обстоит дело даже в таком простом случае, каким является движение, обычно рассматриваемое как подлежащее исключительно механистическому объяснению; но это объяснение, говорит Лейбниц, имеет смысл лишь тогда, когда в движении ничего, кроме изменения взаимного расположения тел, не рассматривают, и тогда, если меняется расположение двух тел относительно друг друга, то безразлично, движется ли одно тело по отношению к другому или второе по отношению к первому, так как здесь есть совершенная взаимность; но все происходит иначе, как только принимают во внимание причину движения, и когда эта причина находится в одном из тел, то одно только это тело будет называться двигателем, тогда как другое будет выступать в этом изменении в чисто пассивной роли; но именно это полностью ускользает от механистического и количественного рассмотрения. Механицизм, следовательно, ограничивается простым описанием движения, как оно представлено в своих внешних явлениях, и он не способен схватить его причину, следовательно, выразить тот сущностный или качественный аспект движения, который один только позволяет дать реальное объяснение; и с ещё большим основанием можно это сказать о всякой другой вещи, характер которой более сложен или в которой качество преобладает над количеством в большей степени; следовательно, конституированная таким образом наука не может на самом деле обладать никакой ценностью эффективного познания даже в том, что касается относительной и ограниченной области, в которой она заключена.

Тем не менее, Декарт хотел приложить столь явно недостаточную концепцию ко всем феноменам телесного мира, сводя природу тел в целом к протяженности, которую он к тому же рассматривал с чисто количественной точки зрения; и уже как самые недавние механицисты и материали-

сты, он в этом отношении не делал никакого различия между телами, называемыми «неорганическими», и живыми существами. Мы говорим «живые существа», а не только «организованные тела», потому что само существо здесь оказывается сведенным действительно к телу на основании слишком хорошо известной картезианской теории «животных-машин», которая, конечно, представляет собою одну из самых удивительных нелепостей, когда либо порожденных системным духом; и только при рассмотрении человеческого существа Декарт в своей физике считает себя обязанным уточнить, что он собирается говорить лишь о «человеческом теле»; чего стоит на самом деле это ограничение, принимающее, согласно гипотезе, что всё то, что в этом теле происходит, будет в точности таким же, как если бы «дух» отсутствовал? Действительно, человеческое существо в виду своего дуализма оказывается как бы рассеченным на две части, которые больше не достигают соединения и не могут образовать реальный состав, потому что будучи абсолютно гетерогенными, они не могут никакими средствами вступить в общение, так что всякое действительное воздействие одного на другое тем самым становится невозможным. Сверх того, предполагается механическим образом объяснить все феномены, наличные у животных, включая проявления, которые самым очевидным образом обладают психическим характером; можно спросить, таким образом, почему не так же дело обстоит у человека и не позволительно ли пренебречь второй стороной дуализма, как не способствующей ничему при объяснении мира? От рассмотрения её как несуществующей не так уж далеко до чистого и простого отрицания, в особенности для людей, все внимание которых постоянно обращено к чувственной области, как это происходит в случае современных западных людей; и таким образом, механистическая физика Декарта неизбежно должна приготовлять путь материализму.

Редукция к количественному была уже теоретически совершена для всего того, что принадлежит к телесному по-

рядку, в том смысле, что сама структура картезианской физики предполагает возможность такой редукции; ничего больше не оставалось, как только распространить эту концепцию на всю реальность так, как её понимали, реальность, которая, в силу постулатов рационализма, оказывалась, ко всему прочему, ограниченной одной только областью индивидуального бытия. Исходя из дуализма, эта редукция должна была необходимым образом предстать как редукция «духа» к «материи», заключающаяся в том, чтобы исключительно в последней полагать всё то, что Декарт полагал в обоих этих понятиях, для того чтобы иметь возможность все одинаково свести к количеству; и отправив, в некотором роде, «за облака» существенный аспект вещей, полностью его устранили, чтобы рассматривать и предполагать в них только субстанциальный аспект, потому что именно этим двум аспектам соответствуют «дух» и «материя», хотя по правде говоря, они представляют их образ сильно ослабленным и деформированным. Декарт ввел в количественную сферу половину мира так, как он её понимал, и даже без сомнения половину наиболее важную в его глазах, так как в глубине своей души, какова бы ни была видимость, он хотел быть прежде всего физиком; материализм, в свою очередь, претендовал на то, чтобы ввести туда весь мир целиком; оставалось тогда действительно совершить эту редукцию посредством теорий, все лучше и лучше приспособленных к этой цели, и именно над этой задачей трудится вся современная наука, даже когда она не объявляет себя открыто материалистической.

Кроме эксплицитного и формального материализма на деле существует ещё то, что можно было бы назвать фактическим материализмом, влияние которого простирается гораздо дальше, так как множество людей, которые вовсе не считают себя материалистами, практически, однако, ведут себя как таковые во всех обстоятельствах; между этими двумя материализмами существует отношение, сходное с отношением между философским и повседневным рационализ-

мом, как мы говорили об этом выше, за тем исключением, что простой фактический материалист не признает за собой, в основном, этого качества и часто будет даже протестовать, если его к нему приложат, тогда как обыденный рационалист, пусть даже самый невежественный во всякой философии, будет, напротив, стараться объявить себя таковым, одновременно гордо и иронически украшая себя, скорее всего, титулом «свободный мыслитель», в то время как в реальности он только лишь раб всех распространенных предрассудков своей эпохи. Как бы то ни было, как повседневный рационализм есть продукт диффузии философского рационализма в «широкую публику» со всем тем, что неизбежно заключает в себе его «доступность для всех», так же точно и материализм в собственном смысле слова есть отправная точка фактического материализма в том смысле, что он делает возможным это общее состояние духа и действительно вносит свой вклад в его формирование; но, разумеется, все всегда объясняется в конечном счёте через развитие одних и тех же тенденций, которые образуют само основание современного духа. Само собою разумеется, что ученый, в современном смысле этого слова, даже если он не разделяет материалистического убеждения, тем сильнее будет под его влиянием, что всё его образование направляет его по этому пути; и даже если этот ученый, как это иногда бывает, считает себя не чуждым «религиозного духа», то он все равно найдет средство столь полно разделить свою религию и свою научную деятельность, что его работа не будет отличаться ничем от работы самого отъявленного материалиста, и он таким образом сыграет свою роль так же хорошо, как и тот, в «прогрессивном» построении науки, исключительно количественной и самой грубо материалистической, какую только можно себе вообразить; и, таким образом антитрадиционное действие ставит себе на службу даже тех, кто должен быть, напротив, по логике вещей его противниками, поскольку отклонение современной ментальности произвело таких существ, которые полны противоречий и даже не спо-

собны заметить этого. К тому же, тенденция к единообразию обретает свою реализацию, поскольку все люди практически начинают думать и действовать одинаковым образом, и все, в чём они ещё различались несмотря ни на что, обладает минимумом действительного воздействия и вовне не выражается ни в чём реальном; в таком мире, за редким исключением, человек, объявляющий себя христианином, не преминет вести себя фактически как если бы не было никакой иной реальности, кроме одного телесного бытия, и «занимающийся наукой» священник почти ничем не отличается от университетского материалиста; если все обстоит так, то могут ли вещи зайти ещё гораздо дальше, прежде чем самая низшая точка «спуска» будет достигнута?

Глава XV. Иллюзия «обычной жизни»[A]

Материалистическая установка, идёт ли речь об эксплицитном и формальном или же о простом «практическом» материализме, необходимым образом привносит во всю «психофизиологическую» организацию человеческого существа реальное и очень важное изменение; это легко понять, и действительно, достаточно посмотреть вокруг себя, чтобы констатировать, что современный человек стал поистине непроницаемым для любого иного влияния, кроме того, которое подлежит действию его органов чувств; не только его способности понимания становятся все более и более ограниченными, но и само поле его восприятия тоже сузилось. Отсюда следует своего рода усиление профанной точки зрения: поскольку эта точка зрения родилась поначалу от недостатка понимания, следовательно, от ограничения человеческих способностей, постольку то же самое ограничение, усиливаясь и расширяясь на все области, кажется, впоследствии её же и оправдывает, по крайней мере в глазах тех, кто ею затронут; действительно, какое же ещё может быть у них основание принимать существование того, что они не могут больше реально ни постичь, ни воспринять, то есть всего того, что могло бы показать им недостаточность или ложность самой профанной точки зрения?

Отсюда происходит идея того, что обычно обозначают как «обычную жизнь» или «обыденную жизнь»; действительно, под этим понимают прежде всего что-то такое, в чём, при исключении всего ритуального, священного или символического (рассматриваемого специально в религиозном смысле

[A] Одноимённые статья журнала «Исследования Традиции» в номере за март-апрель 1938 и глава книги «Статьи и рецензии. Том 1» (2002) имеют другой текст — прим. ред.

или следуя совершенно другой, традиционной модальности, здесь это не важно, потому что во всех этих случаях речь идёт одинаково об эффективном действии «духовных влияний»), никоим образом не может быть ничего, что не было бы чисто человеческим; и кроме того, сами эти обозначения предполагают, что всё то, что эту концепцию превосходит, даже если и не отрицает её специально, по меньшей мере отодвигает это в область «экстраординарного», рассматриваемого как исключительное, странное и непривычное; здесь, следовательно, имеется переворачивание, собственно говоря, нормального порядка, как он интегрально представлен традиционными цивилизациями, где профанной точки зрения никоим образом не существует, и это переворачивание логически может лишь привести к игнорированию или полному отрицанию «сверхчеловеческого». Некоторые также доходят до того, что в том же смысле используют выражение «реальная жизнь», что представляет собою, по сути, особо странную иронию, так как истина заключается в том, что то, что они так называют, напротив, есть чистая иллюзия; мы не хотим этим сказать, что вещи, о которых идёт речь, сами по себе лишены всякой реальности, но эта реальность, представляющая собою, в общем, реальность чувственного порядка, находится на самой низкой ступени из возможных и ниже неё нет больше ничего, кроме того, что, собственно говоря, ниже всякого проявленного бытия; но способ их рассмотрения совершенно ошибочен, и тот, кто их отделяет от всякого высшего принципа, как раз и отрицает то, что составляет всю их реальность; вот почему, строго говоря, не существует профанной сферы, а существует только лишь профанная точка зрения, которая все время расширяется все больше и больше вплоть до того, что в конце концов захватывает все человеческое бытие полностью.

При этом хорошо видно, каким образом в этой концепции «обычной жизни» происходит почти незаметно от одной стадии к другой прогрессивно нарастающая деградация: начинают с допущения, что какие-то вещи выведены

из-под традиционного влияния, затем эти вещи начинают рассматривать как нормальные; отсюда слишком легко перейти к их рассмотрению как единственно реальных, что приводит к отбрасыванию как нереального всего сверхчеловеческого и даже (раз область человеческого понимается всё более и более ограниченно, вплоть до сведения её к одной лишь телесной модальности) всего того, что относится просто к сверхчувственному порядку. Следует только обратить внимание, каким образом наши современники постоянно используют, даже не замечая этого, слово «реальный» в качестве синонима «чувственному», чтобы понять, что они действительно придерживаются этой самой точки зрения и что этот способ видения настолько внедрился в саму их природу, если так можно сказать, что стал для них как бы инстинктивным. Современная философия, которая в целом есть лишь «систематизированное» выражение общей ментальности, прежде чем реагировать на неё в какой-нибудь степени, следовала ей параллельно: началось это с картезианского восхваления «здравого смысла», о чём мы говорили выше, который в этом отношении очень характерен, так как «обычная жизнь» есть, конечно, область исключительно так называемого «здравого смысла», или «здравомыслия», столь же и тем же самым образом ограниченного, как и она; позже от рационализма, который по сути есть лишь один из специальных философских аспектов «гуманизма», то есть сведения всех вещей исключительно к человеческой точке зрения, мало-помалу приходят к материализму или к позитивизму: отрицают ли специально, как это делает первый, все, что существует по ту сторону чувственного мира, или же ограничиваются, как второй (который на этом основании любит называть себя «агностицизмом», делая себе, таким образом, почетное звание из того, что на самом деле есть признание неисцелимого невежества), отказом заниматься этим, объявляя его «недоступным» или «непознаваемым», результат фактически будет один и тот же в обоих случаях, и он будет именно таким, каким мы его описали.

Мы ещё раз здесь отметим, что в большинстве случаев речь идёт, естественно, лишь о том, что можно назвать материализмом или «практическим» позитивизмом независимо от всякой философской теории, которая есть и всегда будет чем-то совершенно чуждым для большинства; но это даже ещё хуже, не только потому, что такое состояние духа получает тем самым несравнимо более широкое распространение, но также и потому, что оно тем более неисцелимо, чем более оно не осмысленно и чем менее ясно оно осознается, так как это свидетельствует о том, что оно поистине пронизывает и как бы пропитывает всю природу индивида. То, что мы уже сказали о фактическом материализме и том способе, каким к нему приспосабливаются люди, считающие себя, тем не менее, «религиозными», достаточно ясно это показывает; и в то же время, из этого примера ясно, что философия в собственном смысле слова не имеет всего того значения, которое некоторые хотели бы ей приписать, или же что она имеет его, если рассматривать её скорее как «представляющую» некоторую ментальность, чем как действующую в действительности и направляющую её; наконец, может ли какая-нибудь философская концепция иметь хотя бы малейший успех, если она не отвечает какой-нибудь из господствующих тенденций эпохи, в которой она была сформулирована? Мы не хотим этим сказать, что философы наравне с другими людьми не играют своей роли в современном отклонении, это, конечно, было бы преувеличением, но только то, что эта роль гораздо более ограничена, чем это представляется с первого взгляда, и что она сильно отличается от того, чем кажется извне; впрочем, в самом общем смысле, то, что представляется самым явным, есть всегда, согласно тем самым законам, которые управляют проявлением, скорее следствие, чем причина, скорее завершение,

чем отправная точка[46]; во всяком случае, никогда здесь не следует искать того, что поистине эффективно действует в более глубоком порядке, идёт ли речь о действии, осуществляемом в нормальном и законном направлении или же как раз в противоположном, как в случае, о котором мы сейчас говорили.

Механицизм и материализм сами смогли приобрести всеобщее влияние, лишь перейдя из философской области в научную; то, что относится к последней или облекается (справедливо или нет) этим «научным» характером, действительно оказывает по различным причинам несомненно гораздо большее, чем философские теории, воздействие на общую ментальность, в которой всегда более или менее явно присутствует вера в истину «науки», гипотетический характер которой неизбежно от него ускользает, в то время как всё то, что считается «философией», оставляет его более или менее индифферентным; немаловажно при этом существование в одном случае практических и полезных приложений и их отсутствие в другом. Это ещё раз приводит нас к идее «обычной жизни», к которой примешивается достаточно большая доза «прагматизма»; то, что мы сейчас говорим, совершенно, разумеется, не зависимо от того факта, что некоторые из наших современников пожелали воздвигнуть «прагматизм» в философскую систему, что оказалось возможным лишь потому, что утилитарный склад вообще присущ современной и в целом профанной ментальности, а также потому, что в настоящем состоянии интеллектуального вырождения дошли до полной потери из поля внимания самого понятия истины, так что понятия полезности или удобства окончательно и целиком его заменили. Как бы то ни было, но с тех пор, как было общепризнанно, что «ре-

[46] Можно ещё сказать, если угодно, что это скорее «плод», чем «зерно»; тот факт, что сам плод содержит новые зерна, указывает на то, что следствие может, в свою очередь, играть роль причины на другом уровне в соответствии с циклическим характером проявления, но для этого нужно ещё, чтобы оно в некотором роде перешло из «явного» в «скрытое».

альность» состоит исключительно в том, что подпадает под восприятие органами чувств, стало совершенно естественным полагать, что ценность, приписываемая какой-либо вещи, в некотором роде измеряется её способностью воздействия на чувственный порядок; очевидно, что «наука», рассматриваемая по-современному как, по существу, действующая заодно с промышленностью, если не смешиваемая с нею более или менее полностью, должна в этом отношении занимать первое место и что тем самым она оказывается насколько возможно более тесно смешанной с той самой «обычной жизнью», одним из главных факторов которой она таким образом становится; косвенно, гипотезы, на которых она стремится основываться, сколь произвольными или ошибочными они бы ни были, сами способствуют этой привилегированной позиции в глазах толпы. Само собою разумеется, что на самом деле практические приложения никак не зависят от истины этих гипотез, и даже можно спросить, что стало бы с такой наукой, столь ничтожной, как только познание, если бы от неё отделить те приложения, которым она даёт место; но в настоящем её состоянии фактом является то, что эта наука «преуспевает», а для инстинктивно утилитарного духа современной публики «преуспеяние» или «успех» стал как бы одним из «критериев истины», если ещё можно говорить здесь об истине в каком бы то ни было смысле.

Впрочем, не важно, о какой точке зрения идёт речь, о философской, научной или просто «практической»: очевидно, что всё это представляет собою только лишь различные аспекты одной и той же тенденции и что эта тенденция, как и все другие, конституирующие на том же основании современный дух, конечно, не могла развиться спонтанно; мы уже имели раньше случай объяснять это, но на этом никогда слишком долго не останавливались, и у нас ещё будет возможность впоследствии вернуться к тому, чтобы уточнить, какое место занимает материализм посреди того «плана», согласно которому осуществляется отклонение современно-

го мира. Разумеется, сами материалисты в большей степени, чем кто бы то ни было, совершенно не способны отдать себе отчет и даже осознать возможность этого, ослепленные своими предвзятыми идеями, которые закрывают им любой выход из этой узкой области, в которой они привыкли двигаться; и без сомнения, они были бы очень удивлены, если бы узнали, что существовали и даже ещё существуют люди, для которых то, что они называют «обычной жизнью», есть нечто самое экстраординарное из всего, что только можно вообразить, потому что она ничему из того, что реально происходит в их бытии, не соответствует. Однако это так, и более того, эти люди должны считаться подлинно «нормальными», тогда как материалисты со всем их хвалёным «здравым смыслом» и «прогрессом», по отношению к которым они с гордостью рассматривают себя как наиболее законченные продукты и как наиболее «продвинутые» представители, на самом же деле являются лишь существами, в которых некоторые способности до такой степени атрофировались, что почти полностью исчезли. Ведь только при этом условии чувственный мир может казаться «замкнутой системой», внутри которой они чувствуют себя в совершенной безопасности; нам осталось посмотреть, каким образом эта иллюзия может, в определённом смысле и определённой мере, быть «реализована» фактически самим материализмом; но мы увидим далее также, что, несмотря на это, она представляет собою крайне нестабильное состояние и каким образом в точке сегодняшнего состояния эта безопасность «обычной жизни», на которой покоилась до сих пор вся внешняя организация современного мира, сильно рискует быть поколебленной неожиданными взаимодействиями.

Глава XVI. Вырождение денег

Дойдя до этой точки нашего исследования, нам следует немного отклониться, по крайней мере, по видимости, чтобы дать, очень суммарно, несколько указаний по вопросу, относящемуся, как кажется, к факту очень частного рода, но представляющему собою яркий пример результатов концепции «обычной жизни» и одновременно замечательную «иллюстрацию» способа, которым она связана с исключительно количественной точкой зрения и который этой стороной особенно тесно связан с нашим предметом. Вопрос, о котором идёт речь, касается денег, и, конечно, если придерживаться просто «экономической» точки зрения, как её понимают сегодня, то кажется, что они суть нечто такое, что полностью, насколько это возможно, принадлежит «царству количества»; именно эту роль они играют, по преимуществу, в современном обществе, о которой слишком хорошо знают и на которой, очевидно, излишне было бы останавливаться; но истина состоит в том, что сама «экономическая» точка зрения и исключительно количественная концепция денег, присущая ей, есть продукт вырождения, в общем, достаточно недавний, и что деньги в своем истоке обладали совершенно отличным характером и долго его сохраняли, и собственно качественной ценностью, как это ни показалось бы удивительным большинству наших современников.

Есть одно замечание, которое легко понять для тех, кто «имеет глаза, чтобы видеть»: древние монеты были буквально все покрыты традиционными символами, выбиравшимися из тех, которые представляли особенно глубокий смысл; именно это можно отметить у кельтов, у которых символы, изображенные на монетах, могут быть объяснены лишь при соотнесении их с теоретическими познаниями,

свойственными друидам, что впрочем, предполагает прямое воздействие последних на эту область; и разумеется, то, что верно в этом отношении для кельтов, также верно и для других народов древности, принимая во внимание, естественно, собственные качества их традиционной организации соответственно. Это в точности согласуется с отсутствием профанной точки зрения в строго традиционных цивилизациях: деньги, там, где они существовали, не могли быть профанной вещью, какой они стали позже; если бы они были таковыми, то как можно было бы объяснить вмешательство сюда духовного авторитета, который, очевидно, не должен относиться к «профанному», и как можно было бы понять, что различные традиции говорят о деньгах как о чём-то, что на самом деле нагружено неким «духовным влиянием», которое эффективно может осуществляться посредством символов, образующих нормальную их «опору»? Добавим, что до самого последнего времени ещё можно было найти следы этого понятия в девизах, носящие религиозный характер, которые, конечно, уже больше не имели собственно символической ценности, но были по меньшей мере как бы напоминанием о традиционной идее, более или менее непонятной отныне; после того, как в некоторых странах они были отодвинуты на «край» монет, на их «ребро», эти девизы сами в конце концов полностью исчезли, и действительно, не было никакой причины им оставаться с того времени, как деньги перестали представлять собою что-либо иное, кроме знаков исключительно «материального» и количественного порядка.

Факт контроля со стороны духовной власти над деньгами, в какой бы форме он ни осуществлялся, не ограничивался исключительно только античностью, есть признаки, показывающие, что контроль существовал ещё в конце Средних веков, то есть пока там была ещё традиционная цивилизация. Иначе никак нельзя, действительно, объяснить того, что некоторые правители этой эпохи обвинялись в том, что они «подделывали монеты»; если их современники считали это

преступлением, то отсюда следует заключить, что у них не было свободного права чеканить монеты и что, меняя их по своей собственной инициативе, они превышали права, признаваемые за светской властью[47]. В любом другом случае такое обвинение, очевидно, было бы лишено смысла; проба монеты тогда имела бы совершенно конвенциальное значение, и вообще, было бы не важно, если бы монету чеканили из любого металла или даже заменяли простой бумагой, как это делают по большей части в наши дни, так как это не мешало бы продолжать придавать ей точно то же самое «материальное» использование. Следовательно, должно было существовать нечто, относящееся к иному порядку, мы можем сказать, к высшему порядку, потому что только в этом случае это изменение могло приобрести характер столь исключительной тяжести, доходящей до того, что она могла пошатнуть стабильность самой королевской власти, потому что действуя таким образом, последняя узурпировала прерогативы духовной власти, которая, по определению, является единственным подлинным источником всякой законности; таким образом, эти факты, почти не понятные, по-видимому, профанным историкам, дают ещё одно чёткое указание на то, что вопрос о деньгах в Средние века, как и в античности, имел стороны, совершенно не учитываемые современными людьми.

Таким образом, здесь произошло то, что обычно происходит в том или ином виде со всеми вещами, играющими какую-нибудь роль в человеческом бытии: эти вещи мало-помалу лишаются своего «священного» или традиционного ха-

[47] См.: «Духовное владычество и мирская власть», стр. 111, где мы более подробно останавливаемся на случае с Филиппом Красивым и где мы утверждаем возможность достаточно тесной связи между разрушением Ордена Тамплиеров и подделкой денег, что становится без труда понятным, если предположить как нечто очень вероятное, по крайней мере, что Орден Тамплиеров среди прочих функций тогда осуществлял духовный контроль в этой области; мы больше на этом не будем останавливаться, напомним только, что именно с этого момента начинается современное отклонение в собственном смысле слова, как у нас есть основания считать.

рактера, и таким образом само это бытие во всём ансамбле становится совершенно профанным и оказывается, в конце концов, сведенным к низменной посредственности «обычной жизни», какой она представляется сегодня. В то же время пример денег хорошо показывает, что эта «профанизация», если можно использовать подобный неологизм, принципиально совершается через сведение вещей к одному лишь их количественному аспекту; действительно, закончили тем, что больше не способны даже понять, что монета есть что-то другое, чем представление простого и чистого количества; но если этот случай особенно ясен, потому что он в некотором роде доведен до предела, то это, конечно, далеко не единственный случай, когда такая редукция вносит свой вклад в ограничение бытия узким горизонтом профанной точки зрения. Все то, что мы говорили об исключительно количественном характере современной промышленности и того, что с ней соотносится, позволяет это достаточно хорошо понять: постоянно окружая человека продуктами этой промышленности и не позволяя ему видеть что-либо ещё (за исключением, как например, в музеях, в виде простых «достопримечательностей», не имеющих никакого отношения к «реальным» обстоятельствам его жизни, ни, следовательно, никакого действительного влияния на нее), поистине принуждают его закрываться в узком круге «обычной жизни» без выхода, как в тюрьме. В традиционной цивилизации, напротив, каждый объект, одновременно с тем, что он был насколько возможно совершенным образом приспособлен к тому использованию, к которому он был непосредственно предназначен, создан таким образом, что каждое мгновение мог и фактически при его реальном использовании служил (вместо того, чтобы считаться как бы мёртвой вещью, как это делают современные люди по отношению ко всему тому, что они рассматривают как «произведение искусства») «опорой» для медитации, связывающей индивида с чем-то другим, помимо простой телесной модальности, помогая, таким образом, каждому подняться к более

высокому состоянию согласно мере его способностей[48]; какая бездна между этими двумя концепциями человеческого бытия!

Это качественное вырождение всех вещей, кроме того, тесно связано с вырождением денег, что видно из того факта, что уже дошли до того, что вещь обычно «уважают» за её цену, понимаемую только как «число», «сумма прописью» или нумерическое денежное количество; действительно, у большинства наших современников всякое суждение, выносимое относительно какой-либо вещи, основывается почти всегда на том, что она стоит. Мы выделили слово «уважать» на основании того, что в нём есть двойной смысл, качественный и количественный; сегодня первый потерян из вида или, что приводит к тому же самому, сводится ко второму, и таким образом не только вещь «уважают» за её цену, но также и человека «уважают» за его цену[49]. То же самое, совершенно естественно, произошло и со словом «ценность», заметим по ходу дела, что на ней основывается любопытное заблуждение некоторых недавних философов, которые додумались даже до изобретения выражения «философия ценностей», чтобы охарактеризовать свои теории; в основании их мысли лежит идея, что все вещи, к какому бы порядку они ни относились, могут быть поняты количественно и выражены нумерически; «моралист», составляющий, с другой стороны, их доминирующее занятие, прямо оказывается связанным с количественной точкой зрения[50]. Эти примеры также показывают, что существует поистине

---

[48] По этому предмету можно посмотреть многочисленные работы А. К. Кумарасвами, который его раскрыл и исчерпывающе «проиллюстрировал» во всех аспектах и со всеми необходимыми подробностями.

[49] Американцы в этом направлении зашли так далеко, что они о человеке говорят: «стоит такую-то сумму», называя цифру, до которой поднимается его состояние; они говорят также не о том, чего он достиг в своих делах, а что он «преуспел», что снова напоминает о полном отождествлении индивида с его материальными барышами.

[50] Эта ассоциация, впрочем, не совсем нова, так как она восходит к «арифметической морали» Бентама, датируемой концом XVIII века.

вырождение языка, сопровождающее или неизбежно следующее за вырождением всех вещей; действительно, в мире, в котором стараются свести все к количеству, очевидно, надо пользоваться языком, который и сам вызывает идеи чисто количественные.

Возвращаясь более конкретно к вопросу денег, мы должны добавить, что здесь возникает явление, достойное внимания: с тех пор, как деньги потеряли всякую гарантию высшего порядка, сама их количественная ценность, или, что на жаргоне «экономистов» называется «покупательной способностью», без конца уменьшается настолько, что можно себе представить, что на пределе, к которому она все больше и больше приближается, они утратят всякое, даже просто «практическое» или «материальное», основание своего бытия и исчезнут, как и само человеческое бытие. Следует признать здесь странный поворот хода вещей, который без труда становится понятным из того, что мы только что сказали: чистое количество, собственно, находясь ниже всякого бытия, может, когда редукцию доводят до предела, как в случае с деньгами (наиболее поразительный случай, потому что здесь уже почти дошли до предела), привести только к настоящему растворению. Это показывает, как мы уже говорили выше, что безопасность «обычной жизни» на самом деле есть нечто весьма непрочное, и далее мы увидим также, что она такова и во многих других отношениях; но вывод, который отсюда следует, будет, в конечном счёте всегда тот же самый: реальным завершением тенденции, которая влечёт людей и вещи к чистому количеству, может быть только окончательное растворение актуального мира.

Глава XVII. Отвердение мира

Теперь вернёмся к объяснению того способа, которым действительно реализуется в современную эпоху мир, соответствующий, насколько это возможно, материалистической концепции; чтобы понять это, надо вспомнить, как мы уже много раз говорили, что человеческий и космический порядки в реальности вовсе не отделены, как это слишком легко представляют в наши дни, но что они, напротив, тесно связаны таким образом, что каждый из них постоянно реагирует на другой и что всегда есть соответствие между их взаимными состояниями. Это положение, по существу, заключается во всех учениях о циклах, и без него традиционные данные, относящиеся к нему, почти полностью оказываются непостижимыми; связь, которая существует между некоторыми критическими фазами человеческой истории и некоторыми катаклизмами, происходящими согласно определённым астрономическим периодам, является, может быть, самым поразительным тому примером, но само собою разумеется, что это только лишь предельный случай соответствий, которые существуют постоянно в реальности, хотя они, несомненно, и менее явны, поскольку вещи меняются постепенно и почти незаметно.

Поскольку это так, что совершенно естественно, то в ходе циклического развития космическое проявление в целом и человеческая ментальность, которая, впрочем, включена необходимым образом в него, следуют одновременно одному и тому же нисходящему движению, в направлении, которое мы уже назвали и которое является постепенным удалением от принципа, следовательно, от изначальной духовности, которая присуща сущностному полюсу проявления. Следовательно, это движение может быть описано, приме-

няя здесь понятия обыденного языка, которые чётко выделяют соответствие, рассматриваемое нами как нечто вроде прогрессирующей «материализации» самой космической среды, и только когда эта «материализация» достигла определённой степени, уже очень сильно выявленной, может, соответственно, у человека появится материалистическая концепция, так же, как и общая установка, практически ей соответствующая и согласующаяся, как мы сказали, с идеей того, что называют «обычной жизнью»; однако, без этой действительной «материализации» всё это не имело бы даже малейшего оправдания, так как окружающая реальность каждое мгновение приносила бы слишком явные опровержения. Сама идея материи, как понимают её современные люди, на самом деле могла родиться только при этих условиях; то, что она более или менее смутно выражает, есть во всяком случае только лишь предел, который по ходу нисхождения, о котором идёт речь, никогда не может быть достигнут фактически, прежде всего потому, что она рассматривается как нечто само по себе чисто количественное, и затем потому, что она предполагается «инертной», а мир, в котором есть что-либо поистине «инертное», тем самым тотчас же перестаёт существовать; следовательно, эта идея есть самое иллюзорное из всего, что только может быть, потому что она не отвечает абсолютно никакой реальности, сколь низко не помещалась бы она в иерархии проявленного бытия. Другими словами, можно сказать, что «материализация» существует как тенденция, но «материализация», которая была бы полным завершением этой тенденции, есть состояние нереализуемое; отсюда следует, среди других последствий, что теоретически сформулированные современной наукой механические законы никогда не подлежат точному и строгому применению в условиях опыта, где всегда существуют элементы, которые с необходимостью от них ускользают, даже в той фазе, где роль этих элементов оказывается, в некотором роде, сведенной до минимума. Следовательно, здесь речь всегда идёт только о приближении, которое

в этой фазе с оговоркой, что случай исключительный, может быть достаточным для непосредственных практических нужд, но что, тем не менее, предполагает очень грубое упрощение, что лишает его не только всякой предполагаемой «точности», но и всякой «научной» ценности в подлинном смысле этого слова; и так же обстоит дело с тем самым приближением, по которому чувственный мир может принять вид «замкнутой системы», как в глазах физиков, так и в потоке событий, составляющих «обычную жизнь».

Вместо того, чтобы говорить о «проявлении», как мы это только что делали, можно было бы в том же, по существу, смысле и, может быть, даже более точным и «реальным» образом говорить об «отвердении»; твердые тела, действительно, по своей плотности и непроницаемости суть то, что более чем что-нибудь другое даёт иллюзию «материальности». В то же время, если мы вспомним манеру, с которой Бергсон, как мы выше отмечали, говорил о «твердом» как в некотором роде конституирующем собственную область разума, из чего становится очевидным, что сознательно или нет (несомненно, не слишком сознательно, не только потому что он обобщает, не внося никакого ограничения, но он даже верит, что может говорить об этом как об «интеллекте», как он всегда и делает в этих случаях, тогда как то, что он говорит, можно реально отнести только к разуму), он преимущественно соотносится с тем, что видит вокруг себя, то есть имеет место «научное» употребление, которое сделали в настоящее время из этого разума. Добавим, что это действительное «отвердение» как раз и есть истинная причина, по которой современная наука «преуспевает», но, конечно, не в своих теориях, которые не становятся из-за этого менее ошибочными и которые к тому же ежеминутно меняются, но в своих практических приложениях; в другие эпохи, в которые это «отвердение» не было ещё достаточно выражено, не только человек не мог мечтать о промышленности, как её сегодня понимают, но и сама эта промышленность ещё была совершенно невозможна, так же, как и вся «обычная

жизнь», в которой она занимает столь важное место. По ходу дела отметим, что этого достаточно, чтобы покончить со всеми мечтаниями так называемых «ясновидящих», которые, воображая прошлое по модели настоящего, приписывают некоторым «доисторическим» и давно прошедшим цивилизациям что-либо очень сходное с современной «машинностью»; это одна из форм заблуждения, которую на популярном языке можно назвать «история повторяется» и которая предполагает полное незнание того, что мы назвали качественным определением времени.

Чтобы дойти до того, что мы описали, надо, чтобы человек вследствие самой этой «материализации» или «отвердения», которое совершенно естественно в нём так же осуществляется, как и во всей остальной сфере космического проявления, часть которого он составляет и которое именно и изменяет его «психофизиологическую» конституцию, утратил опыт употребления способностей, которые позволяли бы ему нормальным образом превосходить границы чувственного мира, так как, даже если он весьма реально и окружен непроницаемыми ограждениями, то можно было бы сказать, что он таким не был в предшествующих состояниях; не в меньшей степени также верно, что в нём никогда не было никакого абсолютного разделения между различными порядками бытия; такое разделение имело бы следствием отсечение от самой реальности той области, которая бы в ней заключалась, так что бытие этой области, то есть, в данном случае, чувственного мира, немедленно бы испарилось. Впрочем, было бы законно спросить, как столь полная, столь всеобщая атрофия определённых способностей действительно могла произойти; для этого нужно было, чтобы человек сначала пришел к тому, чтобы все своё внимание направлять исключительно на вещи чувственного мира, и с этого должна была необходимо начаться работа по отклонению, которую можно было бы назвать «изготовлением» современного мира и которая, разумеется, может быть удачной только на этой фазе цикла, «дьявольским» образом

используя условия, предоставляемые самой средой. Мы не будем больше останавливаться сейчас на этом. Как бы то ни было, не следует слишком обольщаться торжественной глупостью некоторых заявлений, дорогих для научных «популяризаторов» (мы должны были бы сказать, скорее, «саентистов»), которые с удовольствием утверждают по любому поводу, что современная наука отодвигает без конца границы познанного мира, что, на самом деле, в точности противоположно истине: никогда эти границы не были столь узкими, каковыми они являются в концепциях, предлагаемых этой профанной мнимой наукой, и никогда ни мир, ни человек не оказывались столь уменьшенными до такой степени, что стали сведенными к простым телесным единствам, гипотетически лишённым малейшей возможности связи с любым другим порядком реальности!

Впрочем, существует другой аспект проблемы, дополнительный к тому, который мы до этого рассматривали: во всём этом человек не сведен к пассивной роли простого созерцателя, который должен ограничиваться созданием более или менее истинных или более или менее ложных идей относительно того, что происходит вокруг него; он сам является одним из факторов, которые активно внедряются в изменение мира, в котором он живет; мы должны добавить, что и сам он является особенно важным фактором из-за его, собственно говоря, «центральной» позиции, которую он занимает в этом мире. Говоря об этом человеческом внедрении, мы не имеем в виду просто искусственные изменения, которые промышленность заставляет претерпеть земную среду и которые, к тому же, слишком очевидны, чтобы стоило об этом распространяться; конечно, это следует учитывать, но это не все, и то, о чём речь идёт с точки зрения, на которой мы теперь находимся, представляет собою нечто совершенно иное, чего человек не желал, по крайней мере, сознательно и специально, но что в реальности зашло ещё гораздо дальше. Действительно, истина состоит в том, что материалистическая концепция, будучи однажды сформули-

рована и распространена каким-то образом, может только лишь содействовать этому «отвердению» мира, которое сначала было возможным, и все последствия, которые прямо или опосредованно выводились из этой концепции, включая распространенное понятие «обычной жизни», заставляли двигаться к той же самой цели, так как общие реакции самой космической среды действительно менялись согласно установке, принятой человеком по отношению к ней. Поистине, можно сказать, что некоторые аспекты реальности скрываются от того, кто рассматривает её как профан и материалист, и становятся недоступными для его наблюдения; и это не просто «образный» способ выражения, как некоторые предпочли бы думать, но как раз чистое и простое выражение факта, так же как фактом является то, что животные спонтанно и инстинктивно убегают от того, в ком они замечают враждебную установку. Вот почему есть вещи, которые никогда не могут констатировать «ученые» материалисты или позитивисты, что, естественно, ещё больше утверждает их в их вере в ценность своих концепций, представляясь им как бы негативным доказательством, в то время как это есть ни больше ни меньше, как только простое следствие самих этих концепций. Разумеется, эти вещи не перестают существовать ни в коей мере из-за этого, начиная с рождения материализма и позитивизма, но они поистине «врываются» из той области, которая не доступна опыту профанных ученых, воздерживаясь от проникновения в него каким бы то ни было образом, который мог бы позволить заподозрить об их воздействии или о самом их существовании, совершенно так же, как в другом порядке, который, впрочем, не лишён связи с этим. После чего хранилище традиционных познаний закрывается и исчезает из виду все более и более строгим образом перед распространением современного духа. Это в некотором роде «копия» ограничения способностей человеческого существа теми, которые относятся собственно к одной телесной модальности: из-за этого ограничения оно становится, как мы сказали, неспо-

собным выйти из чувственного мира; из-за того, о чём сейчас идёт речь, она утрачивает всякую возможность констатировать явное проникновение сверхчувственных элементов в самый чувственный мир. Так оказывается завершённым для него, насколько это возможно, «ограждение» этого мира, ставшего настолько более «твёрдым», что он ещё больше изолируется от всякого иного порядка реальности, даже от тех порядков, которые для него являются самыми близкими и которые просто констатируют различные модальности самой индивидуальной сферы; внутри такого мира может казаться, что «обычная жизнь» отныне может протекать без волнений и без непредвиденных случайностей, наподобие движений «механизма», налаженного совершенным образом; механизировав окружающий мир, не собирается ли современный человек «механизировать» самого себя, насколько это в его силах во всех видах деятельности, которые ещё остались открытыми для его узко ограниченной природы?

Тем не менее, «отвердение» мира, как бы далеко оно в действительности не зашло, никогда не может быть полным, и есть пределы, которые оно никогда не перейдет, потому что, как мы сказали, его предельное завершение было бы несовместимым со всем реальным бытием даже на его самой низшей ступени; по мере того, как это «отвердение» продвигается вперёд, оно даже становится все более шатким, потому что самая низшая реальность есть также и самая нестабильная; без конца растущая скорость изменений актуального мира доказывает это весьма красноречиво. Ничего нельзя было бы сделать, если бы не было «трещин» в этой так называемой «закрытой системе», в которой по её «механическому» характеру есть что-то искусственное (разумеется, что мы берём здесь это слово в смысле гораздо более широком, чем тот, который приложим собственно к простым промышленным продуктам), природа которого не внушает доверия в смысле её длительности; и даже теперь уже есть много знаков, точно показывающих, что её непроч-

ное равновесие находится в точке его нарушения. Если это так, то сказанное нами о материализме и механицизме современной эпохи может быть уже в определённом смысле отнесено к прошлому; это, конечно, не означает, что её практические следствия не могут продолжать развиваться ещё в течение какого-то времени или что её влияние на общую ментальность не будет продолжаться более или менее долго, пусть это будет вследствие «популяризации» в её различных формах, включая школьное обучение всех степеней, куда всегда тащат многочисленные «пережитки» такого рода (мы вскоре вернёмся к этому более подробно); но не менее верно в тот момент, в котором мы живем, что само понятие «материи», с таким трудом конституированное во множестве различных теорий, кажется, постепенно испаряется; но только, может быть, не стоит радоваться этому сверх меры, так как это может быть только ещё одним шагом к окончательному распаду, как это с большей ясностью мы увидим дальше.

Глава XVIII. Научная мифология и популяризация

Поскольку мы упомянули «пережитки», оставляемые в общей ментальности теориями, которым сами ученые больше не верят, но которые продолжают оказывать не меньшее влияние на позицию большинства людей, то было бы неплохо остановиться на этом ещё, так как здесь содержится нечто, что может способствовать объяснению некоторых аспектов современной эпохи. В этом отношении следует напомнить прежде всего, что одной из главных черт профанной науки, когда она оставляет область простого наблюдения фактов и пытается что-нибудь извлечь из бесконечного накапливания частных деталей, является то, что и есть её единственный непосредственный результат, а именно, более или менее трудоемкое сооружение чисто гипотетических теорий, и это не может быть ничем большим, поскольку дана чисто эмпирическая исходная точка, а факты, которые и сами поддаются различным объяснениям, никогда не могли и никогда не смогут гарантировать истины ни одной теории и, как мы это видели выше, большее или меньшее их количество ничего не дает; кроме того, такие гипотезы, по существу, в меньшей степени вдохновлены эмпирическими наблюдениями, нежели некоторыми предвзятыми идеями и некоторыми доминирующими в современной ментальности тенденциями. Впрочем, известно, с какой постоянно растущей быстротой в наше время эти гипотезы оставляются и заменяются другими, и слишком очевидно, что этих изменений достаточно, чтобы показать их малую надёжность и невозможность признания их ценности в качестве реального познания; таким образом, они принимают в мышлении самих учёных все больше и больше конвенциональный,

следовательно, вообще нереальный характер, и мы ещё раз можем здесь отметить симптом движения к окончательному распаду. Действительно, эти ученые, а именно, физики, уже и не могут более обманываться подобными конструкциями, хрупкость которых они сегодня, как никогда, хорошо знают; эти концепции не только быстро «стареют», но с самого своего возникновения те, кто их создаёт в качестве чего-то «временного», верят в них лишь в определённой мере, несомненно, довольно ограниченной; и часто даже кажется, что они их рассматривают скорее как простые «представления» или как «способ выражения», чем как подлинные попытки объяснения; и таковыми они в действительности и являются, и мы видели, что уже Лейбниц показал, что картезианский механизм не может быть чем-либо другим, кроме как «представлением» внешней видимости, лишённой, собственно, всякой объяснительной ценности. В этих условиях в лучшем случае об этом можно сказать, что это нечто совершенно суетное и что концепция науки, из которой следует подобная работа, является, конечно, странной; но опасность этих иллюзорных теорий состоит, в особенности, в их влиянии, которое (из-за того, что они называются «научными») они способны оказывать на «широкую публику», принимающую их совершенно всерьёз и слепо, как «догму»; и так происходит не только тогда, когда они ещё сохраняют значение (тогда едва ли есть время для того, чтобы их узнали), но даже и, в особенности, тогда, когда ученые их уже оставили, и ещё долго после этого, по причине их постоянного присутствия, о котором мы выше говорили, в первоначальном обучении и в «популярных» произведениях, в которых они всегда к тому же представлены в упрощенной и крайне утвердительной форме, а вовсе не как простые гипотезы, какими они были в действительности для тех, кто их создавал. Не без причины мы только что сказали о «догме», так как для антитрадиционного современного духа речь идёт, конечно, о чём-то таком, что должно противодействовать религиозным догмам и заменять их; такой при-

мер, среди прочих, как «эволюционистские» теории, не может в этом оставлять никакого сомнения; и ещё более важно то, что у большинства «популяризаторов» есть привычка усеивать свои писания более или менее яростными заявлениями, направленными против традиционной идеи, что лишь ещё яснее показывает ту роль, которую они себе присвоили, пусть даже в большинстве случаев бессознательно, в интеллектуальном «переворачивании» нашей эпохи.

Таким образом, в «сайентистской» ментальности, которая по большей части по утилитарным причинам, указанным нами, присуща в той или иной степени огромному большинству наших современников, возникла настоящая «мифология», конечно, не в первоначальном и трансцендентном смысле истинных традиционных «мифов», но просто в «уничижительном» значении, которое это слово приняло в повседневном языке. Можно привести большое число примеров этого; один из самых поразительных и самых «актуальных», если можно так сказать, это создание «воображаемого мира» атомов и многочисленных элементов различного рода, на которые они окончательно разложились в последних физических теориях (что, впрочем, показывает, что они вовсе не атомы, то есть буквально «неделимые», хотя их все равно продолжают так называть вопреки всякой логике); мы сказали «воображаемый мир», так как он есть, несомненно, только в сознании физиков; но «широкая публика» твердо верит, что речь идёт о реальных «единицах», которые мог бы увидеть и потрогать некто, у кого чувства были бы достаточно развиты или кто располагал бы достаточно мощными средствами наблюдения; не есть ли это одна из самых наивных «мифологий»? Это не мешает той же самой публике насмехаться по любому поводу над концепциями древних, из которых, они, разумеется, не понимают ни единого слова; даже предполагая, что во все времена могли быть «популярные» искажения («популярные» — это ещё одно выражение, которое сегодня употребляют по любому случаю, несомненно по причине растущего значения, при-

писываемого «массе»), но можно усомниться, чтобы они были бы когда-нибудь столь грубо материальными и в то же время столь общезначимыми, какими они являются сегодня, как благодаря тенденциям, присущим современной ментальности, так и столь прославляемому распространению «обязательного всеобщего образования», профанного и рудиментарного.

Мы не хотим распространяться более по этому поводу, по которому можно говорить бесконечно, слишком удаляясь от того, что мы главным образом имеем в виду; легко было бы, например, показать, что, вследствие «пережитка» гипотез, элементы, на самом деле принадлежащие к различным теориям, наслаиваются друг на друга и перемешиваются таким образом в обывательских представлениях, что они иногда образуют самые причудливые комбинации; впрочем, вследствие царящего повсюду запутанного беспорядка, современная ментальность устроена так, что она охотно принимает самые странные противоречия. Мы только продолжаем настаивать на одном из аспектов проблемы, который, по правде говоря, несколько предвосхищает дальнейшее, так как он относится к тому, что больше принадлежит к другой фазе, чем та, о которой шла речь до сих пор; но всё это не может быть разделено полностью, это дало бы слишком «схематическое» изображение нашей эпохи, и в то же время, в этом уже можно увидеть, каким образом тенденция к «отвердению» и к распаду, хотя они по-видимому противоположны в некотором отношении, тем не менее объединяются в своем действии, чтобы окончательно привести к последней катастрофе. Мы хотели бы здесь поговорить о том исключительно экстравагантном характере, которым облекаются представления, о которых идёт речь, когда их переносят в иную область, чем та, для которой они были первоначально предназначены; действительно, именно от этого происходит большинство фантасмагорий, которые мы называем «неоспиритуализмом» в его различных формах; как раз эти заимствования из концепций, зависящих, в основном, от

чувственного порядка, чем и объясняется этот тип «материализации» сверхчувственного, составляют одну из самых общих их черт[51]. Не стремясь в настоящий момент определить более точно природу и качество сверхчувственного, с которым они действительно здесь имеют дело, полезно было бы отметить, до какой степени, по существу, проникнуты материалистическим влиянием те, кто его не допускает и думает, что констатирует его воздействие; если они не отрицают всякую внетелесную реальность, как большинство их современников, то потому, что они составили себе идею, которая позволяет им свести её в некотором роде к образцу чувственных вещей, что, конечно, ничуть не лучше. Впрочем, не следует удивляться тому, как всякие оккультные, теософские и другие школы этого рода постоянно стремятся найти точки сближения с современными научными теориями, которыми они вдохновляются даже гораздо чаще, чем хотели бы в этом признаться; в общем, они, в результате, логически должны оказаться в тех же условиях; и можно даже отметить, что, вследствие последовательных изменений этих научных теорий, сходство концепций той или иной школы с той или иной специальной теорией позволило бы в некотором роде «датировать» эту школу при отсутствии иного более точного указания о его истоках и его истории.

Такое положение дел возникло тогда, когда изучение и управление некоторыми психическими влияниями попало, если можно так выразиться, под сферу влияния профанной науки, что означает, в некотором роде, начало в самом прямом смысле «разрушительной» фазы современного отклонения; короче говоря, можно подняться к XVIII веку, в точности к самому современному материализму, и ясно увидеть, что эти две вещи, только по видимости противоположные, фактически должны сопутствовать друг другу; представление о том, что подобного раньше не было, несо-

[51] Представления этого рода в особенно грубой форме существуют в спиритизме, когда мы приводим множество примеров этого в «Заблуждение спиритизма».

мненно возникает потому, что отклонение ещё не достигло той степени развития, которая сделала бы это возможным. Главной чертой научной «мифологии» того времени была концепция различных «флюидов», в виде которых тогда представляли себе психические силы; и как раз эта концепция была перенесена из телесного порядка в тонкий порядок с теорией «животного магнетизма»; если обратиться к идее «отвердения» мира, то могут сказать, что «флюид» («текучее») по определению противоположен «твердому», но не менее верно, что в этом случае он играет ту же самую роль, поскольку эта концепция имеет своим следствием «отелесивание» вещей, которые на самом деле принадлежат к проявлениям тонкого порядка. Магнетизеры были в некотором роде прямыми предшественниками «неоспиритизма», если не первыми его представителями, собственно говоря; их теории и практика влияли в более или менее широкой степени на все школы, возникшие позже, будь то откровенно профанные, как спиритизм, или претендующие на «псевдопосвящение», как многочисленные варианты оккультизма. Это постоянное влияние тем более странно, что оно кажется совершенно несоразмерным значению психических феноменов, в общем, весьма элементарных, которые составляют поле магического опыта; но ещё более удивительна та роль, которую играет этот самый магнетизм со времени своего появления в отвлечении от всякой серьёзной работы тайных организаций, которые до того времени ещё сохранили если не идущие далеко действительные познания, то, по крайней мере, сознание того, что они в этом отношении потеряли, и волю к тому, чтобы их вернуть; и позволительно думать, что это не последняя причина, ради которой магнетизм был «пущен в дело» в нужный момент, даже если, как это почти всегда бывает в подобных случаях, его мнимые инициаторы были в этом лишь более или менее бессознательными инструментами.

Концепция «флюидов» дожила, если не в теориях физиков, то в общей ментальности, по меньшей мере до середи-

ны XIX века (ещё долго продолжали использовать привычные выражения, как, например, «электрический флюид», но скорее машинальным образом, не связывая с этим точного представления); спиритизм, появившийся в эту эпоху, наследовал ей тем более естественно, что он был предрасположен к этому через свою первоначальную связь с магнетизмом, связь, являющуюся даже более тесной, чем это можно предположить с первого взгляда, так как вполне вероятно, что спиритизм никогда не смог бы получить такого большого развития без бродяжничества сомнамбул и что именно существование магнетических «субъектов» приготовило спиритических «медиумов» и сделало их возможными. Ещё сегодня большинство магнетизеров и спиритов продолжают говорить о «флюидах» и, более того, в них серьёзно верить; этот «анахронизм» тем более курьезен, что все эти люди в основном фанатичные сторонники «прогресса», что плохо согласуется с концепцией, которая, будучи столь давно исключенной из научной сферы, должна была бы казаться в их глазах очень «ретроградной». В современной «мифологии» «флюиды» заменены «волнами» и «излучениями»; они, в свою очередь, не перестают играть ту же роль в теориях, изобретенных совсем недавно для объяснения воздействия некоторых тонких влияний; достаточно вспомнить о «радиосвязи», которая в этом отношении «представлена» настолько, насколько это возможно. Разумеется, что если бы речь здесь шла лишь о простых образах, о сравнениях, основанных на некоторой аналогии (а не на тождестве) с феноменами чувственного порядка, то это не было бы слишком неуместным, а было бы до некоторой степени оправданным; но это не так, и «радиостезисты» совершенно буквально верят, что психические влияния, с которыми они имеют дело, суть «волны» или «излучения», распространяющиеся в пространстве столь «телесным» способом, как только это можно себе вообразить; к тому же, сама «мысль» не избежала этого способа представления. Таким образом, это все та же «материализация», которая продолжает утверждаться

в новой форме, может быть, более коварной, чем «флюиды», потому что она может казаться менее грубой, хотя, по сути, все они одного порядка и в целом выражают лишь сами ограничения, присущие современной ментальности, её неспособность постичь всё то, что находится вне области чувственного воображения[52].

Едва ли необходимо отмечать, что «ясновидящие» непременно видят «флюиды» или «излучения» в соответствии со школами, к которым они принадлежат, так же как и теософы, которые видят атомы и электроны; но это, как и то многое другое, что они действительно видят, суть лишь их собственные ментальные образы, которые, естественно, всегда согласуются с частными теориями, в которые они верят. Так же дело обстоит, когда они видят «четвёртое измерение» и другие дополнительные измерения пространства; это принуждает нас сказать в завершение ещё несколько слов о другом случае, также относящемся к научной «мифологии», который мы охотно назовем «безумием четвёртого измерения». Надо признать, что «гипергеометрия» была, конечно, создана для того, чтобы поразить воображение людей, не владеющих достаточными математическими познаниями, чтобы отдавать себе отчет в истинном характере алгебраических конструкций, выражаемых в геометрических терминах, так как здесь на самом деле ни о чём другом речь не идет; заметим также по ходу дела, что это ещё один пример опасностей «популяризации». Так, задолго до того, как физики вознамерились ввести «четвёртое измерение» в свои гипотезы (ставшие к тому же в гораздо большей степени математическими, чем подлинно физическими, из-за своего все более и более количественного и одновременно «конвенционального» характера), «физикалисты» (в это время ещё не говорили о «метафизиках») уже пользовались им для объяс-

[52] В силу самой этой неспособности и следующего из этого смешения в философском плане Кант без колебаний заявил о «непознаваемости» всего того, что просто «невообразимо»; вообще, по существу, это всегда те же самые ограничения, которые порождают все разнообразие «агностицизма».

нения феноменов, когда твердое тело, казалось, проходит через другое тело; к тому же это не было для них простым «иллюстративным» образом определённого способа, который можно назвать «интерференцией» между областями или различными состояниями, что было бы приемлемо, но они думали, что упомянутое тело весьма реально проходит через «четвёртое измерение». Впрочем, это было вначале, впоследствии мы видим, как под влиянием новой физики школы оккультизма пришли к тому, что стали воздвигать большую часть своих теорий на этой самой концепции «четвёртого измерения»; таким образом, можно отметить по этому поводу, что оккультизм и современная наука все больше и больше стремятся к соединению в четвёртом измерении по мере того, как «дезинтеграция» мало-помалу продвигается вперёд, потому что оба движутся в одном направлении различными путями. Далее мы ещё поговорим о «четвёртом измерении» с другой точки зрения; в настоящий момент мы сказали об этом достаточно, настало время вновь вернуться к вопросам, относящимся более непосредственно к проблеме «отвердения» мира.

Глава XIX. Пределы истории и географии

Выше мы сказали, что вследствие качественных отличий между различными периодами времени, например, между различными фазами такого цикла, как наша манвантара (очевидно, что за пределами длительности нашего человечества условия должны ещё сильнее отличаться), в космической среде вообще, и в частности, в земной среде, более непосредственным образом касающейся нас, происходят изменения, о которых профанная наука, ограниченная горизонтом одного только современного мира, в котором она возникла, не может составить никакой идеи, так что какую бы эпоху она ни рассматривала, она всегда представляет её миром, условия которого будут похожи на современные условия. С другой стороны как мы видели, психологи полагают, что человек психологически был всегда таким же, как и теперь; то, что верно для психологов, также истинно и для историков, которые оценивают действия людей античности или средних веков так же точно, как и действия своих современников, приписывая им одинаковые мотивы и намерения; идёт ли речь о человеке или о среде, и там и тут очевидно применение упрощенческих и «приводящих к единообразию» концепций, которые так хорошо соответствуют актуальным тенденциям; разумеется, мы не берёмся разрешать здесь проблему определения, каким образом это «сведение к единству» прошлого согласуется с «прогрессистскими» и «эволюционистскими» теориями в одно и то же время у одних и тех же индивидов, но несомненно, это лишь один из примеров многочисленных противоречий современной ментальности.

Когда мы говорим об изменениях среды, то имеем в виду не только более или менее обширные катаклизмы, которы-

ми отмечены каким-то образом «критические точки» цикла; это внезапные изменения, соответствующие настоящим нарушениям равновесия, и даже в тех случаях, когда речь не идёт об исчезновении целого континента (случаи, которые действительно встречаются в истории настоящего человечества), легко понять, что весь ансамбль земной среды должен быть не в меньшей мере задет его отзвуками и что таким образом «лицо мира», если можно так сказать, должно значительно измениться. Но существуют ещё постоянные и незаметные модификации, которые в течение периода, когда не происходит никаких катаклизмов, приводят, тем не менее, мало-помалу к такому же значительному результату; само собою разумеется, что речь здесь идёт не о простых «геологических» модификациях в том смысле, в котором это понимают профанные геологи, к тому же ошибочно рассматривать сами катаклизмы исключительно с этой точки зрения, которая как всегда ограничивается наиболее внешним; мы имеем в виду нечто гораздо более глубокое, относящееся к самим условиям среды, так что существа и вещи от этого не в меньшей степени претерпели бы подлинное изменение, даже если и не принимать во внимание геологические явления, которые здесь не более чем детали второстепенной важности. Что касается искусственных модификаций, произведенных вмешательством человека, то они вообще суть лишь следствия в том смысле, в каком, как мы уже объяснили, условия именно той или иной эпохи делают их возможными; однако, если человек и может действовать более глубоким образом на среду, то это скорее психически, чем телесно, и то, что мы уже сказали об эффектах материалистической установки, делает это достаточно понятным.

Из всего представленного нами выше легко понять теперь общее направление, в котором осуществляются эти изменения: это то направление, которое мы охарактеризовали как «отвердение» мира, придающее всем вещам вид, соответствующий все более близким образом (хотя, тем не менее, всегда на самом деле неточным) той манере, в какой их рас-

сматривают количественные, механистические или материалистические концепции; именно поэтому, говорили мы, современная профанная наука преуспевает в своих практических приложениях и также поэтому окружающая реальность не представляет ей слишком очевидных опровержений. Этого не могло быть в предшествующие эпохи, когда мир не был таким «твердым», каким он стал сегодня, и когда телесная модальность и тонкие модальности индивидуальной сферы ещё не были столь полно разделены (хотя, как мы далее увидим, даже в настоящем состоянии следует сделать некоторые оговорки относительно этого разделения). Не только человек видел мир не такими глазами, как сегодня, и воспринимал многие вещи, которые с тех пор полностью от него ускользают, поскольку тогда его способности были гораздо тесно ограничены; но соответственно, сам мир как космический ансамбль поистине был качественно иным, потому что возможности другого порядка отражались в телесной сфере и «преображали» её в некотором роде; и когда, например, некоторые «легенды» говорят, что некогда было время, в котором драгоценные камни были так же распространены, как сегодня самые грубые булыжники, это не надо понимать в одном лишь символическом смысле. Разумеется, символический смысл всегда присутствует в подобных случаях, но это не значит, что он единственный, так как всякая проявленная вещь сама необходимо является символом по отношению к высшей реальности; мы полагаем, что больше на этом не следует останавливаться, так как мы уже имели выше достаточно возможностей это объяснить, будь то в общей форме, или же в более частных случаях, таких, как символическое значение исторических и географических фактов.

Мы предупредим, не откладывая далее, возражение, которое может быть выдвинуто по поводу этих качественных изменений в «лице мира»: возможно, скажут, что если бы это было так, то следы исчезнувших эпох, которые каждое мгновение открывают, должны об этом свидетельствовать и что,

не говоря уже о «геологических» эпохах и придерживаясь только того, что относится к человеческой истории, археологи и специалисты по «первобытной истории» никогда ничего не находят такого, как бы далеко в прошлое не простирались бы результаты их раскопок. Ответ, на деле, очень прост: прежде всего эти следы в том состоянии, в каком они сегодня предстают и, следовательно, составляют часть современной среды, с необходимостью причастны, как и все остальное, к «отвердению» мира; если бы они не были ему причастны, то их бытие не было бы в согласии с общими условиями, и они бы полностью исчезли, и, несомненно, так оно и есть в действительности для многих вещей, от которых теперь нельзя найти ни малейшего следа. Кроме того, археологи изучают сами эти остатки современными глазами, которые охватывают лишь самую грубую модальность проявления, так что даже если что-нибудь более тонкое и сохранилось ещё несмотря ни на что, они, конечно же, совершенно не в состоянии этого заметить; они вообще их рассматривают так, как механики рассматривают вещи, с которыми имеют дело, потому что ментальность у них такая же и способности их так же ограничены. Говорят, что когда драгоценности ищут те, для кого они по каким-то причинам не предназначены, то золото и драгоценные камни для них превращаются в уголь и обычные камни; современные любители раскопок могли бы извлечь пользу и из этой «легенды»!

Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что в виду того, что они предпринимают любое своё исследование, исходя из современной и профанной точки зрения, они во времени встречают некоторые «барьеры», более или менее непроницаемые, и, как мы уже говорили в другом месте, первый из этих «барьеров» находится в VI веке до начала христианской эры, где начинается то, что, в согласии с современными концепциями, можно назвать историей в собственном смысле слова, так что рассматриваемая ею античность в конечном счёте является античностью в очень отно-

сительном смысле. Без сомнения скажут, что недавние раскопки позволяют восходить гораздо дальше, находя остатки гораздо более древней античности, чем эта, и до некоторой степени это правда; но только особенно замечательно то, что здесь больше нет никакой надёжной хронологии, так что расхождения в предполагаемых датах объектов и событий иногда доходят до веков и даже до целых тысячелетий; кроме того, не удалось создать никакой сколько-нибудь ясной идеи о цивилизациях этих столь удалённых эпох, потому что там уже не могут найти понятия, сравнимые с теми, что существуют сегодня, которые ещё встречаются тогда, когда речь идёт только о «классической» античности, что не означает, что они не были бы сильно искажены в представлениях современных историков, так же, как и Средние века, ещё более близкие к нашему времени. К тому же все самые древние сведения, которые могут предоставить археологические раскопки, восходят приблизительно только до начала кали-юги, где располагается, естественно, второй «барьер»; и если бы каким-нибудь образом его удалось пересечь, то был бы ещё третий, соответствующий эпохе последнего большого земного катаклизма, то есть той, которая традиционно обозначается как исчезновение Атлантиды; очевидно, что было бы совершенно бесполезно желать подняться ещё дальше, так как прежде чем историкам удастся дойти до этой точки, современный мир будет иметь достаточно времени, чтобы самому в свою очередь исчезнуть!

Этих нескольких указаний достаточно, чтобы понять, сколь пусты все те дискуссии, в которых профаны (под этим словом мы здесь должны понимать всех тех, кто заражен современным духом) могут выступать по поводу того, что касается первых периодов манвантары, времен «золотого века» и «примордиальной традиции» и даже таких гораздо менее удалённых от нас фактов, как библейский «потоп», если принимать его лишь в самом непосредственном, буквальном смысле, относя к катаклизму Атлантиды; эти вещи были и всегда будут недоступными. Впрочем, именно поэто-

му их и отрицают, как без разбора отрицают всё то, что превосходит их каким-то образом, так как все работы, все исследования и предприятия, исходящие из ложной и ограниченной точки зрения, могут в конце концов привести лишь к отрицанию всего того, что не подпадает под эту точку зрения; сверх того, эти люди настолько убеждены в своем «превосходстве», что они не могут предположить существование того света и извлекать из этого повод для того, чтобы с гордостью считать себя выше нормальных людей!

То, что мы сказали о пределах истории, рассматриваемой в согласии с профанной концепцией, может быть также применено к географии, так как и здесь много такого, что полностью исчезло с горизонта современных людей; когда сравнивают описания древних и современных географов, то нередко спрашивают себя, возможно ли, чтобы и те и другие говорили об одной и той же стране. Однако, это «древние» в очень относительном смысле, и чтобы констатировать подобные вещи, даже не надо подниматься далее средних веков; не было, следовательно, в интервале, разделяющем нас от них, никакого значительного катаклизма; и несмотря на это, мог ли мир изменить своё лицо до такой степени и так быстро? Мы прекрасно знаем, что современники скажут: древние плохо видели или они плохо сообщали то, что видели; но это объяснение, которое снова нас как бы возвращает к предположению, что до нашего времени все люди были поражены умственным расстройством и расстройством чувств, поистине, является слишком «упрощенческим» и негативным; если же хотят изучить вопрос со всей непредвзятостью, то почему не предположить, напротив, что плохо видят наши современники и что они даже вообще не видят некоторых вещей? Они победоносно заявляют, что «земля теперь полностью открыта», что, может быть, не так уж верно, как они думают, и они воображают, что, напротив, она была древним неизвестна в своей большей части, но можно спросить, о каких древних они на самом деле говорят и не думают ли они, что до них не было других людей, кроме запад-

ных людей «классической» эпохи и что обитаемый мир сводился к маленькой части Европы и Малой Азии; они добавляют, что это «неизвестное, поскольку оно неизвестное, может быть лишь таинственным»; но где они видели, чтобы древние говорили, что там есть «таинственные» вещи, и не они ли сами их объявляют таковыми, потому что больше уже их не понимают? Добавим к этому, что вначале видят «чудеса», потом находят только «достопримечательности» или «странности», и, наконец, «замечают, что эти странности подчиняются общим законам, которые стремятся определить ученые»; но не является ли то, что они кое-как описывают, как раз последовательностью этапов ограничения человеческих способностей, этапов, последний из которых соответствует тому, что можно назвать собственно манией рациональных объяснений со всем присущим им грубым несовершенством? Действительно, этот последний способ видения вещей, из которого происходит современная география, датируется на самом деле XVII–XVIII веками, то есть той самой эпохой, которая была свидетельницей рождения и распространения особой рационалистической ментальности, что хорошо подтверждает нашу интерпретацию; начиная с этого времени, способности понимания и восприятия, которые позволяли человеку проникать в нечто иное, чем наиболее грубый и низший модус реальности, были полностью атрофированы в то же самое время, как мир сам непоправимо «отвердел».

Рассматривая вещи таким образом, в конце концов пришли к следующему: или тогда видели то, что не видят теперь, потому что произошли значительные изменения либо в земной среде, либо в способностях человека, или же, скорее, эти изменения и в том и в другом шли тем более быстро, чем ближе мы подходим к нашей эпохе; или же то, что называют «географией», имело в древности совершенно иное значение, нежели сегодня. Действительно, оба термина этой противоположности вовсе не исключают друг друга, и каждый из них выражает одну сторону истины, концеп-

цию, которую себе составляют относительно науки, зависящей, естественно, одновременно и от точки зрения, с которой рассматривают её предмет, и от меры, в которой действительно способны схватить присущие ему реальности: по этим двум параметрам одновременно традиционная наука и профанная, даже если они носят одно и то же имя (вообще говоря, это указывает на то, что вторая есть «остаток» от первой), столь глубоко различны, что реально они разделены пропастью. Итак, вполне реально существует традиционная или «священная география», которую наши современники полностью игнорируют, как и все другие познания того же рода; равно как и исторический, существует географический символизм, и именно символическая ценность вещей придает им глубокое значение, потому что через это устанавливается их соответствие с реальностями высшего порядка; но чтобы действительно установить это соответствие, надо быть способным тем или иным образом воспринимать в самих вещах отражение их реальностей. Так, есть места, которые в особенности пригодны для того, чтобы служить «опорой» для воздействий «духовных влияний», и именно на них всегда основываются определённые главные и второстепенные традиционные «центры», из которых «оракулы» античности и места паломничества представляют собою наиболее явные внешние примеры; существуют также и другие места, которые тоже особо благоприятны для проявления «влияний» совершенно противоположного характера, принадлежащих к самым низким областям тонкой сферы; но что современному западному человеку до того, если в таком-то месте находится «дверь на Небеса», а в другом «пасть ада», раз «плотность» его «психофизиологической» конституции такова, что ни в том, ни в другом случае он не может испытать абсолютно ничего особого? Для него эти вещи буквально не существуют, что вовсе не означает, что они действительно перестали существовать; но, впрочем, правда и то, что связь между тонкой сферой и телесной сведена до минимума, и чтобы иметь возможность её констати-

ровать, нужно большее развитие тех же способностей, чем когда-то, и как раз эти способности, вместо того, чтобы развиться, напротив, были вообще ослаблены и, в конце концов, у «среднего» человеческого индивида совсем исчезли, так что трудность и редкость восприятий этого порядка вдвое возросли, что позволяет современным людям обращать в насмешку рассказы древних.

В связи с этим добавим ещё одно замечание, касающееся некоторых описаний странных существ, встречающихся в этих рассказах: поскольку эти рассказы датируются самое большее «классической» античностью, в которой уже произошло несомненное вырождение с традиционной точкой зрения, очень возможно, что здесь были произведены смешения разного рода; так, часть из этих описаний на самом деле могла происходить от «пережитков» символизма, который больше не был понятен[53], тогда как другая могла относиться к видимостям, облеченным проявлениями некоторых «сущностей» или «влияний», принадлежащих тонкой сфере, а другая часть, хотя она, может быть, несомненно, не самая важная, представляла собою реальное описание существ, имевших телесное бытие в более или менее удалённые времена, но принадлежавшие к уже давно исчезнувшим видам и продолжавшим существовать лишь в исключительных условиях и в очень редких представителях, что может даже ещё и сегодня встречаться, не зависимо от того, что об этом думают те, кто воображает, что в этом мире больше нет ничего неизвестного для них. Ясно, что для описания всего этого по существу нужна довольно долгая и трудная работа, тем более, что имеющиеся «источники» далеки от того, чтобы доставлять чистые традиционные данные; очевидно, что легче и удобнее отбросить все сразу, как это и делают современные люди, которые при всем том

[53] Представляется, что «Естественная история» Плиния как раз является почти неисчерпаемым источником примеров, свидетельствующих о случаях такого рода, однако именно к этому источнику очень часто обращались все те, кто пришел после него.

не будут лучше понимать подлинные традиционные данные и увидят в них лишь не поддающиеся расшифровке загадки и, естественно, настаивать на этой негативной установке до тех пор, пока новое изменение в «лице мира» окончательно не разрушит их обманчивую безопасность.

Глава XX. От сферы к кубу

После этих нескольких «иллюстраций» к тому, что мы обозначили как «отвердение» мира, нам осталось ещё сказать об его представлении в геометрическом символизме, где оно может быть изображено как постепенный переход от сферы к кубу; собственно говоря, на самом деле сфера есть прежде всего примордиальная форма, потому что она из всего является наименее «специфицированной», являясь подобной себе во всех направлениях, таким образом, что при любом движении вращения вокруг центра все её последовательные позиции совпадают друг с другом[54]. Следовательно, можно сказать, что это самая универсальная из всех форм, некоторым образом содержащая все остальные формы, которые исходят из неё посредством дифференциации, осуществляющейся по определённым частным направлениям; вот почему эта сферическая форма «глаза мира» существует во всех традициях — это то, что представляет собою «глобальный» ансамбль в его первичном и «эмбриональном» состоянии всех тех возможностей, которые будут развертываться в ходе цикла проявления[55]. Впрочем, уместно заметить, что это первое состояние, относящееся к нашему миру, принадлежит, собственно говоря, области тонкого проявления, поскольку оно с необходимостью предшествует грубому проявлению и есть как бы его непосредственный принцип; и именно поэтому, в действительности, совершенная сферическая форма или форма круга, которая ей соот-

[54] См. «Символизм креста», гл. VI и XX.

[55] Та же самая форма находится в начале эмбрионального существования каждого индивида, включенного в это циклическое развитие, ведь индивидуальный эмбрион (*piṇḍa*) — это микроскопический аналог того, чем «глаз мира» (*Brahmāṇḍa*) является в макроскопическом порядке.

ветствует в геометрической плоскости (как сечение сферы плоскостью по какому-то направлению) нигде не бывает реализована в телесном мире[56].

Напротив, куб — это наиболее «устоявшаяся», если так можно выразиться, из всех форма, то есть соответствующая максимуму «спецификации»; эта форма среди телесных стихий соотносится с землей, так как она конституирует «окончательный и финальный элемент» проявления в этом телесном состоянии[57]; и, таким образом, она соответствует также концу цикла проявления, тому, что мы называем «остановкой» циклического движения. Это в некотором роде исключительно «твердая» форма[58], она символизирует «стабильность», так как предполагает остановку всего движения; впрочем, это очевидно, что куб, покоящийся на одной из своих сторон, действительно есть тело, равновесие которого обладает максимумом стабильности. Важно отметить, что эта стабильность, в терминах нисходящего движения, не есть и не может быть ничем другим, кроме как только чистой и простой неподвижностью, самый близкий образ которого в телесном мире предоставляет нам минерал; эта неподвижность, если бы она могла быть реализована полностью, была бы, собственно говоря, на самой низшей точке перевернутым отображением того, что на самой высокой точке

---

[56] В качестве примера здесь можно привести движение небесных тел, не являющееся строго круговым, но эллиптическим; эллипс и гипербола конституируется как первая «спецификация» круга через удвоение центра на два полюса или «фокуса», по одному определённому диаметру, который тогда играет особую «осевую» роль в то же время, как остальные диаметры различаются друг от друга по своей длине. Добавим, кстати, по этому поводу, что планеты описывают эллипсы, в которых солнце занимает один из центров, можно было бы спросить, а чему соответствует другой центр; так как там нет ничего телесного, то там должно быть нечто, что может соответствовать лишь тонкому порядку; но здесь не место далее исследовать этот вопрос, который находится совершенно вне предмета нашего изучения.

[57] См. Fabre d'Olivet, *La Langue hebraique restituee*.

[58] Не земля как стихия просто и в чистом виде уподобляется твердому состоянию, как это некоторые ошибочно полагают; она является скорее самим принципом «твердого».

представляет собою изначальная неизменность. Так понятая неподвижность или стабильность, представленная кубом, соотносится, следовательно, с субстанциальным полюсом проявления, так же, как неизменность, в которой заключены все возможности «глобального» состояния, представленного сферой, относится к его сущностному полюсу[59][60]. Теперь мы отметим, что стороны куба можно рассматривать соответственно как ориентированные попарно по трем измерениям пространства, то есть как параллельные трем плоскостям, определёнными осями, образующими систему координат, с которой соотнесено это пространство и которая позволяет его «измерить», то есть действительно его реализовать в его полноте; поскольку, как мы объяснили в другом месте, три оси, образующие крест трёх измерений, должны рассматриваться как проводимые исходя из центра сферы, бесконечное расширение которой заполняет целиком все пространство (и три плоскости, определяемые этими осями, также необходимым образом проходят через этот центр, который является «началом» всей системы координат), то здесь устанавливается отношение, существующее между этими двумя крайними формами, сферой и кубом, отношение, в котором то, что было внутренним и центральным

[59] Вот почему сферическая форма, согласно исламской традиции, относится к «духу» (*ar-rūḥ*) или к примордиальному свету.

[60] В еврейской Каббале кубическая форма среди Сефирот соответствует Йесод, которая в действительности является основанием (и если бы в этой связи возразить, что Йесод, тем не менее, не является последней сефирой, на это следовало бы ответить, что после неё не остаётся ничего, кроме *Малкут*, т.е. окончательного синтеза, в котором все вещи приводятся к состоянию, соответствующему, на ином уровне, принципиальному единству Кетер); в тонком устройстве человеческой индивидуальности, согласно индусской традиции, данная форма соотносится с базовой чакрой, или *муладхарой*; это равным образом связано с мистериями Каабы в исламской традиции; и, в архитектурном символизме, куб есть, строго говоря, форма первого камня здания, то есть камня основания, положенного на самом низком уровне, на котором будет покоиться вся структура здания и который, таким образом, обеспечит его неизменную устойчивость.

в сфере, оказывается в некотором роде «перевернутым», чтобы образовать поверхность или внешнюю сторону куба[61].

Куб к тому же представляет землю во всех традиционных значениях этого слова, то есть не только землю, как телесную стихию, о чём мы только что говорили, но также и принцип гораздо более универсального порядка, принцип, который в дальневосточной традиции обозначается как *Ди* (земля) в соотнесении с *Тянь* (небом): сферические или круглые формы соответствуют Небу, а кубические и квадратные — Земле; так как эти два взаимодополнительные понятия эквивалентны в индусском учении пуруше и пракрити, то есть это лишь другое выражение сущности и субстанции, понятых в универсальном смысле, то здесь ещё раз мы приходим точно к тому же заключению, что и раньше; очевидно, что как сами понятия сущности и субстанции, так один и тот же символизм всегда может прилагаться к различным уровням, то есть как к принципам особенного состояния бытия, так и к принципам всего ансамбля универсального проявления. Вместе с геометрическими формами с Небом и Землей соотносятся также и инструменты, которые соответственно служат их изображению, то есть компас и угольник, равно как в дальневосточной традиции, так и в западных традициях посвящения[62]; соответствия

[61] В геометрии на плоскости это проявляется как сходные отношения при рассмотрении сторон квадрата как параллелей двух перпендикулярных диаметров круга, символизм этого отношения прямо связан с герметической традицией, обозначаемой как «квадратура круга», о которой мы далее скажем несколько слов.

[62] В некоторых символических изображениях компас и угольник держат в руках соответственно Фу-си и его сестра Нюй-ва, а в алхимических изображениях Базиля Валентина они помещены в руках мужской и женской половины Ребиса или герметического андрогина; из этого видно, что Фу-си и Нюй-ва в определённом роде аналогичны по своей роли соответственно мужскому сущностному и женскому субстанциальному принципам проявлениям.

этим формам, естественно, встречаются, в различных случаях, во многих ритуальных символических приложениях[63].

Другим случаем, где очевидно отношение этих геометрических форм, является символизм «земного Рая» и «Небесного Иерусалима», о котором мы уже имели случай говорить[64]; этот случай особенно важен с той точки зрения, на которой мы сейчас находимся, потому что речь здесь идёт как раз о двух пределах годичного цикла. При этом форма «земного Рая», соответствующая началу цикла, круговая, тогда как форма «Небесного Иерусалима», соответствующая его концу, квадратная[65]; круговая ограда «земного Рая» есть не что иное, как горизонтальный срез «Мирового Яйца», то есть универсальной и примордиальной сферической формы[66]. Можно сказать, что сам круг окончательно превращается в квадрат, потому что два конца должны соединиться или, скорее (цикл никогда реально не завершен, что предполагало бы, в противном случае, невозможность повторения), в точности соответствовать друг другу; само присутствие «Древа Жизни» в центре в обоих случаях как раз указывает

---

[63] Так, например, ритуальные одежды древних правителей в Китае должны были быть круглыми вверху и квадратными внизу; тогда правитель представлял собою образец Человека (*Жэнь*) в его космической роли, то есть третий член великой триады, осуществляющий функцию посредника между Небом и Землей и в себе соединяющий силы и того и другого.

[64] См. «Царь мира», стр. 128-130, а также «Символизм креста», гл. 9.

[65] Если ещё ближе рассмотреть соответствие, о котором мы только что говорили, то может показаться, что здесь есть инверсия в употреблении слов «небесное» и «земное», и действительно, оно здесь подходит лишь в одном определённом отношении: в начале цикла этот мир не был таким, каким он является в настоящее время, и «земной Рай» образовывал тогда видимым образом проявленную прямую проекцию собственно небесной и изначальной формы (он был в некотором роде расположен на границе между небом и землей, потому что сказано, что он соприкасался со сферой Луны, то есть с «первым небом»); в конце «Небесный Иерусалим» спускается с «неба на землю», и только в конце этого спуска он появляется в форме квадрата, потому что тогда движение цикла оказывается остановленным.

[66] Следует заметить, что этот круг разделён крестом, образованным четырьмя потоками, исходящими из центра, в точности воспроизводя фигуру, о которой мы говорили в связи с отношением между кругом и квадратом.

на то, что речь идёт, в действительности, о двух состояниях одной и той же вещи; квадрат здесь изображает исполнение возможностей цикла, которые заключались в зародыше в «органической ограде» вначале и которые таким образом стабилизировались и были зафиксированы в некотором смысле в окончательное состояние по крайней мере по отношению к самому этому циклу. Этот окончательный результат может быть также представлен как «кристаллизация», что всегда отвечает кубической форме (или квадратной в его плоскостном сечении); тогда мы имеем «город» с минеральным символизмом, тогда как вначале был «сад» с растительным символизмом; растительность представляет собою вырабатывание семян в сфере витальной ассимиляции[67]. Напомним то, что мы выше сказали о неподвижности минерала как образе конца, к которому стремится «отвердение» мира; но уместно добавить, что здесь речь идёт о минерале уже «преображенном» или «сублимированном», так как в описании «Небесного Иерусалима» фигурируют драгоценные камни; вот почему фиксация реально оказывается окончательной лишь для актуального цикла, и по ту сторону «остановки» тот же самый «Небесный Иерусалим» должен становиться, в силу цепи причин, которая не допускает никакой действительной прерывности, «Земным Раем» будущего цикла, его начало и конец предшествующего цикла представляют собою, собственно говоря, один и тот же момент, видимый с противоположных сторон[68].

Так же верно, что если рассматривать только актуальный цикл, то в конце концов настанет момент, когда «колесо перестанет вращаться», и здесь, как и всегда, символизм в совершенстве соответствует действительности: на самом деле,

---

[67] «Эзотеризм Данте», стр. 91-92.

[68] Этот момент представляется также как «переворачивание полюсов» или как день, «когда звезды взойдут на Западе и будут заходить на Востоке», так как движение вращения в зависимости от того, с какой стороны на него смотреть, кажется осуществляющимся в двух противоположных направлениях, хотя в реальности это всегда одно и то же продолжающееся движение, но с другой точки зрения, соответствующей ходу нового цикла.

колесо ведь фигура круговая, и если оно деформируется таким образом, что становится в результате квадратным, то очевидно, что оно может тогда лишь остановиться. Вот почему момент, о котором идёт речь, обнаруживается как «конец времени»; и именно тогда, согласно индусской традиции, одновременно засияют «двенадцать Солнц», так как время в действительности измеряется прохождением Солнца через двенадцать знаков зодиака, образующих годовой цикл, и раз вращение будет остановлено, то двенадцать соответствующих аспектов сплавятся, так сказать, в один, вступая, таким образом, в сущностное и примордиальное единство их общей природы, поскольку отличаются они только в своем циклическом проявлении, которое тогда будет закончено[69]. С другой стороны, замена круга эквивалентным квадратом[70] есть то, что обозначается как «квадратура круга»; те, кто заявляет, что эта проблема неразрешима, хотя они вообще игнорируют символическое значение, фактически тогда оказываются правы, поскольку эта «квадратура», понятая в своем истинном смысле, может быть реализована только в самом конце цикла[71].

Из всего этого следует, что «отвердение» мира представляется в некотором роде в двух смыслах: рассматриваемое само по себе в ходе цикла как следствие движения, нисходящего к количеству и «материальности», оно, очевидно, имеет «неблагоприятное» и даже «зловещее» значение, противоположное духовности; но с другой стороны, оно не менее необходимо для подготовки, хотя можно сказать, «негатив-

---

[69] См. «Царь мира», стр. 48: Двенадцать знаков зодиака, вместо того, чтобы располагаться по кругу, становятся двенадцатью воротами «Небесного Иерусалима», расположенными по три с каждой стороны квадрата, а «двенадцать Солнц» появляются в центре «города» как двенадцать плодов «Древа Жизни».

[70] То есть той же площади, если смотреть с количественной точки зрения но это совершенно внешнее выражение того, о чём в действительности идёт речь.

[71] Соответствующая числовая формула это формула мифагорейского тетраксиса: 1 + 2 + 3 + 4 = 10; если числа берутся в обратном порядке, мы получаем пропорцию четырёх йуг, сумма которых — десять, то есть полный и завершённый цикл.

ным» способом, окончательной фиксации результатов цикла в форме «Небесного Иерусалима», где эти результаты тотчас же станут семенами возможностей будущего цикла. Однако, само собою разумеется, что в самой этой окончательной фиксации и для того, чтобы она поистине была восстановлением «примордиального состояния», необходимо непосредственное вмешательство трансцендентного принципа, без чего ничто не может быть спасено, и «космос» просто-напросто испарился бы в «хаосе»; именно это вмешательство производит конечное «возвращение», уже изображаемое «трансмутацией» минералов в «Небесном Иерусалиме» и затем ведущее к новому появлению «земного Рая» в видимом мире, где отныне будут «и новые небеса, и новая земля», потому что это будет начало другой манвантары и бытия другого человечества.

Глава XXI. Каин и Авель[A]

«Отвердение» мира имеет ещё и другие следствия в человеческом и социальном порядке, о которых мы до сих пор не говорили: в этом отношении оно порождает такое состояние вещей, в котором все сосчитано, зарегистрировано и регламентировано, что, впрочем, по существу, есть лишь другая сторона «механизации» весьма легко повсюду констатировать в наше время симптоматические факты, такие, как, например, манию переписи населения (которая, впрочем, тесно связана со значением, придаваемым статистике)[72] и, вообще говоря, нескончаемое множество административных вмешательств во все обстоятельства жизни, вмешательств, которые, естественно, должны обеспечивать возможно более полное единообразие между индивидами, тем более что это в некотором роде «принцип» всей современной администрации — трактовать этих индивидов как простые, совершенно сходные между собою нумерические единицы, то есть действовать так, как если бы, согласно гипотезе, «идеальное» единообразие уже было реализовано, и та-

[A] Эта работа была опубликована в журнале «Вуаль Исиды» в номере за январь 1932.

[72] Многое можно было бы сказать о запретах на перепись и пересчет населения, за исключением нескольких исключительных случаев, сформулированных в некоторых традициях; если бы сказали, что эти операции и все им подобные, касающиеся так называемого «гражданского состояния», вносят свой вклад, помимо прочих неудобств, в сокращение длительности человеческой жизни (что, впрочем, соответствует самому ходу цикла, в особенности, в его последние периоды), то несомненно, этому бы не поверили, и тем не менее, в некоторых странах самые невежественные крестьяне очень хорошо знают как факт повседневного опыта, что если слишком часто считать животных, они дохнут гораздо чаще, чем когда от этого воздерживаются; очевидно, что в глазах так называемых «просвещенных» современных людей это можно рассматривать лишь как «предрассудки».

ким образом принудить всех людей подчиниться, если можно так сказать, одной и той же «средней» мере. С другой стороны, эта все более и более расширяющаяся регламентация, оказывается, имеет весьма парадоксальное следствие: хвалятся растущими скоростью и легкостью коммуникаций между самыми далёкими странами благодаря изобретениям современной промышленности, но в то же самое время ставят всевозможные препятствия для свободы этих коммуникаций, так, что практически часто невозможно попасть из одной страны в другую, во всяком случае это стало гораздо труднее, чем было во времена, когда не существовало никаких механических транспортных средств. И в этом заключается ещё один аспект «отвердения»: в таком мире больше нет места для кочующих народов, которые до этого времени ещё существовали в различных условиях, так как они малопомалу перестали находить для себя какое-либо свободное пространство, к тому же всеми средствами их стараются привести к оседлой жизни[73], так что и в этом отношении момент, когда «колесо перестанет крутиться», не слишком далек; сверх того, в этой оседлой жизни города, которые в некотором роде представляют собою последнюю степень «фиксации», приобретают преобладающее значение и все больше и больше стремятся все поглотить[74]; таким образом, к концу цикла Каин поистине закончит убивать Авеля.

Действительно, в библейском символизме Каин прежде всего представлен как земледелец, а Авель как пастух, и таким образом, они являются двумя типами народов, которые существовали от начала современного человечества или, по крайней мере, с тех пор, когда произошла первая дифференциация: оседлые посвятили себя возделыванию земли, коче-

[73] Как наиболее значительные примеры здесь можно называть «сионистские» проекты, касающиеся евреев, а также недавние попытки закрепить цыган в некоторых странах Восточной Европы.

[74] Впрочем здесь следует напомнить, что «Небесный Иерусалим» символически сам есть «город», что позволяет ещё и в этом увидеть двойной смысл «отвердения», о чём мы говорили выше.

вые — взращиванию стад[75]; можно утверждать, что в этом состоят основные и примордиальные занятия этих двух человеческих типов; основные и первоначальные знания были лишь случайными, производными или дополнительными, и говорить об охотнических народах или о народах рыбаков, например, как это делают этнологи, означает принимать случайное за существенное или же иметь дело исключительно с более или менее поздними случаями аномалии и вырождения, как это действительно можно встретить среди диких народов (в первую очередь, промышленные и торговые народы современного Запада являются не в меньшей степени анормальными, хотя другим образом)[76]. Каждая из этих двух категорий, естественно, имела свой собственный традиционный закон, отличный от другого и приспособленный к его образу жизни и к роду его занятий; конкретно это различие проявлялось в священных ритуалах, откуда специальное упоминание о растительных жертвах Каина и животных жертвах Авеля в повествовании Книги Бытия[77]. По-

[75] Можно было бы добавить, что раз Каин назван старшим, то тем самым земледелие, как представляется, предшествует; и действительно, сам Адам по «падению» изображается выполняющим функцию «возделывателя сада», что, собственно говоря, относится к доминированию растительного символизма в образах начала цикла (откуда символическое и даже инициатическое «земледелие», то самое, которому Сатурн у латинян, как утверждают, обучал людей в «золотом веке»); но как бы то ни было, мы здесь будем рассматривать только символизированное через оппозицию Каина и Авеля (которая одновременно состоит из взаимодополнительных сторон) состояние, то есть состояние или разделение народов на земледельческие и пастушеские, которое уже свершилось.

[76] Наименования Иран и Туран, которое пытались понять как обозначение рас, на самом деле представляет собою оседлые и кочевые народы; Иран или *Airyana* происходит от слова *arya* (откуда *ārya* через удлинение гласной), которое означает «трудящийся» (*laboureur*, производное от корня *ar*, который нас ведёт к латинскому *arare*, *arator*, а также *arvum*, «поле»); и использование слова *ārya* как почетного наименования (для высших каст) является, следовательно, характерным для земледельческих народов.

[77] Об особой важности жертвы и ритуалов, придаваемой им в различных традиционных формах, см. Фритьоф Шуон, *Du Sacrifice*, в ревю: «Исследования Традиции», № апрель, 1938, и А. К. Кумарасвами, *Ātmayajña: Self-sacrifice*, в: *Harvard Journal of Asiatic Studies*, № de февраль, 1942.

сколько мы напомнили здесь специально о библейском символизме, то неплохо тут же отметить по этому поводу, что еврейская «Тора» относится, собственно, к типу закона кочевых народов: отсюда и тот способ, которым представлена история Каина и Авеля, которая с точки зрения оседлых народов выглядела бы в совершенно ином свете и имела бы иную интерпретацию; разумеется, соответствующие аспекты этих двух точек зрения заключены один в другом в своем глубинном смысле, но в общем, это лишь приложение двойного смысла символов, приложение, о котором мы отчасти уже упоминали в связи с «отвержением», поскольку этот вопрос, как мы это, может быть, ещё лучше увидим далее, тесно связан с символизмом убийства Авеля Каином. От особого характера еврейской традиции происходит также осуждение, с которым в ней относятся к некоторым искусствам и ремёслам, которые соответствуют, собственно говоря, оседлым народам, а именно всему тому, что относится к строительству постоянных жилищ; по крайней мере, так действительно было до того времени, когда Израиль перестал быть кочевым народом, по меньшей мере, многие века, то есть до времен Давида и Соломона; известно, что для строительства Храма в Иерусалиме ещё надо было вызывать иностранных рабочих[78].

Естественно, что земледельческие народы, именно в силу того, что они оседлые, рано или поздно приходят к созданию городов; и действительно, сказано, что первый город был основан самим Каином; это основание, однако, мы находим гораздо позже, чем было сделано упоминание о его земледельческих занятиях; это хорошо показывает, что здесь были как бы две последовательные фазы в «оседлости», по отношению к первой вторая представляла более подчеркнутую степень фиксации и пространственного «сжатия». Вообще, труды оседлых народов, можно сказать, это

[78] Закрепление еврейского народа, впрочем, зависело, по существу, от самого существования Храма в Иерусалиме; как только храм был разрушен, кочевничество вновь появилось в особой форме «рассеяния».

труды времени: фиксированные в пространстве, в строго ограниченной области, они развивают свою деятельность во временном континууме, который представляется им бесконечным. Напротив, кочевые и пастушеские народы не создают ничего длительного и не работают ради будущего, которое от них ускользает; но они имеют перед собой пространство, не выдвигающее перед ними никакого ограничения, но напротив, открывающее им постоянно новые возможности. Таким образом, обнаруживается соответствие космическим принципам, с которыми соотносится — в ином порядке — символизм Каина и Авеля: принцип сжатия, представленный временем; принцип расширения, представленный пространством[79]. На самом деле, и тот и другой принципы проявляются сразу и во времени, и в пространстве, как и во всех вещах, что необходимо отметить, чтобы избежать слишком «упрощенческих» уподоблений или отождествлений; но не менее верно, что действие первого преобладает во временных условиях, а второго — в пространственных. Однако время изнашивает, если можно так сказать, пространство, утверждаясь в своей роли «пожирателя» а также в ходе веков оседлые народы мало-помалу поглощают кочевые: в этом, как мы уже указывали выше, социальный и исторический смысл убийства Авеля Каином.

Деятельность кочевников осуществляется специальным образом в животном мире, мобильном как и они; напротив, именно у оседлых в качестве непосредственного объекта принимаются фиксированные растительный и минеральный миры[80]. С другой стороны, силою вещей оседлые приходят к созданию визуальных символов, образов, сделанных из различных субстанций, с точки зрения их сущностного

---

[79] Об этом космологическом значении см. работы Fabre d'Olivet.

[80] Использование минералов включает в себя именно строительство и металлургию; к последней мы ещё вернёмся, её библейский символизм возводит к Тувалкаину, то есть к прямому потомку Каина, имя которого даже оказывается одним из элементов его имени, что указывает на существующее между ними особо тесное отношение.

значения всегда более или менее непосредственно сводимых к геометрическому схематизму, истоку и основанию любого пространственного образования. Кочевники, для которых образы, как и все, что стремится привязать их к определённому месту, запрещены, напротив, создают звучащие символы, единственно совместимые с их состоянием постоянной миграции[81]. Но что замечательно, среди чувственных способностей, зрение имеет отношение к пространству, а слух — ко времени: элементы визуального символа выражаются в одновременности, в этом порядке происходит нечто вроде переворачивания отношений, которые мы выше рассматривали, переворачивания, которое, однако, необходимо для установления определённого равновесия между двумя противоположными принципами, о которых мы говорили, и для поддержания соответствующих действий в границах, совместимых с нормальным человеческим бытием. Таким образом, оседлые создают пластические искусства (архитектуру, скульптуру, живопись), то есть искусство форм, которое разворачивается в пространстве; кочевники создают искусства фонетические (музыку, поэзию), то есть искусство форм, которое развертывается во времени, так как, ещё раз повторим по этому поводу, всякое искусство по своему происхождению, в сущности, символично и ритуально, и лишь из-за позднейшего вырождения, на самом деле весьма недавнего, оно утратило этот священный характер, чтобы в конце концов стать чисто профанной «игрой», к которой оно сводится у наших современников[82].

---

[81] Различие этих двух основных категорий символов существует в индусской традиции как различные янтра, символ изобразительный, и мантра, символ звуковой; оно, естественно, влечёт за собою соответствующее различие в ритуалах, в которых соответственно используются эти элементы, хотя там никогда нет такого четкого разделения, какое мы рассматриваем теоретически, и в действительности, возможны все комбинации в разных пропорциях.

[82] Вряд ли нужно здесь отмечать, что во всех представленных случаях четко проявляется коррелятивный и, в определённом смысле, симметричный характер двух — пространственного и временного — условий, рассмотренных в их качественном аспекте.

Вот, следовательно, в чём проявляется дополнительность условий бытия: те, кто работает для времени, стабилизированы в пространстве; те, кто бродит в пространстве, без конца изменяются во времени. Вот откуда появляется антиномия «обратного смысла»: те, кто живет согласно времени, изменяющемуся и разрушительному началу, фиксируются и сохраняются; те, кто живет согласно пространству, началу фиксированному и постоянному, рассеиваются и непрестанно меняются. И нужно, чтобы было так, для того чтобы бытие и тех и других было возможным при равновесии, по крайней мере, относительном, которое устанавливается между пределами, представляющими две противоположные тенденции; если бы только одна из этих тенденций — сжатия и расширения — была задействована, то тотчас же настал бы конец либо через «кристаллизацию», либо через «улетучивание», если позволено использовать в этой связи символические выражения, которые должны вызывать в памяти алхимические «коагуляцию» и «растворение» и которые, к тому же, действительно соответствуют двум фазам в современном мире, значение которых мы ещё будем уточнять впоследствии[83]. Действительно, здесь мы оказываемся в области, где с особой чёткостью утверждаются все последствия космических двойственностей, таких, как сущность и субстанция, Небо и Земля, пуруша и пракрити, которые порождают и правят всем проявлением.

Возвращаясь к библейскому символизму, мы видим, что животная жертва фатальна для Авеля[84], а растительные

---

[83] Вот почему кочевничество в своем «пагубном» и отклоняющемся аспекте легко осуществляет «растворяющее» действие на всё то, с чем оно вступает в контакт; со своей стороны, оседлость в том же аспекте может приводить, лишь к наиболее грубым формам безысходного материализма.

[84] Как Авель проливал кровь животных, так Каин пролил крепь Авеля; в этом как бы выражение «закона компенсации», в силу которого частичные нарушения равновесия, в чём и состоит всякое проявление, интегрируются во всеобщее равновесие.

дары Каина не были приняты[85]; тот, кого благословили, умер, тот, который живет, проклят. Равновесие, следовательно, и с той и с другой стороны нарушено; как иначе его восстановить, если не через обмен продукцией, которой каждый располагает? Таким образом, движение соединяет время и пространство, будучи в некотором роде результирующей от их сочетания, и примиряет в них обе противоположные тенденции, о которых только что шла речь[86]; и само движение также есть лишь серия нарушений равновесия, но их сумма образует относительное равновесие, соответствующее закону проявления или «становления», то есть самому случайному бытию. Всякий обмен между существами, подчинённый временному и пространственному условиям, в общем есть движение или, скорее, ансамбль двух встречных и взаимных движений, которые гармонизируют и компенсируют друг друга; здесь равновесие реализуется, следовательно, непосредственно самим фактом этой компенса-

[85] Важно отметить, что еврейская Библия признает, тем не менее, важность бескровной жертвы, уважаемой сама по себе: таков случай жертвы Мельхиседека, состоявшей в растительном подношении, по сути, хлеба и вина; но на самом деле это относится к ведийскому ритуалу Сомы и к непосредственному воспроизведению «примордиальной традиции» вне специальной формы еврейской и «авраамовой» традиции, и даже гораздо ранее, вне разделения законов оседлых и кочевых народов; это ещё раз нам напоминает о связи растительного символизма с «Земным Раем», то есть с «примордиальным состоянием» нашего человечества. Принятие жертвы Авеля и отвержение жертвы Каина иногда изображается в довольно любопытной символической форме: дым от первой жертвы вертикально поднимается к небу, тогда как от второй растилается горизонтально по земле; таким образом, соответственно очерчиваются вершина и основание треугольника, представляющего область человеческого проявления.

[86] Обе эти тенденции к тому же проявляются также и в самом движении в соответствующих формах центростремительного и центробежного движения.

ции[87]. Альтернативное движение обменов может относиться к трем областям: духовной (или чисто интеллектуальной), психической и телесной; в соответствии с «тремя мирами», обмен принципов, символов и даров и есть то тройное основание в истинной традиционной истории земного человечества, на котором покоится мистерия договоров, союзов и благословений, то есть это в нашем мире есть, по существу, распределение «духовных влияний» в действии; но мы не можем больше останавливаться на этих последних замечаниях, очевидно, относящихся к нормальному состоянию, от которого мы сегодня слишком далеки во всех отношениях и безусловным отрицанием которого, собственно говоря, и является современный мир как таковой[88].

[87] Равновесие, гармония, справедливость на самом деле есть только три формы одной и той же вещи; можно было бы найти их соответствие, в определённом смысле, трем областям, о которых мы говорим дальше; разумеется, при условии ограничения справедливости её самым непосредственным смыслом, простая «честность» в торговых взаимодействиях представляет собою уменьшенное и вырожденное выражение этого в виду сведения всех вещей к профанной точке зрения и к узкой банальности «обычной жизни».

[88] Вмешательство духовного авторитета в то, что касается денег, в традиционных цивилизациях непосредственно связано с только что сказанным; деньги есть в определённом смысле само представление об обмене, что позволяет более ясно понять, какова была в действительности роль символов, которые они на себе несли и которые вместе с ними обращались таким образом, придавая обмену совершенно иное значение, нежели предполагаемая в нём «простая материальность» или же всё то, что осталось в отношениях между народами и между индивидами в тех профанных условиях, которые царят в современном мире.

Глава XXII. Значение металлургии

Мы сказали, что искусства и ремёсла, которые предполагают осуществление деятельности в царстве минералов, свойственны, собственно говоря, оседлым народам, и что как таковые они были запрещены традиционным законом кочевых народов, наиболее общеизвестный пример которого представляет еврейский закон; действительно, очевидно, что эти искусства непосредственно ведут к «отвердению», которое в телесном мире предстаёт перед нами в наиболее резко очерченной степени в минерале. Притом этот минерал предстаёт в самой общей форме, как камень, служащий прежде всего для строительства постоянных зданий[89]; в особенности город, как составляющий его ансамбль зданий, представляется в некотором роде искусственной агломерацией минералов; и, как мы уже сказали, жизнь в городах соответствует ещё большей степени оседлости, чем земледельческая жизнь, так же, как минерал более фиксирован и более «прочен», чем растение. Но есть ещё нечто другое; искусства, объектом которых является минерал, включает также и металлургию во всех её формах; однако, если обратить внимание на то, что в наше время металл стремится все больше и больше заменить собою в строительстве камень, как некогда камень заменил дерево, то есть искушение думать, что это, должно быть, характерный симптом более «продвинутой» фазы нисходящего хода цикла; и вообще это подтверждается тем фактом, что металл играет все возрас-

[89] Известно, что у многих народов в самые древние времена строительство было из дерева, но очевидно, что такие здания не были ни столь долговременными, ни, следовательно, такими постоянными, как здания из камня; использование минерала в строительстве предполагает, таким образом, большую степень «прочности» во всех смыслах этого слова.

тающую роль в современной «индустриализованной» и «механизированной» цивилизации, и это так же верно с деструктивной, если можно так сказать, точки зрения, как и с конструктивной, так как потребление металла в ходе современных войн поистине невероятно.

Это замечание к тому же согласуется и с той особенностью, о которой рассказывается в еврейской традиции: в самом начале, когда использование камней было разрешено в некоторых случаях, таких, как строительство алтаря, тем не менее уточнялось, что эти камни должны быть «цельными» и «не тронутыми железом»[90]; согласно определениям этих строк, в меньшей степени настаивается здесь на факте запрета обрабатывать камень, чем применять металл; следовательно, запрет, касающийся металла, был более строгим, в особенности для всего того, что было специально предназначено для ритуального использования[91]. Следы этого запрета можно ещё наблюдать, когда Израиль перестал быть кочевым и строил или заказывал строить постоянные здания: когда строился Храм в Иерусалиме, «на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его»[92]. В этом, однако, нет ничего исключительного, и в этом смысле можно было бы найти множество соответствующих свидетельств: так, во многих странах существовало и ещё даже существует нечто вроде частичного исключения из общины или, по крайней мере, «от-

[90] Второзаконие, гл. 27, 5, б: «Устрой там жертвенник Господу Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа; из камней цельных устрой жертвенник Господа Бога твоего…».

[91] Отсюда также настоятельное требование использовать каменные ножи при обрезании.

[92] 3Цар. 6:7. В Иерусалимском храме находилось большое количество металлических предметов, но их использование связано с другим аспектом символизма металлов, который, как мы скажем позже, действительно имеет двойственную природу; также кажется, что запрет в конечном итоге оказался в некотором смысле «локализованным» главным образом на использовании железа, которое, из всех металлов, играет наиболее важную роль в современную эпоху.

странения» по отношению к рабочим, имеющим дело с металлом, в особенности, кузнецам, ремесло которых к тому же часто ассоциировалось с практикой худшей и опасной магии, вырождающейся в большинстве случаев в конце концов в простое колдовство. Однако с другой стороны, металлургия в некоторых традиционных формах была, напротив, особенно почитаема и даже служила основанием для очень значительных тайных организаций; мы ограничимся упоминанием в этом отношении примера мистерий Кабиров, не имея, впрочем, здесь возможности останавливаться на этом предмете, очень сложном и слишком далеко уводящем; сейчас следует отметить, что металлургия имеет одновременно и «священный» аспект и «внешний», и по сути, оба аспекта происходят от двойного символизма, присущего самим металлам.

Чтобы понять это, надо прежде всего вспомнить, что металлы, в виду их соответствия звездам, суть в некотором смысле «планеты низшего мира» таким образом, естественно, они должны иметь, как и сами планеты, от которых они получают и, так сказать, конденсируют влияния в земной среде, и «благоприятный», и «неблагоприятный» аспекты[93]. Более того, поскольку вообще речь идёт об отражении в низшем плане, который очень ясно представляют металлургические шахты внутри земли, «неблагоприятная» сторона легко должна была превратиться в преобладающую; не следует забывать, что с традиционной точки зрения металлы и металлургия находятся в прямом отношении с «подземным огнем», идея которого во многих отношениях ассоции-

[93] В зороастрийской традиции планеты, кажется, рассматриваются исключительно как «неблагоприятные» это может быть следствием особой точки зрения в этой традиции; впрочем, то, что сегодня осталось от нее, представляет собою лишь смешанные фрагменты, чтобы можно было выносить точные суждения по этому вопросу.

руется с огнем «инфернального мира»[94]. Разумеется, влияния металлов, если их принимать с «благоприятной» стороны, используя их поистине «ритуальным» способом в самом полном смысле этого слова, должны быть подтверждены «трансмутацией» и «сублимацией», и они могут даже тогда стать с большим успехом духовной «опорой» (из всего того, что есть на самом низшем уровне), соответствующей тому, что, по аналогии, существует на самом высшем уровне; весь символизм минералов в алхимии, так же, как и в древних инициациях Кабиров, в конечном счёте основан на этом[95]. Напротив, когда речь идёт только о профанном использовании металлов, и учитывая, что сама профанная точка зрения имеет своим необходимым следствием разрыв всякой связи с высшими принципами, то уже больше нет почти никакой другой стороны, кроме «неблагоприятной» в соответствующих влияниях, которые действительно могут осуществляться и которые будут развертываться тем в большей степени, чем они будут оказываться изолированными от всего того, что могло бы их ограничить и уравновесить; именно это исключительно профанное использование, оче-

[94] Что касается этого отношения к «подземному огню», то явное сходство имён Вулкан и Тувалкаин из Библии представляется особенно значимым; оба к тому же представлены как кузнецы; а по поводу кузнецов мы добавим, что эта ассоциация с «инфернальным миром» достаточно хорошо объясняет то, что мы говорили выше о «зловещей» стороне их профессии. Кабиры, с другой стороны, также будучи кузнецами, имели и земной, и небесный аспекты, что ставило их в отношение и к металлам и к соответствующим планетам.

[95] Следует сказать, что, собственно говоря, алхимия остановилась на «промежуточном мире» и придерживается точки зрения, которую можно назвать «космологической» но её символизм, тем не менее, может быть подвергнут преобразованию, придающему ему ценность поистине духовную и связанную с посвящением.

видно, и реализуется в современном мире во всей своей полноте[96].

До сих пор мы занимали точку зрения «отвердения» мира, которая, собственно, ведёт к «царству количества», одним из аспектов которого является современное использование металлов; эта точка зрения самым явным образом обнаруживалась во всех вещах вплоть до того момента, до которого мир дошел в настоящее время. Но все может идти и дальше, и металлы, в виду тонкого влияния, связанного с ними, могут играть свою роль в последующей фазе, более непосредственно ведущей к окончательному распаду; конечно, эти тонкие влияния на протяжении хода всего периода, который можно назвать материалистическим, в некотором роде перешли в латентное состояние, как и всё то, что находится вне чисто телесного порядка; но это не означает, что они перестали существовать или что они полностью перестали действовать, хотя и скрытым образом, «сатанинская» сторона которого, существующая в самой «машинности», в её деструктивных применениях в особенности (но не только), вообще есть лишь проявление, хотя материалисты не способны ничего подобного и предположить. Следовательно, эти самые влияния могут лишь ожидать благоприятного случая, чтобы утвердить своё действие более открыто, и естественно, всегда в том же самом «неблагоприятном» смысле, потому что для влияний «благоприятного» порядка этот мир, так сказать, закрыт профанной установкой современного человечества; однако этот случай может представиться в очень недалёком времени, так как растущая во всех областях нестабильность хорошо показывает, что уровень,

[96] Случай с деньгами, как они существуют сегодня, может здесь служить характерным примером: лишённые всего того, что могло в традиционных цивилизациях превращать их как бы в посредников «духовных влияний», они не только сведены к тому, чтобы быть простыми «материальными» и количественными знаками, но уже не могут играть иную, кроме как пагубную и «сатанинскую» роль, которую слишком легко констатировать в наше время.

соответствующий наибольшему действительному преобладанию «твердости» и «материальности», уже превзойден.

Может быть, будет понятнее то, что мы сейчас сказали, если обратят внимание на то, что металлы, согласно традиционному символизму, находятся в отношении не только к «подземному огню», как мы уже указывали, но ещё и к «тайным сокровищам» впрочем, всё это достаточно тесно соединено по причинам, о которых мы в данный момент никак не можем распространяться, но которые как раз могут помочь объяснению того способа, которым человеческие вмешательства способны провоцировать или, говоря более точно, «приводить в действие» некоторые естественные катаклизмы. Как бы то ни было, но все «легенды» (говоря современным языком), которые сообщают о «сокровищах», ясно показывают, что их «хранители», то есть именно связанные с ними тонкие влияния, суть психические «сущности», к которым очень опасно приближаться, не имея требуемых «квалификаций» и не принимая желательных предосторожностей; но на самом деле, какие же предосторожности могли бы принять современные люди в этом отношении, если они полностью в этих вещах невежественны? Совершенно очевидно, что они лишены всякой «квалификации», так же, как и всякого средства деятельности в этой области, которая ускользает от них вследствие установки принятой ими по отношению ко всем этим вещам; правда, они постоянно хвалятся, что «укротили силы природы», но, конечно, очень далеки от того, чтобы предположить, что за этими самыми силами, которые они рассматривают исключительно в телесном смысле, есть нечто иного порядка, внешней видимостью и проводником чего они реально являются; и это однажды сможет восстать и в конце концов повернуться против тех, кто их недооценивает.

В связи с этим мы добавим попутно другое замечание, которое может показаться странным и любопытным, но к которому мы будем иметь случай вернуться впоследствии: «хранители тайных сокровищ», которые являются в то же са-

мое время кузнецами, работающими в «подземном огне», в «легендах» изображаются одновременно, согласно обстоятельствам, то гигантами, то карликами. Нечто похожее было и у Кабиров, что указывает на то, что весь этот символизм ещё доступен практике, относящейся к высшему порядку; но если мы остаемся на этой точке зрения, на которой, в виду самих условий нашей эпохи, мы должны в настоящее время оставаться, можно увидеть в этом лишь в некотором роде «инфернальный» лик, то есть, что в этих условиях, имеется лишь выражение влияний, принадлежащих к низшей и «теневой» стороне того, что можно назвать «космическим психизмом» и как мы это ещё лучше увидим в ходе нашего исследования, это действительно суть те влияния, которые в своих различных формах сегодня угрожают «прочности» мира. Чтобы завершить это рассмотрение, мы отметим ещё, как относящееся, очевидно, к «неблагоприятной» стороне влияния металлов, часто встречающееся запрещение носить при себе металлические объекты при выполнении некоторых ритуалов, будь то эзотерические ритуалы[97], или же собственно ритуалы посвящения[98]. Несомненно, все предписания этого рода имели прежде всего символический характер, и как раз это и составляло их глубокую ценность; но следует учитывать, что истинный традиционный символизм (который не следует смешивать с подделками и ложными интерпретациями, к которым современные люди иногда

[97] А именно, такой запрет существует, по крайней мере в принципе, в исламских ритуалах паломничества, хотя фактически, сегодня они строго не соблюдаются; более того, те, кто полностью исполнил эти ритуалы, включая то, что составляет их самую «внутреннюю» сторону, должны с этого времени воздерживаться от всякой работы, в которой участвует огонь, что как раз исключает работу кузнецов и других металлургов.

[98] В западных инициациях в ритуальном приготовлении посвящаемого это выражается в том, что обозначается как «отказ от металлов». Можно сказать, что в подобном случае металлы, помимо того, что действительно могут вредить передаче «духовных влияний», признаются представителями того, что еврейская Каббала называет «скорлупами» или «оболочками» (*qlippoth*), то есть самого низшего в тонкой сфере, составляющего, если так можно выразиться, инфра-телесное «дно» нашего мира.

противозаконно прилагают то же имя)[99] имеет всегда действенное значение и что его ритуальные приложения, в частности, оказывают совершенно реальное воздействие, хотя узко ограниченные способности современного человека вообще не могут его воспринимать. Речь здесь вовсе не идёт о смутных, «идеальных» вещах; но как раз наоборот, о вещах, реальность которых проявляется иногда самым «осязаемым» образом; если бы это было иначе, то как можно было бы объяснить тот факт, например, что есть люди, которые в определённых духовных состояниях не могут переносить ни малейшего контакта, даже опосредованного, с металлами, даже тогда, когда этот контакт осуществляется без их ведома и в условиях, в которых они не могли бы это заметить своими телесными чувствами, что совершенно исключает психическое и «упрощенческое» объяснение через «самовнушение»?[100] Если мы добавим, что этот контакт может в подобном случае привести внешним образом к тому, что вызывает физиологические эффекты настоящего ожога, то современным людям следовало бы дать себе труд поразмышлять об этих фактах, если они ещё на это способны; но профанная и материалистическая установка и предубеждение, которое из этого следует, погружают их в неизлечимое ослепление. — Тем не менее Храм в Иерусалиме содержал большое число металлических объектов, но их употребление относилось к другому аспекту символизма металлов, которое оказывается на самом деле двойственным, как мы только что видели; представляется, впрочем, что запрет был в некотором роде в конце концов «локализован» именно на использовании железа, которое как раз из всех металлов в современную эпоху играет самую важную роль.

---

[99] Так, профанные «историки религии» в первой половине XIX века изобрели нечто, чему они дали имя «символический» и что было системой интерпретаций, имеющей к истинному символизму крайне отдалённое отношение; что касается чисто «литературного» злоупотребления словом «символизм», то очевидно, что об этом и говорить не стоит.

[100] Здесь мы можем привести в качестве известного примера случай Шри Рамакришны.

Глава XXIII. Время, превращающееся в пространство

Как мы говорили раньше, время в некотором смысле истощает пространство через воздействие силы сжатия, которую оно представляет и которая стремится все больше и больше сократить пространственное расширение, которому она противостоит; но в этом действии против антагонистического принципа само время разворачивается со все возрастающей скоростью, так как, отнюдь не являясь гомогенным, как это полагают те, кто рассматривает его только с количественной точки зрения, оно, напротив, является «качественным» в каждый момент различным образом из-за циклических условий проявления, которому принадлежит. Это ускорение стало явным в нашу эпоху, как никогда раньше, потому что оно осуществляется в последние периоды цикла, но в действительности оно существует постоянно от начала до конца цикла; можно было бы сказать, что время сжимает не только пространство, но оно прогрессивно сжимает также самого себя; это сжатие выражается в убывающей пропорции четырёх юг со всем тем, что она заключает в себе, в том числе соответственное уменьшение длительности человеческой жизни. Иногда говорят, несомненно не понимая истинной причины, что современные люди живут с большей скоростью, чем раньше, и это буквально верно; характерная спешка, которую привносят современные люди во все, есть, однако, лишь следствие от того впечатления, которое они смутно испытывают.

В своей крайней степени сжатие времени дошло бы до окончательного сведения его к единственному мгновению, и тогда длительность поистине перестала бы существовать, так как очевидно, что в мгновении больше не может быть

никакой последовательности. Таким образом, «время-пожиратель закончило бы тем, что поглотило бы самого себя», так что к «концу мира», то есть к самому пределу циклического проявления, «времени больше не было бы» вот почему также говорят, что «смерть умрёт последней», так как там, где больше нет никакой последовательности, более невозможна и смерть[101]. Как только последовательность остановлена или, в символических терминах, «колесо перестало вращаться», так все, что существует, может существовать лишь в абсолютной одновременности; последовательность некоторым образом оказывается превращенной в одновременность, что можно также выразить, сказав, что «время превратилось в пространство»[102]. Таким образом, «переворачивание» осуществляется в конечном счёте против времени и в пользу пространства: в тот самый момент, когда время окончательно поглотило пространство, оказывается все наоборот, пространство вбирает в себя время; и в этом состоит, можно сказать, ссылаясь на космологический смысл библейского символизма, окончательный реванш Авеля над Каином.

Нечто вроде «предвосхищения» этого поглощения времени пространством, конечно же, совершенно не осознанное его авторами, встречается в недавних физико-математических теориях, которые трактуют «пространственно-временной» комплекс как составляющий единый и неделимый ан-

---

[101] Поскольку Яма обозначается в индусской традиции вместе с тем и как «первая смерть», и поскольку он ассимилируется с самой смертью (*Mṛtyu*), или, если предпочитают использовать язык исламской традиции, с «ангелом смерти», постольку ясно, что здесь, как и во многих других отношениях, «первое» и «последнее» соединяются и отождествляются, в некотором роде, в соответствии двух концов цикла.

[102] Вагнер писал в «Парсифале»: «Здесь время превращается в пространство», в связи с Монтсальват, который представляет собою «центр мира» (мы вернёмся к этому немного позже); впрочем, маловероятно, чтобы он на самом деле понимал глубинный смысл этого, так как он вряд ли заслуживает репутации «эзотериста», которую некоторые ему приписывают; все реально эзотерическое в его произведениях принадлежит, собственно, используемым им «легендам», смысл которых он слишком часто искажал.

самбль; впрочем, часто этим теориям дают неточную интерпретацию, говоря, что они рассматривают время как «четвёртое измерение» пространства. Правильнее было бы сказать, что рассматривают время как уподобляемое «четвёртому измерению» в том смысле, что в уравнениях движения оно играет роль четвёртой координаты, добавляемой к трем координатам, представляющим три измерения пространства; впрочем, неплохо было бы отметить, что это соответствует геометрическому представлению времени в форме прямой линии, недостаточность которого мы отмечали выше, но иначе и быть не может по причине чисто количественного характера теорий, о которых идёт речь. Но то, что мы только что сказали, очищая до некоторой степени «вульгаризованную» интерпретацию, остаётся все ещё неточным: в реальности, то, что играет роль четвёртой координаты, есть не время, а то, что профанные математики называют «мнимым временем»[103]; и это выражение, которое само является особенностью языка, производного от использования совершенно «конвенциальной» нотации, принимает здесь достаточно неожиданное значение. Действительно, сказать, что время должно стать «мнимым», чтобы его можно было бы уподобить «четвёртому измерению» пространства — это, по существу, не что иное, как сказать, что нужно, чтобы оно перестало как таковое существовать реально, то есть что превращение времени в пространство, собственно говоря, реализуемо лишь в «конце мира»[104].

Из этого можно было бы сделать вывод, что совершенно бесполезно искать то, что может быть «четвертым измерением» пространства в условиях современного мира, что, по крайней мере, положило бы конец всем разглагольствовани-

---

[103] Иными словами, если три координаты пространства есть X, Y, Z, то четвёртая координата это не t, означающая время, а выражение t на корень квадратный из -1, не выражающее ничего.

[104] Следует заметить, что если очень часто говорят о «конце мира» как о конце «времени», то о нём никогда не говорят как о «конце пространства» это наблюдение, которое может показаться незначительным для тех, кто видит лишь поверхность вещей, на самом деле очень важно.

ям «неоспиритуалистов», о которых мы выше сказали уже несколько слов; не следует ли также из этого заключать, что поглощение времени пространством должно действительно пониматься как присоединение к нему дополнительного измерения, или же это только лишь «способ выражения»? По этому поводу можно сказать лишь то, что раз тенденция пространства к расширению больше не ограничивается и не подавляется тенденцией времени к сжатию, то пространство, естественно, должно тем или иным образом подвергнуться расширению, поднимающему в некотором роде свою бесконечность до высшей мощности[105]; но само собою разумеется, что речь идёт о чём-то таком, что не могло бы быть представлено каким-либо образом, заимствованным из телесной сферы. Действительно, если время есть одно из определяющих условий телесного бытия, то очевидно, что как только оно устраняется, мы оказываемся вне этого мира; в том, что мы называли в другом месте внетелесным «продолжением» того же самого индивидуального бытия, простую модальность которого представляет телесный мир; впрочем, это показывает, что конец телесного мира никоим образом не есть конец этого состояния, взятого в его интегральности. Следует пойти и дальше: конец цикла, такого, каким является современное человечество, поистине есть конец самого телесного мира лишь в некотором относительном смысле и только по отношению к возможностям, которые, будучи заключены в этом цикле, заканчивают тогда своё развитие в телесной модальности; но в реальности, телесный мир не уничтожается, а «преобразуется» и тотчас же получает новое бытие, поскольку по ту сторону «остановки», соответствующей этому единственному мгновению, где времени больше нет, «колесо вновь начинает вертеться», чтобы пройти другой цикл.

Можно извлечь ещё одно важное следствие из этого рассуждения, а именно, что конец цикла является «вневремен-

[105] О последовательных мощностях бесконечного см. «Символизм креста», гл. XII.

ным», так же, как и его начало, что, впрочем, подтверждается строгим соответствием по аналогии, которое существует между этими двумя крайними пределами; таким образом, этот конец, действительно, для человечества данного цикла является восстановлением «примордиального» состояния, на что собственно, с другой стороны, указывает символическое отношение «Небесного Иерусалима» и «земного Рая». Это также и возвращение к «центру мира», который внешне проявляется на двух пределах цикла в соответствующей форме «земного Рая» и «Небесного Иерусалима» с «осевым» деревом, одинаковым образом возвышающимся как посреди одного, так и посреди другого; во всем остальном интервале, то есть в ходе самого цикла, этот центр, напротив, скрыт, и чем дальше, тем больше, потому что человечество шествовало, постепенно от него удаляясь, в чём и заключается, по существу, истинный смысл «падения». Это удаление, впрочем, представляет собою лишь иной способ изображения нисходящего хода цикла, так как противоположность такого, как наше, состояния, будучи точкой прямого соединения с высшими состояниями, есть в то же время сущностный полюс бытия в этом состоянии; идти от сущности к субстанции это — следовательно, идти от центра к окружности, изнутри — вовне, а также, как показывает с ясностью геометрическое представление, от единства — ко множеству[106].

Pardes — «центр мира», согласно первому смыслу его санскритского эквивалента *paradeśa*, «высшая сфера» но это также, согласно второму значению того же слова, «удалённое место», с того времени, как по ходу циклического процесса он действительно стал недоступен для обыкновенного

[106] Из этого можно вывести ещё одно значение «переворачивания полюсов», поскольку ход проявленного мира к своему субстанциальному полюсу заканчивается в конце концов «возвращением», которое приводит его через мгновенное «преображение» к своему сущностному полюсу; по поводу этой мгновенности добавим, что, вопреки некоторым ошибочным концепциям циклического движения, в этом нельзя видеть никакого «подъема» внешнего порядка, следующего за «спуском», ход проявления как таковой от начала до конца — это всегда спуск.

человечества. И действительно, по крайней мере по видимости, он удален в наибольшей степени, будучи расположен в «конце мира» в двойном смысле, пространственном (вершина горы «земного Рая», касающаяся лунной сферы) и временном («Небесный Иерусалим», спускающийся на землю в конце цикла); тем не менее, на самом деле он всегда есть самое близкое, поскольку никогда не перестаёт быть в центре всех вещей[107], и это означает обратное отношение «внешней» точки зрения и «внутренней». Однако, чтобы эта близость могла быть действительно реализована, необходимо, чтобы временные условия были упразднены, поскольку именно само развертывание времени, согласно законам проявления, вызывает видимое удаление, и к тому же время, ввиду самого определения последовательностью, не может идти против своего течения; освобождение от этого условия всегда возможно для некоторых существ в частности, но что касается человечества (или, точнее, данного человечества), взятого в целом, то освобождение, очевидно, предполагает, что это человечество полностью прошло цикл своего телесного проявления, и только тогда оно может быть поистине реинтегрировано, вместе со всем ансамблем земной среды, которая от него зависит и участвует в том же самом циклическом ходе, в «примордиальном состоянии» или, что то же самое, в «центре мира». Именно в этом центре «время превращается в пространство», потому что именно здесь есть прямое отражение, в нашем состоянии бытия, изначальной вечности, что исключает всякую последовательность; его не может также достичь и смерть, и это также, следовательно, «местопребывание бессмертия»[108]; все вещи там появляются, в совершенной одновременности в неподвижном настоящем через посредство силы «третьего

[107] Это «Царство небесное внутри вас есть» Евангелия (*Regnum Dei intra vos est*).

[108] О «местопребывании бессмертия» и его соответствии в человеческой жизни см. «Царь мира», стр. 87-89.

глаза», с помощью которого человеку открыт «смысл вечности»[109].

[109] О символизме «третьего глаза» см. «Человек и его осуществление согласно Веданте», стр. 203 и «Царь мира», стр. 52-53.

Глава XXIV. К разложению

После рассмотрения конца цикла нам, в определённом смысле, надо вернуться назад, чтобы полнее исследовать то, что может действительно способствовать, в условиях современной эпохи, продвижению человечества и мира к этому концу, и в этом отношении мы должны различать две тенденции, которые выражаются в понятиях, по-видимому, антиномичных: с одной стороны, тенденция к тому, что мы называли «отвердением» мира, о чём мы только что говорили специально, и с другой — тенденция к его разложению, действие которого нам ещё осталось уточнить, так как не надо забывать, что всякий конец с необходимостью, в конечном счёте, представляет собою разложение проявленного как такового. К тому же можно заметить, что с настоящего времени вторая из этих тенденций становится преобладающей; и действительно, прежде всего материализм в собственном смысле слова, который соответствует, очевидно, «отвердению» в его самой грубой форме (можно было бы даже сказать «окаменению», по аналогии с тем, что в этом отношении представляет собой минерал), во многом уже потерял свои позиции, по крайней мере, в области научных и философских теорий, если ещё и не в сфере общей ментальности; и это настолько верно, что, как мы уже выше отмечали, само понятие «материи» начало испаряться и растворяться. С другой стороны, в соответствии с этим изменением, иллюзия безопасности, которая царила во времена, когда материализм достиг максимума своего влияния, и которая была в некотором роде неотделима от идеи, которую составили об «обычной жизни», в своей большей части рассеялась из-за самих событий и растущей скорости, с которой они развертывались, настолько, что сегодня, напротив, пре-

обладающим впечатлением является нестабильность, простирающаяся на все области; а поскольку «прочность» с необходимостью предполагает стабильность, то это ещё раз показывает, что точка наибольшей действительной «прочности» в соответствии с условиями нашего мира, была не только достигнута, но и уже превзойдена, и что, следовательно, отныне мир движется, собственно говоря, к разложению.

Само ускорение времени, без конца возрастая и делая изменения все более стремительными, кажется, само идёт к этому распаду, и в этом отношении, нельзя сказать, что было изменено общее направление событий, так как движение цикла все ещё продолжает следовать тому же нисходящему направлению. Впрочем, физические теории, о которых мы только что говорили, меняясь все скорее и скорее, как и все остальное, приобретают характер все более и более исключительно количественный, доходя до того, что полностью облекаются видимостью чисто математических теорий, что, однако, удаляет их, как мы уже отмечали, все больше и больше от чувственной реальности, которую они якобы выражают, вовлекая их в область, которая может располагаться лишь под этой реальностью в соответствии с тем, что мы говорили о чистом количестве. Впрочем, «твердое», даже в своем мыслимом максимуме плотности и непроницаемости вовсе не соответствует чистому количеству, по крайней мере, минимум качественных элементов оно имеет всегда; к тому же, по определению, оно есть нечто телесное и даже в некотором смысле, самое телесное из всего; однако «телесность» предполагается присущей пространству необходимостью, сколь бы ни было оно «сжато», вплоть до «твердого» состояния; пространство же, напомним ещё раз, никак не может отождествляться с чистым количеством. Если даже, на мгновение принимая точку зрения современной науки, свести, с одной стороны, «телесность» к протяженности, как это делал Декарт, и с другой стороны, рассматривать само пространство лишь как простой модус качества, то все ещё оста-

валось бы то, что всегда находится в области непрерывного количества; если от него перейти к области прерывного количества, то есть к числу, которое только одно может рассматриваться как представитель чистого количества, то очевидно, что по причине самой этой прерывности больше уже нельзя иметь никакого отношения к «твердому» или чему-либо телесному.

Следовательно, в постепенной редукции всех вещей к количественному есть точка, начиная с которой эта редукция больше не ведёт к «отвердению», и точка эта, в целом, есть та, в которой желают свести само непрерывное количество к прерывному количеству; тогда тела как таковые больше не могут существовать, они растворятся в чём-то вроде бесплотной «атомной» пыли; следовательно, в этом отношении можно было бы говорить о настоящем «распылении» мира, что, очевидно, является одной из возможных форм циклического разложения[110]. Тем не менее, если это разложение можно таким образом представить и некоторой точки зрения, то оно проявляется и с другой точки зрения, согласно уже использованному нами ранее выражению, как «улетучивание»: «распыление», каким бы полным оно ни предполагалось, всегда оставляет «осадки», пусть даже неощутимые; с другой стороны, конец цикла, чтобы полностью осуществиться, предполагает, что всё то, что заключено в этом цикле, полностью исчезнет как проявление; но оба эти различные способы понимания вещей представляют собою лишь некоторую часть истины. Действительно, тогда как позитивные результаты циклического проявления «кристаллизуются», чтобы затем быть «преобразованными» в семена возможностей будущего цикла, то, что образует завершение «отвердения» в его «благоприятном» аспекте (существенным образом предзаключающем в себе «сублимацию», кото-

[110] *Solvet saeclum in favilla* (Спасает век по милости) говорится текстуально в католической литургии, которая одновременно в этом отношении напоминает и свидетельство Давида и Сивиллы, что есть своего рода утверждение единогласия разных традиций.

рая совпадает с окончательным «переворачиванием»), то, что не может быть таким образом использовано, то есть вообще всё то, что составляет негативные результаты того же самого проявления, «осаждается» в форме *caput mortuum* (мёртвой головы) в алхимическом смысле этого термина в самых низших «продлениях» нашего состояния бытия или же в той части тонкой сферы, которую поистине можно было бы квалифицировать как «инфрателесную»[111]; но в обоих случаях равно переходят во внетелесную модальность, высшую для одних, и низшую для других, так, что в конечном счёте можно сказать, что само телесное проявление в том, что относится к данному циклу, реально испаряется или полностью «улетучивается». Очевидно, что во всём этом и до самого конца всегда надо рассматривать оба термина, соответствующих тому, что герметизм обозначает как «коагуляцию» и «растворение» и в этом же заключаются одновременно обе стороны: с «благотворной» стороны имеется «кристаллизация» и «сублимация» с «пагубной» стороны имеется «выпадение в осадок» и окончательное возвращение к неразличимости «хаоса»[112].

Теперь мы должны поставить следующий вопрос: для того, чтобы прийти к разложению, достаточно ли в некотором роде предоставить самому себе то движение, которым все больше и больше утверждается и усиливается «царство количества», чтобы оно просто-напросто дошло до своего предела? Правда, эта возможность, о которой мы говорили в другом месте, рассматривая современные концепции физиков и содержащееся в них значение (бессознательным об-

---

[111] То, что еврейская Каббала, как мы уже говорили, обозначает как «мир видимостей», «мир оболочек» (*o1am qlippoth*), туда падают «древние цари Эдома», поскольку они представляют собою неиспользуемые «остатки» прошедших манвантар.

[112] Должно быть ясно, что две стороны, которые мы здесь называем «благотворная» и «пагубная», в точности отвечают «правой» и «левой» стороне, где соответственно располагаются «избранные» и «осужденные» на Страшном суде, то есть, по существу, в окончательном «разделении» результатов циклического проявления.

разом, так как очевидно, что современные «ученые» никоим образом не подозревают, что они делают), отвечает прежде всего теоретическому взгляду на вещи, взгляду «одностороннему», который лишь очень частным образом представляет то, что реально должно быть; фактически, чтобы развязать «узлы», происходящие из «затвердения», имевшего место до настоящего времени (мы намеренно здесь используем слово «узлы», которое напоминает о действии определённого рода «коагуляции», сразу же обнаруживающей магический порядок), необходимо вмешательство, осуществляемое более непосредственно, чего-то такого, что к этой области уже не принадлежит, области, в общем, узко ограниченной, к которой собственно и относится «царство количества». Легко понять, как мы уже имели случай об этом говорить, что речь идёт о воздействии определённых влияний тонкого порядка, воздействии, которое уже давно начало осуществляться в современном мире, хотя вначале мало заметным образом и, которое всегда сосуществовало вместе с материализмом, начиная с того самого момента, когда он конституировался в чётко определённой форме, как это мы уже видели на примере магнетизма и спиритизма, говоря о заимствованиях, которые они черпали в научной «мифологии» той эпохи, в которой они родились. И как мы говорили ранее, если правда, что засилие материализма уменьшается, то вовсе не следует себя с этим поздравлять, так как циклический «спуск» ещё не завершен; «щели», о которых мы тогда упоминали и к природе которых мы вскоре вернёмся, могут образовываться только снизу; иначе говоря, то, что через них «интерферирует» в чувственный мир, не может быть ничем другим, как только низшим «космическим психизмом» со всем тем, что в нём есть наиболее деструктивного и «распадающегося», и к тому же, очевидно, что только влияния такого рода на самом деле способны воздействовать перед лицом разложения; отсюда нетрудно понять, что всё то, что способствует и расширяет эти «интерференции», какую бы внешнюю видимость они ни принимали, что ча-

сто бывает очень обманчиво, соответствует, сознательно или бессознательно, лишь новой фазе отклонения, менее «продвинутую» стадию которого, на самом деле, представляет собою материализм.

В этой связи мы должны отметить, что плохо осведомлённые «традиционалисты»[113] опрометчиво радуются, когда видят современную науку в её различных отраслях несколько выходящей за узкие границы, в которых до этого времени заключались её концепции, и принимающей менее грубую материалистическую установку, которая у неё была в предыдущем веке; они даже охотно воображают себе, что каким-либо образом профанная наука закончит тем, что соединится с традиционной наукой (которую они почти не знают и о которой у них имеется совершенно неверное представление, всецело основанное на некоторых деформациях и современных подделках), что является абсолютно невозможной вещью по тем причинам, о которых мы часто и настоятельно говорили. Эти же самые «традиционалисты» так же радуются, и даже больше, наблюдая некоторые проявления тонких влияний, происходящих все более и более открыто, вовсе и не думая спросить себя, каково же может быть на самом деле «качество» этих влияний (они, может быть, и не подозревают, что такой вопрос следует поставить); они возлагают большие надежды на то, что сегодня называется «метафизикой», на исцеление тех зол современного мира, которые они, в основном, предпочитают вменять одному только материализму, что представляет собою ещё одну довольно досадную иллюзию. Они не замечают (и в этом они гораздо более заражены современным духом, чем сами предполагают, со всеми теми недостатками, которые ему присущи), что во всём этом, в действительности, состоит новый этап развития, следующий с совершенной логи-

[113] Слово «традиционализм» в действительности означает лишь тенденцию, которая может быть более или менее неясной и плохо примененной, потому что она не предполагает никакого действительного знания традиционных истин; впрочем, мы далее вернёмся к этому предмету.

кой, но логикой поистине «дьявольской», по «плану», согласно которому совершается прогрессирующее отклонение современного мира; разумеется, материализм сыграл свою роль, и роль, несомненно, очень важную, но теперь простое отрицание, которое он собою представляет, стало недостаточным; оно хорошо сослужило свою службу, чтобы закрыть человеку доступ к возможностям высшего порядка, но оно ещё не развязало низшие силы, а лишь только они одни могут довести до последней точки дело разложения и беспорядка.

Материалистическая установка, в виду самой своей ограниченности, представляет собою опасность также в равной степени ограниченную; её «неповоротливость», если так можно сказать, предоставляет её сторонникам защиту от всех тонких влияний без различия и даёт им в этом отношении нечто вроде иммунитета, легко сравнимого с тем, что есть у моллюска, пребывающего в своей строго замкнутой раковине, иммунитета, от которого у материалистов исходит то самое впечатление безопасности, о котором мы говорили; но если в этой раковине, которая в данном случае представляет собою ансамбль конвенционально принятых научных концепций и соответствующих умственных установок с тем «отвердением», которое из этого следует в «психофизиологической» конституции индивида[114], сделать снизу отверстие, как мы об этом только что сказали, то тотчас же сюда проникнут деструктивные тонкие влияния, и с тем большей легкостью, что вследствие негативной работы, произведенной в предшествующей фазе, ни один элемент высшего порядка не сможет проникнуть сюда, чтобы противостоять их действию. Можно было бы ещё сказать, что период материализма составляет лишь нечто вроде приготовления, в особенности теоретического, тогда как период низшего «психизма» включает «псевдореализацию», направленную,

[114] Любопытно отметить, что обыденный язык охотно использует выражение «твердый материалист», — совершенно не сомневаясь, что это не просто образ, но что оно соответствует чему-то реальному.

собственно говоря, в противоположную духовной истинной реализации сторону; далее мы подробнее будем объяснять это. Смехотворная безопасность «обычной жизни», бывшая нераздельным спутником материализма, теперь, конечно, находится в значительной степени под угрозой, и мы, без сомнения, всё яснее и яснее и почти повсеместно видим, что это была лишь иллюзия; но в чём же здесь реальное преимущество, если это означает лишь ещё худшую иллюзию, чем первая, и ещё более опасную со всех точек зрения, потому что она несёт в себе гораздо более глубокие и отдалённые последствия, иллюзию «духовности наизнанку», по отношению к которой различные «неоспиритуалистические» движения, увидевшие свет и развитые в наше время, включая даже те, которые уже имеют чётко перевёрнутый характер, суть ещё только слабые и посредственные предвестники?

Глава XXV. Щели великой стены

Как бы далеко ни зашло «отвердение» чувственного мира, оно никогда не может реально быть «закрытой системой», как это полагают материалисты; сама природа вещей поставила ему границы, и чем больше оно приближается к этим границам, тем нестабильнее состояние, представляемое им; фактически, как мы уже видели, соответствующая этому максимуму точка уже превзойдена, и видимость «закрытой системы» теперь может становиться лишь все более и более иллюзорной и неадекватной реальности. Мы также говорили о «щелях», через которые уже проходят и ещё будут проходить деструктивные силы; согласно традиционному символизму, эти «щели» возникли в «великой стене», окружающей этот мир и предохраняющей его против пагубных влияний низшей тонкой сферы[115]. Чтобы лучше понять этот символизм во всех его аспектах, важно отметить, что стена одновременно представляет собою защиту и ограничение; в определённом смысле, она, можно сказать, обладает и преимуществами и неудобствами; но поскольку она, по существу, предназначена обеспечивать защиту против нападений, идущих снизу, то её преимущества значительно преобладают, так что в результате лучше оказывается находиться внутри этого ограждения, ограниченным с этой низшей стороны, чем постоянно подвергаться нашествиям врага, если даже и не полному разрушению. К тому же, на деле стена не закрыта сверху и, следовательно, не мешает общению с выс-

[115] В символизме индусской традиции «великая стена» — это *Lokāloka*, которая отделяет космос (*loka*) от «тьмы внешней» (*āloka*); разумеется, впрочем, что аналогичным образом дело обстоит и в других, более или менее значительных областях всего космического проявления; мы здесь говорили только об одном частном приложении но отношению к телесному миру.

шими сферами, что соответствует нормальному состоянию вещей; в современную эпоху это общение перекрыто «скорлупой» без окон, сконструированной материализмом. Однако, как мы уже сказали, пока «спуск» ещё не был закончен, эта «скорлупа» ещё могла существовать незатронутой сверху, то есть с той стороны, с которой как раз мир не имеет нужды защищаться и, напротив, может лишь получать «благотворные» влияния; «щели» возникли только внизу, следовательно, в самой защищающей стене, и низшие силы, через них проникающие, встречали там меньше сопротивления при условии, что никакая власть высшего порядка не могла сюда проникнуть, чтобы эффективно им противостоять; следовательно, мир оказался безо всякой защиты, предоставленный атакам своих врагов, и тем в большей степени, что он полностью игнорирует угрожающие ему опасности из-за самой современной ментальности.

Согласно исламской традиции, через эти «щели» при приближении конца цикла будут проникать всё опустошающие орды Гога и Магога[116], которые, впрочем, делают постоянные усилия, чтобы заполонить наш мир; эти «сущности», представляющие собою низшие влияния, о которых идёт речь и которые сегодня считаются ведущими «подземное» существование, описываются одновременно и как гиганты и как карлики, что, согласно тому, что мы видели выше, позволяет отождествить их с «хранителями тайных сокровищ,» и с кузнецами «подземного огня», у которых тоже есть, напомним, крайне пагубный аспект; по существу, речь здесь идёт всегда о том же самом порядке «инфрателесных» тонких влияний[117]. По правде говоря, попытки этих «сущностей» основаться в этом телесном и человеческом мире не

[116] В индусской традиции это демоны Кока и Викока, имена которых, очевидно, похожи.

[117] Символизм «подземного мира» также двойственен, и он также обладает высшим смыслом, как это показывают наблюдения, представленные нами в «Царь мира»; но здесь, естественно, речь идёт лишь о низшем смысле, и даже буквально можно сказать, об «инфернальном» его смысле.

являются новостью, они восходят, по крайней мере, к началу кали-юги, то есть гораздо раньше античных «классических» времен, которыми ограничивается горизонт профанных историков. Китайская традиция по этому поводу сообщает, что «Нюй-ва (сестра и супруга Фу-си, которая, как говорят, правила вместе с ним) обрушила камни пяти цветов[118], чтобы закрыть дыру, которую гигант сделал в небе» (явно на месте земного горизонта, хотя это здесь и не поясняется)[119]; это относится к эпохе, отстоящей от начала кали-юги всего на несколько веков.

Однако, если в целом кали-юга, собственно, есть период помрачения, что и делает возможными подобные «щели», всё же это помрачение ещё далеко от того, каким оно будет в его последних фазах, и потому эти «щели» ещё могут быть исправлены относительно легко; но из-за этого не следует ослаблять постоянную бдительность, что, естественно, входило в компетенцию духовных центров различных традиций. Затем идёт эпоха, в которой этих «щелей», вследствие крайнего «отвердения» мира, опасались гораздо меньше, по крайней мере, временно; эта эпоха была в начале Нового времени, то есть эпоха, которая именно и определяется как механистический и материалистический период, где «закрытая система», о которой мы говорили, была близка к реализации, по крайней мере, насколько это было возможно. Теперь же, то есть в уже начавшийся период, который мы можем обозначить как вторую часть Нового времени, условия по отношению к предшествующим эпохам сильно изме-

---

[118] Эти пять цветов — белый, чёрный, синий, красный, желтый, — в дальневосточной традиции соответствуют пяти стихиям, а также четырем сторонам света и центру.

[119] Говорили также, что «Нюй-ва отломила четыре лапы у черепахи, чтобы поставить на них четыре конца света», ради стабильности земли; если учесть то, что мы говорили о взаимных соответствиях по аналогии между Фу-си и Нюйвой, то можно понять, на этом основании, что функция обеспечения стабильности и «прочности» мира принадлежит субстанциальной стороне проявления, что в точности соответствует всему тому, что мы по этому поводу здесь изложили.

нились: не только могут образовываться заново все более и более обширные «щели», гораздо более тяжелого характера, чем когда бы то ни было, из-за того нисходящего пути, который был пройден в интервале, но и возможности восстановления теперь уже не такие, как прежде; действительно, воздействие духовных центров сокращается все больше и больше, потому что высшие влияния, которые они передают нашему миру в нормальном состоянии, не, могут больше проявляться вовне, останавливаемые той непроницаемой «скорлупой», о которой мы только что говорили; где же, таким образом, можно найти сколько-нибудь эффективную защиту против «орд Гога и Магога» при подобном состоянии этого ансамбля, одновременно человеческого и космического?

Это ещё не все: только что сказанное нами представляет, в определённом смысле, лишь негативную сторону растущих трудностей, с которыми сталкивается противодействие вторжению этих пагубных влияний; к этому можно ещё присоединить ту инерцию, которая следует из общего невежества в этих вопросах и из «пережитков» материалистической ментальности и соответствующей установки, которая продолжает существовать столь долго, что стала, так сказать, инстинктивной у современных людей и как бы вросшей в саму их природу. Разумеется, большое число «спиритуалистов» и даже «традиционалистов» или тех, кто так себя называет, в этом отношении такие же материалисты, как и другие, и это делает ситуацию ещё более непоправимой, так как те, кто самым искренним образом намеревается сражаться против современного духа, сами почти все против их воли им заражены, так что все их усилия обречены оставаться безрезультатными по существу; и это как раз тот случай, когда одной доброй воли далеко не достаточно, а нужно также, и даже прежде всего, действительное знание; но именно влияние современного духа и его ограничений делает это знание совершенно невозможным даже для тех, кто в иных, более нормальных условиях, мог бы иметь

в этом отношении определённые интеллектуальные способности.

Но помимо всех этих негативных элементов, трудности, о которых мы говорили, имеют также и положительную, так сказать, сторону, представляющую всё то в нашем мире, что активно способствует проникновению тонких низших энергий, будь это сознательно или не сознательно. Было бы уместно здесь рассмотреть эту, в некотором роде, «определяющую» роль самих действующих сил современного отклонения в целом, поскольку это проникновение составляет, собственно, новую, более «продвинутую» фазу этого отклонения и в точности отвечает самому следованию «плана», согласно которому оно осуществляется; очевидно, таким образом, что именно в этом надо искать сознательных пособников этим пагубным силам, хотя это осознание может быть и различной степени. Что касается других пособников, то есть всех тех, кто действует с добрыми намерениями и, игнорируя истинную природу этих сил (именно благодаря влиянию современного духа, на которое мы только что указывали), играют в целом роль одураченных, что им не мешает часто быть тем более активными, чем они более искренни в своем ослеплении; они уже почти неисчислимы и могут быть разделены на множество категорий, начиная от наивных сторонников «неоспиритических» организаций всякого рода и до философов — «интуиционистов», включая учёных — «метафизиков» и психологов новейших школ. Мы больше не будем останавливаться на этом, так как это означало бы предвосхищать то, что мы будем говорить далее; но прежде нам надо привести ещё несколько примеров того способа, которым действительно образуются эти «щели», а также и «опоры», которые тонкие и психические влияния (так как тонкая сфера и психическая для нас, по существу, синонимы) могут обрести в самой космической среде, чтобы осуществить своё воздействие и распространиться в человеческом мире.

Глава XXVI. Шаманизм и колдовство

Современная эпоха тем самым, что она соответствует последним фазам циклического проявления, должна исчерпать самые низшие возможности; вот почему она использует всё то, чем пренебрегали предшествующие эпохи: экспериментальные и количественные науки современных людей и, в особенности, их промышленное приложение носят, по своей сути, именно такой характер; отсюда следует, что современные профанные науки, как мы говорили, часто образуют, и это верно как исторически, так и в отношении их содержания, настоящий «осадок» некоторых древних традиционных наук[120]. Другим фактом, согласующимся с этим, какое бы малое значение ему ни придавали, является то неистовство, с которым наши современники начали эксгумировать остатки прошлых эпох и исчезнувших цивилизаций, в которых на самом деле они ничего не способны понять; и это довольно неутешительный симптом по причине природы связанных с этими остатками тонких влияний, которые, без малейшего подозрения на то исследователей, были таким образом ими возвращены к жизни и выпущены, так сказать, на свободу самой этой эксгумацией. Чтобы это можно было лучше понять, мы обязаны прежде всего сказать несколько слов о некоторых вещах, которые как таковые со-

[120] Мы говорим о «некоторых», так как есть ещё и другие традиционные науки, от которых не осталось ни малейшего следа в современном мире, сколь бы ни были искажёнными и извращенными эти следы; с другой стороны, само собою разумеется, что всякие философские перечисления и классификации касаются лишь одних профанных наук, и традиционные науки никоим образом не могут быть включены в эти узкие и «систематические» рамки; таким образом, к нашей эпохе, больше чем к любой другой, можно приложить арабскую пословицу, согласно которой «существует много учений, но мало ученых» (*al-ʿulūm kathīr, wa-lākin al-ʿulamāʾ qalīl*).

вершенно вне современного мира, но которые от этого не перестали быть пригодными для использования в особым образом «разлагающей» этот мир деятельности; то, что мы, следовательно, будем говорить, будет отклонением от темы лишь по видимости, к тому же это будет повод прояснить некоторые малоизвестные вещи.

Прежде всего, здесь нам надо рассеять ещё одно заблуждение и одну ошибку интерпретации, обусловленные современной ментальностью: идея, что существуют чисто «материальные» вещи, и присущая ей концепция является ничем другим, если её освободить от всех вторичных усложнений, добавленных специальными теориями физиков, как идеей, что существуют только телесные существа и вещи, конституция и бытие которых не предполагает никакого другого элемента иного порядка, чем этот. Эта идея вообще связана непосредственным образом с профанной точкой зрения, как она утверждается в некотором роде в самой полной форме современными науками. Так как для них характерно отсутствие всякой связи с принципами высшего порядка, то вещи, которые они принимают в качестве объекта своего изучения, должны быть поняты как тоже лишённые такой связи (в чём ещё раз обнаруживается «остаточный» характер этих наук); таково, можно сказать, условие адекватности науки своему предмету, поскольку если она допустит, что он иной, то тем самым должна будет признать, что природа этого предмета полностью от неё ускользает. Впрочем, возможно, не следует искать причину, по которой «сайентисты» так неистово стремятся дискредитировать всякую иную, чем эта, концепцию, представляя её как «предрассудок», присущий воображению «примитивных», которые для них не могут быть ничем иным, кроме как дикарями или людьми с детской ментальностью, как того желают «эволюционистские» теории; тому, что было с их стороны обычным непониманием или добровольным предвзятым мнением, им удалось фактически придать достаточно карикатурный облик для того, чтобы такая оценка казалась целиком

оправданной в глазах тех, кто им верит на слово, то есть громадного большинства наших современников. В особенности, так дело обстоит с теориями этнологов относительно того, что они условились называть «анимизмом»; впрочем, такой термин, строго говоря, мог иметь приемлемый смысл, но, разумеется, при условии совершенно иного его понимания, чем у них, и принятия в нём именно того, что он значит этимологически.

Действительно, телесный мир, на самом деле не может рассматриваться ни как нечто самодостаточное само по себе, ни как нечто изолированное в ансамбле универсального проявления; напротив, какова бы ни была видимость, присущая в настоящее время «отвердению» мира, он целиком происходит из тонкого порядка, в котором находится, можно сказать, его непосредственный принцип и через, посредство которого он связан все более и более с неоформленным проявлением, а затем и с непроявленным; если бы было иначе, то его бытие было бы всего лишь простой иллюзией, чем-то вроде фантасмагории, позади которой ничего нет, это все равно, что сказать, что он никоим образом вообще не существует. При этих условиях в телесном мире не было бы ничего такого, чьё бытие покоилось бы на элементах тонкого порядка, за которыми стоит принцип, называемый «духовным», без которого невозможно вообще никакое проявление, какой бы степени оно ни было. Если мы попытаемся рассмотреть тонкие элементы, которые должны быть представлены во всех вещах, но которые только более или менее в них скрыты в соответствии с конкретным случаем, то мы можем сказать, что они соответствуют тому, что составляет собственно «психический» порядок человеческого существа; можно, следовательно, с помощью более широкого, но совершенно естественного, толкования, не предполагающего никакого «антропоморфизма», но только лишь совершенно законную аналогию, называть их также «психическими» в любом случае (почему мы ранее уже и говорили о «космическом психизме») или же «анимистическими», так

как оба эти слова, если взять их первоначальный смысл, согласно их соответствующему греческому и римскому происхождению, суть, на самом деле, точные синонимы. Из этого следует, что реально «неодушевленного» объекта существовать не может, и поэтому «жизнь» есть одно из условий, которым подчинено всякое телесное бытие без исключения; и именно поэтому также никто и никогда удовлетворительным образом не мог получить различения «живого» и «неживого», это вопрос, как и многие другие в современной философии и науке, неразрешим лишь потому, что он никоим образом не мог быть правильно поставлен, потому что «неживого» вовсе нет в рассматриваемой нами области, и все сводится в этом отношении вообще к простым различиям в степени.

Таким образом, можно, если угодно, назвать «анимизмом» такой способ рассмотрения вещей, понимая под этим не что иное, как присутствие в них «анимистических» элементов; ясно, что «анимизм» прямо противоположен механизму, как сама реальность противостоит простой внешней видимости; таким образом, очевидно, что эта концепция «примитивна» просто потому, что она истинна, что прямо противоположно тому смыслу, который хотят вложить сюда «эволюционисты». В то же время и по той же самой причине эта концепция с необходимостью является общей для всех традиционных учений; мы могли бы сказать, что она «нормальна», тогда как противоположная идея «неодушевленных» вещей (которая нашла своё крайнее выражение в картезианской теории «животных-машин») представляет собою истинную аномалию, как и вообще все специфические современные и профанные идеи. Но следует, разумеется, понимать, что речь не идёт никоим образом о «персонификации» сил природы, которые изучаются учеными их методами и ещё менее о «поклонении», как это понимают те, для которых «анимизм» образует «примитивную религию» (как, они полагают, её можно назвать); на самом деле, эти наблюдения открываются только в области космологии и могут

находить своё приложение в различных традиционных науках. Само собою разумеется также, что когда речь идёт о «психических» элементах, присущих вещам, или о силах этого порядка, выражающихся или проявляющихся через них, то в этом нет абсолютно ничего «духовного»; смешение этих двух областей является чисто современным явлением, и оно, несомненно, не чуждо идее создать «религию» из того, что является наукой в самом точном смысле этого слова; вопреки своим претензиям на «ясные идеи» (прямое наследие механицизма и «универсального материализма» Декарта), наши современники смешивают весьма странным образом, по существу, самые разнородные вещи!

В том, к чему мы сейчас хотим обратиться, важно отметить, что этнологи привыкли рассматривать как «примитивные» те формы, которые, напротив, являются вырожденными в той или иной степени; однако очень часто они реально не находятся на столь низком уровне, который предполагают их интерпретаторы; но как бы то ни было, этим можно объяснить, почему «анимизм», который вообще составляет лишь одну частную точку зрения учения, мог быть принят для характеристики его в целом. Действительно, в случае вырождения естественно, что высшая часть учения, то есть метафизическая и «духовная» сторона, исчезают более или менее полно; следовательно, то, что вначале было вторичным, а именно космологическая и «физическая» сторона, к которой, собственно, и принадлежит «анимизм» и его применение, неизбежно приобретает преобладающее значение; в результате, даже если он ещё и существует в некоторой мере, то легко ускользает от внешнего наблюдателя, тем более что последний, игнорируя глубокое значение ритуалов и символов, неспособен распознать того, что открывается высшим порядком (не в меньшей степени он неспособен также распознать этого и в следах полностью исчезнувших цивилизаций), и полагает, что всё можно объяснить в равной мере в терминах «магии» и даже, нередко, просто-напросто «колдовства».

Четким примером того, что мы только что сказали, может служить «шаманизм», который, в основном, рассматривается как одна из типичных форм «анимизма»; это название, происхождение которого довольно, впрочем, неясно, означает, собственно, ансамбль традиционных учений и практик некоторых монгольских народов Сибири; иногда его понимают шире, распространяя на то, что имеет более или менее сходный характер. Для многих «шаманизм» — это почти синоним колдовства, что, конечно, не верно, так как это совершенно разные вещи; это слово, таким образом, претерпело изменение, противоположное слову «фетишизм», которое этимологически имеет смысл колдовства, но которое применялось к вещам, не имеющим отношения к этому. Отметим по этому поводу, что различие, которое некоторые хотят установить между «шаманизмом» и «фетишизмом», рассматривая их как две разновидности «анимизма», не является, может быть, столь четким и столь важным, как они думают: будь то человеческие существа, как в первом случае, или какие-нибудь объекты, как во втором, служащие, главным образом, «поддержкой» или «конденсаторами», если так можно сказать, для определённых тонких влияний, это всего лишь простое различие «технических» способов, которое, в целом, совершенно несущественно[121].

Если рассматривают, собственно говоря, «шаманизм», то в нём обнаруживают очень развитую космологию, имеющую сходство с космологиями других традиций во многих пунктах, начиная с разделения на «три мира», которое, видимо, представляет самое его основание. С другой стороны, здесь встречаются также и ритуалы, сравнимые с некоторыми ритуалами, принадлежащими к традициям самого высокого порядка: некоторые, например, поразительным образом напоминают ведические ритуалы; есть среди них также

[121] В дальнейшем изложении мы заимствуем то, что касается «шаманизма», в работе *Shamanism of the Natives of Siberia*, I. M. Casanowicz (отрывок из: *Smithsonian Report* за 1924), сообщению о которой мы обязаны А. К. Кумарасвами.

и такие, которые более явно происходят от примордиальной традиции, подобные тем, в которых главную роль играют символы дерева и лебедя. Несомненно, таким образом, что здесь есть нечто продолжающее традиционную правильную и нормальную форму, по крайней мере, в своем истоке; притом, вплоть до современной эпохи, сохранилась определённая «линия передачи» необходимых для осуществления функций «шаманизма» сил; но когда мы видим, что он свою деятельность посвящает прежде всего самым низшим из традиционных наук, таким, как магия и гадание, то в этом можно заподозрить присутствие очень реального вырождения, и мы можем даже себя спросить, не доходит ли оно иногда до настоящего извращения, которому вещи этого порядка могут быть весьма легко подвержены, если они получают столь чрезмерное развитие. По правде говоря, есть достаточно опасные признаки этого: одним из них является связь, устанавливаемая между «шаманом» и животным, связь, касающаяся исключительно индивида и, следовательно, никоим образом не сопоставимая с коллективной связью, конституирующей то, что к делу и не к делу называют «тотемизм». Впрочем, мы должны сказать, что то, о чём здесь идёт речь, само по себе может быть интерпретировано совершенно законным образом, не имеющим ничего общего с колдовством; но более подозрительный характер этому придает тот факт, что у некоторых народов, если не у всех, животное тогда рассматривается в определённом роде как форма самого «шамана»; и подобное отождествление не так уже далеко, может быть, от «ликантропии», такой, какая существует, главным образом, у народов чёрной расы[122].

Но есть ещё нечто, более непосредственно связанное с нашим предметом: среди психических влияний, с которыми

[122] Согласно достоверным источникам, в отдалённом районе Судана имеется полностью «ликантропная» народность, насчитывающая примерно двадцать тысяч человек; в других африканских странах также есть тайные организации, такие, как например, носящая имя «Общество Леопарда», где определённые формы «ликантропии» играют преобладающую роль.

«шаманы» имеют дело, естественно, различаются два вида, одни благотворные, а другие — пагубные, и так как очевидно, что незачем опасаться первых, занимаются почти исключительно вторыми; таков, как представляется, по крайней мере наиболее распространенный случай, так как возможно, что «шаманизм» включает в себя достаточно разнообразные формы, между которыми надо делать различие в этом отношении. Речь, впрочем, вовсе не идёт о «культе», воздаваемом этим пагубным влияниям, что было бы чем-то вроде сознательного «сатанизма», как его здесь иногда ошибочно предполагают; речь, в принципе, идёт лишь о том, чтобы помешать вредить, нейтрализовать или отвратить их воздействие. То же замечание можно было бы высказать и относительно других предполагаемых «поклонников дьявола», которые существуют в различных странах; вообще говоря, почти невероятно, чтобы реальный «сатанизм» мог быть делом для всего народа. Однако не менее верно, что, каково бы ни было первоначальное намерение, манипулирование с влияниями этого рода без всякого обращения к влияниям высшего порядка (и ещё менее к собственно духовным влияниям) приводит самим ходом вещей к возникновению настоящего колдовства, впрочем, совершенно отличного от колдовства вульгарных западных «деревенских колдунов», которые представляют собою не более чем осколки магического знания настолько вырожденного и редуцированного, насколько это возможно, до точки полного угасания. Магическая часть «шаманизма», конечно, обладает совсем другой действительной ценностью, и именно поэтому она представляет собою нечто опасное по крайней мере в одном отношении; действительно, постоянный, так сказать, контакт с этими низшими психическими силами наиболее опасен прежде всего для самого «шамана», это разумеется само собою, но также и с другой точки зрения, круг влияния которой «локализован» гораздо менее узко. Действительно, может случиться так, что некто, оперируя более сознательным образом и с более обширными познаниями

(что не означает познаний более высокого порядка) использует те же самые силы совершенно для других целей помимо воли «шаманов» или тех, кто действует, как они, играя роль не более, чем простых инструментов для аккумуляции упомянутых сил в определённых точках. Мы знаем, что по всему миру имеется определённое количество «резервуаров» влияний, распределение которых, разумеется, не несёт в себе ничего случайного, очень хорошо служащих намерениям определённых сил, ответственных за всё современное отклонение; но это требует дополнительного объяснения, так как с первого взгляда можно было бы удивиться тому, что остатки, которые некогда были подлинной традицией, отдают себя действию по переворачиванию подобного рода.

Глава XXVII. Психические остатки

Чтобы понять то, что мы только что сказали о «шаманизме» и какова та основная причина, по которой мы высказали здесь это суждение, надо отметить, что эти следы, сохранившиеся от вырожденной традиции, высшая или «духовная» часть которой исчезла, по своему существу совершенно подобны той части психических остатков, которые человеческое существо оставляет после себя, переходя в другое состояние и которые с того момента, как они таким образом были оставлены «духом», тоже могут служить чему угодно; однако, будут ли они сознательно использованы магом или колдуном или, бессознательно, спиритами, те более или менее пагубные следствия, которые могут проистекать от них, не имеют, очевидно, ничего общего с собственным качеством существа, которому эти элементы принадлежали прежде; это не более чем особая категория «блуждающих влияний», согласно выражению, используемому дальневосточной традицией, которые сохраняют от этого существа не более, чем чисто иллюзорную видимость. Чтобы лучше понять это подобие, необходимо дать себе отчет в том, что сами духовные влияния, чтобы вступить во взаимодействие с нашим миром, должны с необходимостью найти соответствующие «опоры», сперва в психическом порядке, а затем в самом телесном порядке, ведь нечто аналогичное есть и в конституции человеческого существа. Если эти духовные влияния потом отходят по какой-нибудь причине, их прежние телесные «опоры», места или объекты (когда речь идёт о местах, то их расположение, естественно, находится в соответствии со «священной географией», о которой мы говорили выше) не перестают быть из-за этого менее насыщенными психическими элементами, которые будут даже тем бо-

лее крепкими и стойкими, чем для более могущественных действий они служили посредниками и инструментами. Из этого можно логически заключить, что случай, в котором речь идёт о традиционных и значительных центрах посвящения, угасших уже более или менее давно, вообще представляет собою наибольшую опасность в этом отношении, или потому, что просто опрометчивые люди провоцируют неудержимые реакции психических «конгломератов», которые там продолжают существовать, или потому, главным образом, что «чёрные маги», если воспользоваться общепринятым выражением, овладевают ими, чтобы управлять по своей воле и достигать воздействий, соответствующих их намерениям.

Первый из двух только что обозначенных нами случаев объясняет в достаточной мере тот вредоносный, по большей части, характер, который носят некоторые следы исчезнувших цивилизаций, когда они извлекаются людьми, которые, подобно современным археологам, игнорируя все эти вещи, неизбежно действуют неосмотрительно. Не стоит и упоминать, что иногда может быть и другое: так, та или иная древняя цивилизация могла в последний период переродиться из-за чрезмерного развития магии[123], и её остатки, естественно, тогда будут сохранять печать, очень низкого порядка в форме психических влияний. Может быть и так, что, помимо любого перерождения, места и объекты были специально приготовлены ради защиты против тех, кто неподобающим образом к ним прикоснулся бы. Так как такие предосторожности не содержат в себе ничего незаконного, хотя, тем не менее, сам факт придания им слишком большого значения не является очень благоприятным признаком, поскольку он свидетельствует о предосторожностях, достаточно далёких от чистой духовности, и даже, может быть, об определённой недооценке собственного могущества, которым она сама по себе обладает, не имея нужды прибегать

[123] Представляется, что таков как раз и был случай древнего Египта.

к подобным «вспомогательным средствам». Но, отвлекаясь от этого, существующие психические влияния, лишённые «духа», который когда-то ими управлял, и сведенные таким образом к чему-то вроде состояния «лярвы», сами очень хорошо могут реагировать на всякую провокацию, сколь непроизвольна она ни была бы, более, или менее неупорядоченным образом, но в любом случае, ничего не имеющим общего с намерениями тех, кто когда-то их использовал для действий совершенно иного порядка, так же, как и нелепые проявления психических «кадавров», которые иногда появляются на спиритических сеансах, не имеют никакого отношения к тому, что могли делать или хотели бы делать в каких бы то ни было обстоятельствах те индивидуальности, тонкую форму которых они конституировали и загробную «идентичность» которых они кое-как изображают к великому восхищению тех простаков, которые бы очень хотели их принимать за «духов».

Те влияния, о которых идёт речь, уже могут быть во многих случаях достаточно пагубными, если они просто предоставлены сами себе; этот факт происходит от самой природы этих сил «срединного мира», в котором никто ничего не может, тем более никто не может помешать воздействию «физических» сил, мы хотим сказать, тех сил, которые принадлежат телесному порядку и которым занимаются физики, являющихся при некоторых условиях причинами происшествия, за которые не может нести ответственность никакая человеческая воля; только через это можно понять истинное значение современных исследований и ту роль, которую они действительно играют в открытии некоторых из этих «щелей», о которых мы говорили. Но кроме того, эти самые влияния, равно как и «физические» силы, оказываются в распоряжении того, кто умеет их «улавливать»; само собою разумеется, что и те и другие могут тогда служить самым разным и даже противоположным целям, согласно намерениям тех, кто овладеет ими и кто будет ими управлять в соответствии со своим пониманием; что касается тонких влия-

ний, то если окажется, что это «чёрный маг», то совершенно очевидно, что он будет их употреблять прямо противоположным образом тому, каким их использовали вначале квалифицированные представители истинной традиции.

То, что мы до сих пор говорили, относится к следам, оставленным полностью исчезнувшей традицией; но вместе с тем, уместно рассмотреть и другой случай: случай древней традиционной цивилизации, которая сама выжила, так сказать, в том смысле, что её вырождение было доведено до такой степени, что «дух» окончательно её оставил; некоторые познания, сами по себе не содержащие ничего «духовного» и открывающие лишь порядок случайных приложений, могут ещё продолжать передаваться, в особенности, самые низшие из них, но разумеется, с этого времени они будут подвержены всяким отклонениям, потому что они тоже представляют собою не более чем «остатки» иного сорта, раз чистое учение, от которого они должны нормальным образом зависеть, исчезло. В подобном случае «выживания» предшествующие психические влияния, задействованные представителями традиции, ещё могут быть «уловлены», даже без ведома их видимых, но отныне незаконных и лишённых всякого подлинного авторитета продолжателей; те же, кто через них станет пользоваться этими влияниями реально, будут таким образом иметь преимущество обладать ими как бессознательными инструментами воздействия, которое они хотят осуществить, и не только объектами, называемыми «неодушевленными», но также и живыми людьми, которые служат «опорами» для этих влияний и бытие которых придает им, естественно, гораздо большую жизненность. Именно это мы и имели в виду, рассматривая пример «шаманизма» с тем ограничением, разумеется, что это наименование не может прилагаться без разбора ко всему тому, что привыкли подводить под это несколько конвенциональное обозначение, и что, может быть, ещё не дошло до такой степени падения.

Отклонившаяся таким образом традиция как таковая мертва, так же, как и традиция, никакой даже видимости продолжения которой уже больше не существует; впрочем, даже если бы она была ещё жива, пусть в самой малой степени, то подобное «переворачивание», которое вообще есть не что иное, как обращение вспять того, что от неё ещё сохранилось, чтобы использовать это в антитрадиционном, по определению, направлении, очевидно, не могло бы иметь места никоим образом. Следует, тем не менее, добавить, что до того, как ход вещей пришел бы к этому, и с того времени, как уменьшились и ослабли в достаточной степени традиционные организации, чтобы не быть способными больше оказывать достаточное сопротивление, более или менее прямые «агенты противника»[124] смогли уже туда внедриться, чтобы работать над ускорением и приближением того момента, когда «переворачивание» станет возможным; не обязательно, чтобы они всегда добивались успеха, так как всё то, что ещё обладает какой-нибудь жизнью, в любом случае может сопротивляться; но если наступит смерть, то враг окажется тут как тут, можно сказать, абсолютно готовый извлечь выгоду и тотчас же использовать «труп» в своих собственных целях. Представители всего того, что ещё в настоящее время в западном мире обладает подлинным традиционным характером как в экзотерической области, так и в области посвящения, должны, как мы думаем, проявить самый большой интерес к извлечению пользы из этого последнего наблюдения, пока ещё есть время, так как вокруг них, к несчастью, нет недостатка в угрожающих признаках, представляющих собою «инфильтрации» этого рода, для того, кто умеет их замечать.

Другое, также обладающее определённой важностью, замечание таково: если «противник» (природу которого мы попытаемся впоследствии немного уточнить) обладает пре-

[124] Известно, что «противник» — это буквальный смысл еврейского слова Сатана, и действительно, здесь речь идёт о «силах», обладающих поистине сатанинским характером.

имуществом овладевать местами, которые были очагом древних духовных центров, то это не всегда исключительно по причине психических влияний, которые там аккумулированы и находятся там в некотором роде «в наличии»; это происходит также по причине особого положения этих мест, так как само собою разумеется, что выбирались они вовсе не случайно для той роли, которая была им предписана в ту или иную эпоху и по отношению к той или иной традиционной форме. «Священная география», знание которой определяло такой выбор, как и всякая другая традиционная наука случайного порядка, подвержена отклонению от своего законного использования и применению «наоборот»: если это точка, «привилегированная» для передачи и управления психическими влияниями, когда они являются средством передачи духовного воздействия, то она будет таковой не в меньшей степени также и тогда, когда те же самые психические влияния будут использоваться совершенно иным способом и в целях, противоположных всякой духовности. Эта опасность извращения определённых познаний, явный пример которого мы находим здесь, очень хорошо объясняет, отметим по ходу дела, те ограничения, которые совершенно естественны для нормальной цивилизации, но которые современные люди совершенно не способны понять, потому что они приписывают обычно желание «монополизировать» эти познания тому, что на самом деле есть лишь мера, предназначенная помешать злоупотреблению ими, насколько это возможно. К тому же, по правде говоря, эта мера перестаёт быть эффективной только в случае, когда организации хранительницы знания, о котором идёт речь, позволяют проникнуть в их среду неквалифицированным индивидам, и даже, как мы только что сказали, «агентам противника», одна из самых непосредственных целей которых как раз и состоит в раскрытии этих секретов. Всё это, конечно, не имеет прямого отношения к подлинной тайне посвящения, которая, как мы сказали выше, покоится исключительно в «невысказанном» и в «несообщаемом» и которая

тем самым защищена от всякого нескромного исследования; но, хотя здесь и идёт речь о случайных вещах, следует, однако, признать, что предосторожности, которые могут быть приняты в этом порядке, против всякого отклонения и, следовательно, всякого пагубного действия, которое может из этого произойти, имеют далеко не малый практический интерес.

Как бы то ни было, поскольку речь идёт о самих местностях, о влияниях, которые остаются с ними связанными, и о знаниях того рода, о которых мы только что упоминали, можно привести в этой связи древнюю пословицу: *corruptio optimi pessima* («лучше болезнь, чем погибель»), «не до жиру, быть бы живу», которая может быть в этом случае более подходит, чем в любом другом; действительно, именно о «коррупции» («порче») следует здесь говорить, даже в самом буквальном смысле этого слова, поскольку «остатки», о которых здесь идёт речь, как мы отметили вначале, сравнимы с продуктами разложения того, что было живым существом; а так как всякая порча в определённом смысле заразна, то и эти продукты разложения прошлых вещей сами будут везде производить, куда бы они ни были «заброшены», особое разлагающее и расщепляющее воздействие, в особенности если они используются волей, чётко осознающей свои цели. Здесь есть нечто вроде «некромантии», как можно было бы сказать, которая приводит в действие совсем иные психические остатки, чем остатки человеческих индивидуальностей, и это, конечно, не менее опасно, так как она обладает тем самым возможностями воздействия гораздо более широкими, чем возможности вульгарного колдовства, в этом отношении не может быть даже никакого сравнения; однако, наши современники должны быть поистине слепыми при сегодняшнем положении вещей, чтобы даже и не подозревать об этом.

Глава XXVIII. Этапы антитрадиционного действия

После приведённых выше примеров и наблюдений становится более понятным, каковы вообще этапы той антитрадиционной деятельности, которая поистине «создала» современный мир как таковой; но прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что любое фактическое действие обязательно предполагает агентов действия; оно не может быть, как и всякое другое, чем-то вроде спонтанного и «случайного» результата, и поскольку оно осуществляется в человеческой сфере, то неизбежно предполагает человеческого субъекта действия. Тот факт, что эта деятельность согласуется с собственными чертами того циклического периода, в который она производится, объясняет её возможность и успех, но его недостаточно для объяснения того способа, с помощью которого она была реализована, и он не указывает на те средства, которые были использованы для её исполнения; впрочем, для того, чтобы убедиться в этом, достаточно немного подумать о следующем: сами по себе духовные влияния во всякой традиционной организации действуют всегда через посредство человеческих существ, законных представителей традиции, хотя реально в своей сущности она «сверхчеловеческая»; с ещё большим основанием так должно быть в том случае, когда в игру вступают только психические влияния, пусть даже самого низшего порядка, то есть совершенно противоположные силе, трансцендентной нашему миру, не говоря уже о том, что характер «подделки», повсюду обнаруживающийся в этой области, к которому мы вернёмся, ещё более настоятельно требует, чтобы это было именно так. С другой стороны, поскольку именно инициация, в какой бы форме она ни существовала, есть то, что

на самом деле воплощает «дух» традиции, а также то, что позволяет достичь эффективной реализации «сверхчеловеческих» состояний, то очевидно, что именно ей наиболее непосредственным образом должно противостоять (в той мере, в которой постижимо это противостояние) то, о чём здесь идёт речь и что стремится, напротив, всеми имеющимися средствами увлечь человека в, «инфрачеловеческое»; термин «контриниициация» лучше подходит для обозначения того, с чем оказываются связанными вообще все вместе и по различным степеням (как и в самой инициации, здесь обязательно есть степени) те человеческие субъекты действия, через которых исполняется антитрадиционная деятельность; и это не просто условное наименование, используемое для удобного разговора о том, что на самом деле вообще не имеет никакого имени, но выражение, которое соответствует очень конкретной реальности настолько точно, насколько это возможно.

Довольно замечательно, что во всем том, что составляет современную цивилизацию в собственном смысле слова, под каким бы углом зрения её ни рассматривали, мы всегда вынуждены констатировать, что всё предстаёт более и более искусственным, извращенным и фальсифицированным; многие из тех, кто сегодня подвергает критике эту цивилизацию, оказываются пораженными этим, даже когда они не могут идти дальше и не имеют ни малейшей догадки о том, что в реальности за всем этим кроется. Нам кажется, что было бы достаточно иметь немного логики, чтобы сказать, что если все стало искусственным, то сама ментальность, которой соответствует такое состояние вещей, должна быть, как и все остальное, «сфабрикованной», а вовсе не спонтанной; и после этого простого размышления уже больше нельзя не видеть соответствующих признаков, умножающихся со всех сторон и почти бесконечно; но надо думать, что, к несчастью, также очень трудно совершенно избежать тех «внушений», которым обязан современный мир самим своим бытием и своей длительностью, поскольку даже те, кто

объявляет себя самым решительным образом «антимодернистом», вообще ничего этого не видят; вот почему их усилия так часто растрачиваются понапрасну и лишены почти всякого реального значения.

Антитрадиционная деятельность должна была стремиться с необходимостью одновременно изменить общую ментальность и разрушить все традиционные институты на Западе, поскольку именно там она непосредственно и прежде всего осуществляется в ожидании возможности распространяться затем в целом мире с помощью западных людей, приготовленных таким образом для того, чтобы стать её инструментами. Впрочем, раз ментальность изменилась, то те установления, которые больше ей не соответствуют, должны тем самым с легкостью разрушиться; следовательно, поистине фундаментальной здесь является работа по извращению ментальности, потому что от этого тем или иным образом зависит все остальное и, следовательно, на этом следует настаивать особо. Очевидно, что эта работа не может быть произведена одним ударом, хотя самым удивительным является та быстрота, с которой западные люди смогли прийти к полному забвению того, что у них имело отношение к опыту традиционной цивилизации; если подумать о том всеобщем непонимании, свидетельством которого были XVII и XVIII века по отношению к Средневековью, и непонимании во всем, то можно легко понять, что такое полное внезапное изменение не могло совершиться естественным и спонтанным образом. Как бы то ни было, прежде всего следовало свести индивида лишь к нему самому каким-нибудь образом, и в этом, в особенности, как мы уже объясняли, и состояла работа рационализма, который отрицал за человеком обладание и использование любой способности трансцендентного порядка; само собою разумеется, что рационализм начал действовать до того, как он получил это имя, в своей специальной философской форме, так же, как мы видели это в случае с протестантизмом; в конце концов, и сам «гуманизм» Ренессанса был не что иное, как прямой

предшественник рационализма, собственно говоря, потому что тот, кто говорит «гуманизм», высказывает тем самым претензию все свести к чисто человеческим элементам, следовательно, (по крайней мере фактически, если ещё и не в специально сформулированной теории) исключить всё то, что относится к сверхиндивидуальному порядку. Затем надо было полностью обратить внимание индивида к внешним и чувственным вещам, чтобы, так сказать, запереть его не только в человеческой области, но и через ещё гораздо более узкое ограничение, в одном только телесном мире; в этом состоит отправная точка всякой современной науки, которая, двигаясь постоянно в этом направлении, должна сделать это ограничение все более и более эффективным. Учреждение научных теорий или, если угодно, философско-научных, также должно было происходить постепенно; и (мы должны здесь обобщенно напомнить то, что уже говорили) механицизм прямо уготовил путь материализму, который должен был отметить, в некотором роде неисцелимым образом, редукцию ментального горизонта к телесной области, рассматриваемой с этих пор как единственная «реальность», к тому же лишённая всего того, что могло бы рассматриваться как нечто просто «материальное»; естественно, выработка самого понятия «материи» физиками играло в этом важную роль. С этого времени, собственно говоря, мы вступили в «царство количества»; профанная наука, всегда бывшая, начиная с Декарта, механицистской, со второй половины XVIII века ставшая более специально материалистической, должна была в своих последовательно возникающих теориях становиться все более и более количественной, в то время как материализм, внедрившись в общую ментальность, стал насаждать там эту установку, независимо от всякого теоретического утверждения, но тем более диффузным образом, перешедшим в конце концов в нечто вроде «инстинктивного» состояния, которое мы назвали «практическим материализмом», и сама установка должна была быть ещё усилена промышленными приложениями количествен-

ной науки, результатом чего было все более и более полное прикрепление людей к одним только «материальным» реализациям. Человек «механизировал» все вещи, и в результате он пришел к «механизации» самого себя, впадая мало-помалу в состояние ложных нумерических «единств», теряющихся в единообразии и неразличимости «массы», то есть, в конце концов, во множественности; в этом состоит, конечно, самая полная победа, какую только можно вообразить, количества над качествам.

Однако, одновременно с тем, как происходила эта работа «материализации» и «квантификации», которая, впрочем, ещё не закончена и, может быть, даже никогда не будет закончена, потому что тотальная редукция к чистому количеству нереализуема в проявлении, уже началась другая работа, лишь по видимости противоположная первой, и началась она, напомним, вместе с появлением материализма, собственно говоря. Эта вторая часть антитрадиционного действия должна стремиться не к «отвердению», но к растворению, разложению; отнюдь не противореча первой тенденции, которая характеризуется редукцией к количественному, тогда, когда максимум возможного «отвердения» будет достигнут, эта тенденция должна способствовать тому, чтобы она, превзойдя свою первоначальную цель и стремясь привести непрерывность к прерывности, стала бы сама тенденцией к разложению. Эта вторая работа, которая осуществлялась как более или менее скрытая подготовка, по крайней мере, посреди ограничений, в это время также должна выйти на свет и, в свою очередь, приобрести все более и более важное значение, в то время как сама количественная наука становится менее строго материалистической в собственном смысле слова и, в конце концов, перестаёт опираться на понятие «материи», становящееся все более и более неосновательным и «ускользающим» вследствие самих теоретических разработок.

После полного, насколько возможно, закрытия телесного мира, нужно было, не позволяя восстановить никакой связи

с высшими сферами, открыть его снизу, чтобы дать доступ деструктивным и разлагающим силам из низшей тонкой области; именно «развязывание», можно сказать, этих сил и их введение в действие для завершения извращения нашего мира и приведения его действительно к окончательному разложению и составляет эту вторую часть или вторую фазу, о которой мы только что говорили. Можно даже сказать, что, в действительности, здесь есть две отдельные фазы, хотя частично они и одновременны, так как в «плане» всего ансамбля современного извращения они логически следуют друг за другом и полностью осуществляются лишь последовательно; впрочем, как только материализм был конституирован, первая фаза виртуально, в определённом роде, была уже выполнена и должна была лишь развернуться через развитие того, что уже имплицитно содержалось в самом материализме; и как раз тогда началась подготовка второй фазы, лишь только первые следствия которой видны в настоящее время, но однако, следствия эти достаточно уже явны для того, чтобы предвидеть то, что из этого последует, и чтобы можно было сказать, без всяких преувеличений, что именно этот второй аспект антитрадиционной деятельности с настоящего момента выходит на первый план на самом деле в намерениях того, что мы общим образом обозначили вначале как «противник» и что мы можем более точно назвать «контриницииацией».

Глава XXIX. Отклонение и переворачивание

Мы рассматривали антитрадиционную деятельность, с помощью которой в некотором роде «сфабрикован» современный мир, как производящую, в целом, работу отклонения по отношению к нормальному состоянию, присущему всякой традиционной цивилизации, каковы бы ни были её частные формы; это легко понять и не требует обширных комментариев. С другой стороны, необходимо делать различие между отклонением и переворачиванием: отклонение происходит, можно сказать, через бесконечное множество степеней, так что оно осуществляется мало-помалу и как бы незаметно; пример этого мы видим в постепенном нисхождении современной ментальности от гуманизма и рационализма к механицизму, потом к материализму, и следуя этому процессу, профанная наука вырабатывала последовательно теории все более и более количественного характера, что позволяет сказать, что всё это отклонение с самого своего начала постоянно стремилось в прогрессирующей степени установить царство количества. Но когда отклонение дошло до своего последнего предела, то оно достигло истинного «переворота», то есть состояния, которое диаметрально противоположно нормальному порядку, и именно тогда можно, собственно, говорить о «переворачивании», следуя этимологическому смыслу этого слова; разумеется, это «переворачивание» никоим образом нельзя смешивать с тем «обращением вспять», о котором мы говорили в связи с последней точкой цикла, и оно ей даже в точности противоположно, поскольку это «обращение вспять», наступая как раз после «переворачивания» и в тот самый момент, когда оно кажется окончательным, есть в реальности «возрождение», восстанавливающее нормальный порядок и вновь учрежда-

ющее «примордиальное состояние», представляющее собой совершенство в человеческой области.

Можно сказать, что так понимаемое переворачивание вообще есть только последняя степень и завершение отклонения, или же, что ведёт к тому же, в целом, отклонение в конечном счёте ведёт не к чему-нибудь иному, как только к переворачиванию, и это действительно так; при настоящем положении вещей, хотя ещё и нельзя сказать, что произошло полное переворачивание, но уже есть очень явные знаки этого во всем том, что обладает характером «подделки» или «пародии», о чём мы много раз упоминали и к чему мы более подробно вернёмся в дальнейшем. В настоящий момент мы ограничимся в этом отношении тем замечанием, что этот характер сам по себе образует очень важный признак, указывающий на реальное происхождение того, что поражено этим и, следовательно, на само современное отклонение, поистине «сатанинскую» природу которого он делает тем самым очевидной; действительно, это последнее определение приложимо ко всему тому, что представляет собой отрицание и переворачивание порядка, и нет ни малейшего сомнения, что как раз последствия этого мы можем констатировать вокруг нас; не есть ли сам современный мир вообще не что иное, как чистое отрицание любой традиционной истины? Но в то же время этот дух отрицания есть также и, в некотором роде с необходимостью, дух лжи; он все облекает в маскарадные костюмы и нередко в самые неожиданные, чтобы нельзя было распознать его, чтобы даже заставить принять его за нечто совсем противоположное, именно так и проявляется притворство; по этому поводу можно напомнить поговорку, что «Сатана есть обезьяна Бога», а также, что он «преображается в ангела света». По сути, это позволяет сказать, что он имитирует на свой лад, искажая и фальсифицируя таким способом, чтобы всегда иметь возможность поставить это на службу своим собственным целям, имитируя то самое, чему он намеревается противостоять: он поступает таким образом, чтобы беспорядок

принял видимость ложного порядка, он скрывает отрицание всякого принципа под видом утверждения ложного принципа, и так далее. Естественно, что всё это может быть на самом деле только лишь обманным маневром или даже карикатурой, но достаточно ловко представленной для того, чтобы обмануть огромное большинство людей; и как же не удивляться, когда видишь, сколько мошеннических трюков, даже самых грубейших, с легкостью удается внушить толпе, и как, напротив, трудно после вывести её из заблуждения? *Vilgus vult decipi* («Толпа хочет быть обманутой»), как говорили уже древние в «классическую» эпоху; и всегда, несомненно, найдутся люди, хотя их никогда не было так много, как в наши дни, расположенные добавить: *ergo decipiatur* («следовательно, будем обманывать»)!

Однако, если тот, кто создаёт притворство, тем самым создаёт пародию, так как это почти синонимы, то во всех вещах такого рода непременно присутствует и гротеск, который может быть более или менее заметен, но который в любом случае не должен ускользать от наблюдателей, сколь мало ни были бы они наблюдательны, если бы всё-таки претерпеваемые ими «воздействия» не уничтожали их естественную проницательность в этом отношении. Именно этой стороной и выдает и не может не выдать себя ложь, сколь ни была бы она ловкой; и разумеется, это также и родовая «печать», неотделимая от самого притворства, которая нормальным образом должна позволять его распознавать как таковое. Если угодно здесь привести примеры, взятые среди разнообразных проявлений современного духа, то, конечно, с выбором не будет затруднений, начиная с «гражданских» и «светских» псевдоритуалов, которые получили повсюду такое распространение в эти последние годы и которые нацелены на то, чтобы предоставить «массам» чисто человеческую замену подлитых религиозных ритуалов, вплоть до экстравагантности так называемой «близости к природе», которая, вопреки своему наименованию, не менее искусственна, если не сказать «противоестествен-

на», чем те бесполезные сложности бытия, против которых они претендуют выступать со своей смехотворной комедией, истинный смысл которой состоит в том, чтобы внушить мысль, что «природное состояние» то же, что и животное состояние; это даже не простой отдых человеческого существа, которое остаётся под угрозой извращения с помощью самопротиворечивой, но очень хорошо согласующейся с демократическим «эгалитаризмом» идеи «организации досуга»[125]. Мы намеренно приводим здесь только всем известные факты, которые несомненно принадлежат к тому, что можно назвать общественной «областью» и которые, следовательно, каждый может констатировать без труда; не удивительно ли, что те, кто чувствует, мы даже не скажем, опасность, но просто смехотворность этого, столь редки и представляют собою поистине исключение? В этом отношении следовало бы говорить о «псевдорелигии», «псевдоприроде», «псевдоотдыхе» и так для многих других вещей; если угодно говорить всегда в строгом согласии с истиной, то перед обозначением любых продуктов, специфических для современного мира, следует постоянно ставить слово «псевдо», включая и профанную науку, которая также есть «псевдонаука» или призрак знания, чтобы обозначить то, чем в реальности всё это является: фальсификациями и ничем другим, и фальсификациями, цель которых слишком очевидна для тех, кто ещё способен размышлять.

Можно спросить, если вернуться к более общему уровню рассмотрения: что делает эту подделку возможной и даже тем более возможной и тем более в своем роде совершенной, если в данном случае позволительно такое выражение, чем дальше продвигается нисходящее движение цикла? Глубокая причина этого состоит в отношениях обратной аналогии, которая существует, как мы уже объясняли, между самой высокой и самой низкой точками; именно это поз-

[125] Уместно добавить, что эта «организация досуга» составляет неотъемлемую часть тех усилий, которые, как мы уже говорили выше, должны вынудить людей жить «сообща» насколько возможно в большей степени.

воляет реализовать в той мере, которая соответствует приближению к области чистого количества, те виды подделок изначального единства, которые проявляются в «единообразии» и «простоте», к которым тяготеет современный дух и которые являются как бы самым полным выражением его усилия свести все вещи к количественной точке зрения. Именно это, может быть, лучше всего показывает, что отклонение должно, так сказать, развернуться и дойти до конца, чтобы привести, собственно говоря, к переворачиванию, так как именно о переворачивании здесь уместно, в действительности, говорить, когда то, что есть самого низшего (поскольку здесь речь идёт о самом низшем из всякого возможного бытия), стремится имитировать и подделывать высшие и трансцендентные принципы. Однако следует напомнить, что по самой природе вещей тенденция к чистому количеству никогда не может достичь своего полного успеха; чтобы переворачивание могло полностью совершиться, надо, следовательно, чтобы вмешалось нечто другое, и в этом отношении мы могли бы повторить, став на несколько иную точку зрения, то, что мы раньше уже сказали относительно разложения; к тому же, очевидно, что речь в обоих случаях одинаково идёт о том, что относится к последнему сроку циклического проявления; и именно «восстановление» последнего мгновения должно обнаружиться самым точным образом как переворачивание всех вещей по отношению к состоянию перевёрнутости, в котором они находились непосредственно перед этим мгновением.

Учитывая это последнее, только что сказанное замечание, можно ещё добавить следующее: первая из двух фаз, которые мы различили в антитрадиционной деятельности, представляет собой работу отклонения, действительное окончание которой есть самый полный и самый грубый материализм; что касается второй фазы, то она более специальным образом может быть охарактеризована как работа переворачивания (так как именно к этому она непосредственно ведёт), до того момента, как закончится учреждени-

ем «духовности наизнанку», как мы это уже назвали и что далее будет ещё яснее. Тонкие низшие силы, которые призываются в этой второй фазе, поистине могут быть квалифицированы как «переворачивающие» силы со всех точек зрения; мы также могли применять слово «переворачивание» в случае употребления «наоборот» всего того, что осталось от древних традиций, покинутых духом; впрочем, всегда в сходных случаях речь идёт об этом, так как в таких условиях эти испорченные остатки с необходимостью сами падают в низшие районы тонкой области. Мы дадим другой, особенно четкий пример работы переворачивания, который представляет собою намеренное переворачивание законного и нормального смысла традиционных символов; к тому же, это предоставит нам случай более полно высказаться по вопросу двойного смысла, который вообще содержат символы сами по себе и на который по ходу нашего настоящего исследования мы достаточно часто опирались, чтобы счесть уместным дать теперь несколько уточнений.

Глава XXX. Переворачивание символов

Иногда удивляются, что один и тот же символ может быть взят в двух смыслах, которые, по крайней мере по видимости, являются прямо противоположными один другому; при этом, разумеется, речь не идёт просто о множественности смыслов, которую вообще может представлять всякий символ в соответствии с точкой зрения или уровнем, на котором его рассматривают, это ведёт к тому, что символизм никогда не может быть «систематизирован» никоим образом, но более специально речь идёт о двух аспектах, которые связаны между собою определённым отношением корреляции, принявшей форму оппозиции таким образом, что один из них будет инверсией или «негативом» другого.

Чтобы понять это, надо исходить из рассмотрения двойственности, предполагаемой любым проявлением и, следовательно, обуславливающей его во всех его модусах, в которых она должна обнаруживаться в той или иной форме[126]; на самом деле, эта двойственность есть взаимодополнительность, собственно говоря, а не оппозиция; но обе стороны, которые в реальности являются взаимодополнительными, также могут обнаруживаться с более внешней и более случайной точки зрения как противоположные[127]. Всякая оппозиция как таковая существует лишь на определённом уров-

[126] Поскольку ошибки в языке происходят довольно часто и доставляют большие неудобства, то небесполезно уточнить, что «двойственность» и «дуализм» совершенно разные вещи: дуализм (наиболее известный пример которого есть картезианская концепция «духа» и «материи») состоит, собственно, в рассмотрении двойственности как несводимой и не имеющей ничего по другую сторону от нее, что предполагает отрицание общего принципа, из которого обе стороны дуальности следуют, в реальности, через «поляризацию».

[127] См. «Символизм креста», гл. VII.

не, поскольку, возможно, из них нет ни одной несводимой; на более высоком уровне она разрешается в дополнительности, в которой обе стороны оказываются уже примиренными и гармонизированными, до того как окончательно вступить в единство общего принципа, из которого они проистекают обе. Можно было бы, таким образом, сказать, что точка зрения дополнительности это в определённом смысле посредник между оппозицией и приведением к единообразию; и каждая из этих точек зрения имеет своё основание существования и свою собственную ценность в том порядке, к которому она применяется, хотя, очевидно, что эти точки зрения не находятся на одном и том же уровне реальности; следовательно, важно поместить каждый аспект на своё иерархическое место и не пытаться переносить его в ту сферу, в которой он не имеет уже никакого приемлемого значения.

В этих условиях понятно, что факт рассмотрения в одном символе двух противоположных аспектов сам по себе ничего незаконного не имеет, и рассмотрение одного из этих аспектов ни в коем случае не исключает другого, поскольку каждый из них равным образом истинен в некотором отношении, а по причине их корреляции, существование их в некотором роде даже согласовано. Вообще довольно частой ошибкой является мнение, что соответствующее рассмотрение одного или другого из этих аспектов должно соотноситься с учениями или школами, которые также находятся в оппозиции[128]; здесь все зависит лишь от преобладания, придаваемого одному аспекту над другим или же, иногда, тому намерению, с которым этот символ может быть использован, например, как элемент, входящий в определённые ритуалы, или же как средство узнавания для членов определённых организаций; но к этому мы ещё вернёмся. То, что оба аспекта могут быть объединены в одном и том же слож-

[128] Мы должны указать на ошибку такого рода в случае изображения свастики с указанием вращения в противоположные стороны («Символизм креста», гл. X).

ном символическом изображении, успешно доказывает, что они вовсе не исключают друг друга и могут рассматриваться одновременно; в этом отношении следует отметить, хотя мы не можем это здесь развить полностью, что двойственность, которая может быть и оппозицией, и дополнительностью в соответствии с точкой зрения, на которую становимся, может располагаться, в зависимости от размещения её сторон друг относительно друга, либо в вертикальном направлении, либо в горизонтальном; это следует непосредственно из крестообразной четырёхчастной схемы, которая может распадаться на две двойственности, вертикальную и горизонтальную. Вертикальная двойственность может быть соотнесена с двумя сторонами оси или с двумя противоположными направлениями, по которым можно двигаться по этой оси; горизонтальная двойственность относится к тем элементам, которые располагаются симметрично с одной и с другой стороны этой самой оси. В качестве примера можно привести в первом случае два треугольника печати Соломона (а также и все другие символы аналогии, которые строятся по сходной геометрической схеме), а как пример второго случая — две змеи кадуцея: и можно заметить, что только в вертикальной двойственности обе стороны чётко отличаются одна от другой по их обратной позиции, тогда как в горизонтальной двойственности они могут казаться совершенно сходными или эквивалентными, когда их рассматривают по отдельности, но значение их, тем не менее, реально противоположно как в том случае, так и в другом. Можно также ещё сказать, что в пространственном порядке вертикальная двойственность — это верх и низ, а горизонтальная — это правизна и левизна; это наблюдение может казаться слишком очевидным, но от этого оно не перестаёт быть важным, поскольку символически (и это приводит нас к собственно качественной ценности направлений пространства) обе эти пары терминов сами допускают разнообразные приложения, следы которых нетрудно открыть

и в повседневном языке, что указывает на то, что речь идёт о вещах очень общего значения.

Из всего этого, возведенного в принцип, без труда можно вывести некоторые последствия, касающиеся того, что можно было бы назвать практическим использованием символов; но в этом отношении надо прежде всего рассмотреть более конкретно тот случай, когда оба противоположных аспекта принимаются соответственно в качестве «благотворного» и «пагубного». Мы должны сказать, что используем эти выражения за неимением лучших, как это мы уже делали и раньше; действительно, несообразно предполагать, что здесь допускается более или менее «моральная» интерпретация, тогда как в реальности ничего подобного нет, и что эти выражения должны пониматься в чисто «техническом» смысле. Более того, должно быть хорошо понятно, что «благотворное» или «пагубное» качество не прикреплено неким абсолютным образом к какому-нибудь из этих аспектов, поскольку оно, собственно, соответствует лишь специальному применению, к которому невозможно свести без различия любую, какую бы то ни было противоположность, и что в любом случае оно с необходимостью исчезло бы при переходе от точки зрения противоположности к точке зрения дополнительности, для которой такой тип рассмотрения абсолютно чужд. В этих границах и учитывая эти оговорки, такая точка зрения занимает своё нормальное место среди других; но именно из этой точки зрения или, скорее, из тех злоупотреблений, которым она даёт место при интерпретации и использовании символизма, следует та переворачивающая деятельность, о которой мы специально хотим здесь сказать, образующая одну из характерных «отметок» того, что, сознательно или нет, раскрывает сферу «контриниции» или оказывается более или менее под её влиянием.

Это переворачивание может состоять либо в приписывании «пагубному» аспекту, осознаваемому, тем не менее, как таковой, того места, которое нормальным образом должно принадлежать «благотворному» аспекту, в признании даже

некоего господства над ним, либо в интерпретации символов в обратном законному смыслу значении, рассматривая как «благотворный» тот аспект, который в реальности является «пагубным», и наоборот. Однако следует заметить, что, учитывая только что нами сказанное, такая деятельность по переворачиванию может и не быть ясно видимой в представлениях символов, поскольку эти два аспекта не обозначены внешним различием, распознаваемым с первого взгляда: так, в изображениях, которые принято называть, впрочем, очень неточно, «культом змеи», часто априори бывает невозможно сказать, по крайней мере, если рассматривать только саму змею, идёт ли речь об Ἀγαθοδαίμων или о Κακοδαίμων; отсюда многочисленные ошибки, особенно со стороны тех, кто, это двойное значение игнорируя, старается увидеть везде и повсюду лишь один только «пагубный» символ, как это и происходит уже довольно давно среди большинства западных людей[129]; то, что мы здесь сказали о змее, можно также применить к большинству других символических животных, по отношению к которым обычно привыкли, каковы бы ни были причины этого, рассматривать лишь один из двух противоположных аспектов, имеющихся у них в реальности. Для тех символов, которые могут занимать две противоположные позиции, и особенно для тех, которые сводимы к геометрическим формам, может показаться, что различие должно проявляться гораздо более чётко; и тем не менее, фактически так не происходит, поскольку обе позиции одного и того же символа могут иметь законное значение, и при этом их отношение не обязательно будет «благотворным» или «пагубным», что есть, повторим это ещё раз, просто одно из частных приложений среди прочих. В подобном случае важно знать, присутствует ли реально воля к «переворачиванию», как можно было бы выразиться, определенно противоречащая законному, нормаль-

[129] По этой причине даже сам дальневосточный дракон, который на самом деле является символом Дерева, часто интерпретировался как «дьявольский» символ из-за западного невежества.

ному значению символа; вот почему, например, использование перевёрнутого треугольника далеко не всегда есть знак «чёрной магии», как полагают некоторые[130], хотя это и так в некоторых случаях на самом деле, а именно в тех, когда с ним связывается намерение, противоположное тому, которое выражается в треугольнике, вершина которого повернута кверху; отметим попутно, что такое намеренное «переворачивание» осуществляется также и со словами и с формулами, чтобы образовать что-то вроде мантры наоборот, как это можно констатировать в некоторых практиках колдовства, даже в простом «деревенском колдовстве», как оно ещё существует на Западе.

Таким образом, ясно, что вопрос о переворачивании символов достаточно сложен и, мы бы даже сказали, достаточно тонок, так как для того, чтобы знать, с чем имеют дело действительно в том или ином случае, необходимо изучать не столько изображения, взятые, так сказать, в их «материальности», сколько те интерпретации, которыми они сопровождаются и с помощью которых объясняется то намерение, которое предшествовало их применению. Более того, самой опасной и самой умелой деятельностью по переворачиванию является, конечно, такая, которая не нарушает слишком явных особенностей, хорошо заметных любому, но которая деформирует смысл символов или переворачивает их значение, ничего не меняя в их внешнем виде. Но может быть, из всех самая дьявольская хитрость состоит в том, чтобы самому ортодоксальному символизму, такому, какой существует в подлинных традиционных организациях и, конкретнее, в инициатических организациях, которые как раз в подобном случае и имеются в виду, дать обратную интерпретацию, которая и является, собственно, свидетельством «контриниициации»; и она не преминет воспользоваться этим средством, чтобы произвести смешения и двусмысленности, из которых она может извлечь определённую выгоду.

[130] Нам известны такие интерпретации перевернутых треугольников, которые фигурируют в алхимических символах элементов!

В этом, по сути, и состоит весь секрет некоторых кампаний, очень показательных для стиля современной эпохи, проводимых против той или иной формы инициации в частности, при бессознательной поддержке людей, которые были бы по большей части удивлены и даже приведены в ужас, если бы могли отдать себе отчет в том, для чего их используют; к несчастью, иногда бывает так, что те, кто думает, что сражается с дьяволом, каких бы идей они при этом ни составляли себе, оказываются таким образом просто-напросто, без всякого сомнения, превращенными в его лучших слуг!

Глава XXXI. Традиция и традиционализм[A]

Фальсификация всех вещей, являющаяся одной из характерных черт нашей эпохи, как мы уже говорили, не есть ещё само переворачивание, но она достаточно непосредственно участвует в его подготовке; и может быть, лучше всего об этом свидетельствует то, что можно назвать фальсификацией языка, то есть неправильное использование некоторых слов, искажающее их истинный смысл, использование, которое в некотором роде навязывается постоянным внушением со стороны всех тех, кто под тем или иным предлогом осуществляют определённое влияние на общественную ментальность. Речь уже не идёт только о том вырождении, о котором мы говорили выше, и благодаря которому многие слова утратили качественный смысл, которым они обладали вначале, сохранив только один количественный смысл; речь, скорее идёт об «искажении», когда слова применяются к вещам, к которым они не имеют ни малейшего отношения и даже иногда противоположны тому, что они значат нормальным образом. В этом заключается, прежде всего, очевидный симптом интеллектуального беспорядка, царящего повсюду в современном мире; но не следует забывать, что сам этот беспорядок нужен тому, кто скрывается за всем современным отклонением; как раз такая мысль приходит, когда видишь, как сразу со всех сторон возникают попытки неправомерного использования понятия «традиция» людьми, которые хотели бы неподобающим образом приспособить то, что оно в себе заключает, к своим собственным концепциям в какой-нибудь одной области. Разумеется, речь не

[A] Глава представляет собой переработанный вариант статьи «Традиция и традиционализм», опубликованной в журнале «Исследования Традиции» в номере за октябрь 1936; текст статьи заметно отличается. [Прим. ред.]

идёт о том, чтобы не доверять доброй воле тех или иных людей, так как в большинстве случаев это скорее всего простое непонимание; невежество большинства наших современников в отношении всего того, что на самом деле обладает традиционным характером, является столь полным, что этому можно даже и не удивляться; но в то же время необходимо признать также, что эти ошибочные интерпретации и невольные недоразумения слишком хорошо служат некоторым «планам», чтобы не спросить себя, не обязана ли их растущая «диффузия» какому-нибудь из тех «внушений», которые господствуют в современной ментальности и которые всегда по существу стремятся как раз к разрушению всего того, что есть традиция в подлинном смысле этого слова.

Сама современная ментальность во всем, что характеризует её как таковую, повторим ещё раз (это никогда нелишне повторить), является продуктом обширного коллективного внушения, которое, не прекращаясь в ходе многих веков, определило создание и прогрессирующее развитие антитрадиционного духа, в котором окончательно сосредоточивается весь ансамбль отличительных черт этой ментальности. Но сколь бы ни было сильным и изощренным это внушение, может прийти такой момент, когда состояние беспорядка и нарушения равновесия станет настолько явным, что его не смогут больше не замечать, и тогда, возможно, произойдет «реакция», подвергающая опасности сам этот результат; представляется, что сегодня происходит именно это, и замечательно, что этот момент как раз совпадает по своего рода «имманентной логике» с тем моментом, в котором заканчивается чисто негативная фаза современного отклонения, обнаруживающего себя в полном и бесспорном господстве материалистической ментальности. Именно отсюда происходит на самом деле фальсификация идеи традиции (стремящаяся отклонить от цели эту «реакцию»), ставшая возможной из-за невежества, о котором мы только что говорили и которое само является одним из следствий негативной фазы: сама идея традиции была разрушена до такой степе-

ни, что те, кто стремится её обнаружить, не знают в какую сторону направляться, и оказываются готовы принять любую ложную идею, которую им представят под этим именем вместо неё. Они, по крайней мере до некоторой степени, отдают себе отчет в том, что были обмануты открыто антитрадиционными внушениями и что навязанные им таким способом убеждения представляют собой лишь ошибку и разочарование; это, разумеется, кое-что значит относительно «реакции», о которой мы только что говорили, но несмотря ни на что, если дело ограничивается этим, никакого реального результата из этого не может последовать. Это хорошо заметно в работах, довольно редких, в которых можно встретить самую справедливую критику в адрес современной «цивилизации», но где, как мы уже раньше сказали, предусматриваемые для исцеления от обнаруживаемых зол средства до странности диспропорциональные и незначительные, даже в определённом роде ребяческие: это, можно сказать, «школьные» или «академические» проекты, но не более; здесь нет ничего такого, что свидетельствовало бы о малейших познаниях более глубокого порядка. На этой стадии усилие, сколь ни было бы оно похвальным и достойным, легко может превратиться в деятельность, которая по-своему и независимо от какой-либо видимости будет в конце концов только лишь способствовать ещё большему росту беспорядка и смешения в той «цивилизации», относительно которой она, как предполагалось, должна совершить восстановление.

Те, о ком мы говорим, могут быть названы «традиционалистами» в собственном смысле слова, то есть им присуще нечто вроде стремления или склонность к традиции без всякого реального знания о ней; последнее обстоятельство как раз и позволяет отличить от любой разновидности «традиционализма» подлинный дух традиции, который, напротив, по существу, предполагает такое познание и который, некоторым образом, имеет дело только с этим самым познанием. Иными словами, «традиционалист» является и не может

не быть лишь простым «искателем», и поэтому ему всегда угрожает опасность сбиться с пути, ввиду невладения принципами, единственно способными задать безошибочное направление; разумеется, эта опасность будет возрастать в том случае, если он на своем пути встретит определённые ложные идеи, которые в таком случае играют роль своеобразных ловушек, порождённых действующей властью иллюзии, крайне заинтересованной в том, чтобы он не достиг истинной цели своего поиска. Действительно, очевидно, что эта власть может удержаться и продолжать оказывать своё воздействие лишь при условии, что любое восстановление идеи традиции будет невозможным, и это условие становится особенно важным в момент перехода далее к новой фазе переворачивания, следующей за той, которую мы назвали негативной. Для этой силы, следовательно, также важно увести в сторону исследования стремящиеся к традиционному знанию, чтобы, с другой стороны, те, кто рассматривает происхождение и реальные причины современного отклонения, и способные при этом раскрыть в какой-либо степени истинную природу названной силы и средства её воздействия; эти две особенности одинаково обязательны и взаимодополняющи, и их можно обосновано рассматривать как позитивный и негативный аспект плана, ставящего своей целью достижение полного господства.

Любое злоупотребление словом «традиция» может так или иначе способствовать переходу современного мира в эту новую фазу, и в первую очередь самое вульгарное искажение, при котором это слово рассматривается как синоним «обычая», или «привычки», и смешивается тем самым с вещами, принадлежащими самому низкому уровню человеческого бытия и поэтому совершенно лишёнными какого-либо глубокого смысла. Но существуют другие, более тонкие искажения, и именно поэтому более опасные; все они, впрочем, имеют общее свойство низводить идею традиции на чисто человеческий уровень, но как раз наоборот, бывает и может быть чисто традиционным только то, что предпола-

гает наличие элемента сверхчеловеческого порядка. В этом и состоит, в действительности, существенный пункт, который в определённом смысле конституирует само определение традиции и всего того, что с ней связано; и, разумеется, именно этому пониманию надо любой ценой помешать возникнуть, чтобы держать современную ментальность в заблуждении и даже наделить её и новыми иллюзиями, которые, помимо подавления стремления к восстановлению сверхчеловеческого, должны напротив, более действенно направлять современную ментальность к самым худшим модальностям инфрачеловеческого. Чтобы убедиться в важности, придаваемой отрицанию сверхчеловеческого сознательными и бессознательными агентами современного отклонения, надо только посмотреть, сколькие из тех, кто претендует называться «историками» религий и других форм традиции (которые они смешивают под одним и тем же названием «религии») упорно их объясняют прежде всего чисто человеческими факторами; не имеет значение то, что эти факторы будут, в зависимости от школы, психологическими, социальными или какими-то другими, сама множественность объяснений, представленных таким образом, позволит легче сбить с толку большее число людей; постоянным остаётся твердо принятое решение все сводить к человеческому и не оставлять ничего, что превосходило бы его; те, кто верит в ценность этой деструктивной «критики», отныне расположены смешивать традицию со всем чем угодно, потому, что в идее, которую им вбили в головы, больше уже ничего нет такого, что реально отличало бы её от других вещей, лишённых всякого традиционного характера.

Если бы всё то, что проистекает от чисто человеческого порядка, не квалифицировалось ошибочным образом как традиционное, то в таком случае не было бы, например, «философской традиции» или «научной традиции» в современном и профанном смысле этого слова; и, разумеется, тем более не было бы «политической традиции», по крайней мере там, где отсутствует всякая традиционная социальная

организация, как это и происходит в современном западном мире. Тем не менее, таковы лишь некоторые выражения, используемые сегодня повсеместно в качестве искажений идеи традиции; само собою разумеется, что если «традиционалистские» умы, о которых мы говорили выше, позволяют обратить свою деятельность в одну из этих областей и ею ограничить свои усилия, то их устремления оказываются таким образом нейтрализованными и становятся совершенно безобидными, или даже используются без их ведома в направлении, в точности противоположном их начальным намерениям. На деле доходит до того, что имя «традиции» применяется к вещам, которые по самой своей природе настолько явно антитрадиционны, насколько это вообще возможно: говорят о «гуманистической традиции» или же о «национальной традиции», тогда как «гуманизм» есть не что иное, как само отрицание сверхчеловеческого, а установление «национальностей» было средством, используемым для разрушения традиционной социальной организации средних веков. Можно не удивляться, в этих условиях, если однажды станут говорить также о «протестантской традиции», признают даже «светскую традицию» или же «революционную традицию», или если сами материалисты закончат тем, что объявят себя защитниками «традиции» просто в качестве представителей чего-то такого, что просто принадлежит уже по большей части прошлому! На том уровне умственного смешения, которого уже достигло большинство людей нашего времени, любые сочетания слов, самым очевидным образом несовместимых друг с другом, уже не вызывают ни у кого удивления, которое могло бы хоть на мгновение заставить задуматься об этой несовместимости.

Это приводит нас ещё к одному важному замечанию: когда кое-кто, заметив современный беспорядок, достигший к настоящему времени слишком явной степени, (особенно когда соответствующая точка максимума «отвердения» была пройдена) хочет «отреагировать» тем или иным способом, то не является ли лучшим средством сделать неэффек-

тивной эту потребность «реакции» её ориентация на какую-нибудь из предшествующих и менее не столь далеко зашедших стадий того же отклонения, когда этот беспорядок не был ещё столь явным и представлялся извне, если так можно сказать, более приемлемым для того, кто ещё не был полностью ослеплен определёнными внушениями? Всякое «традиционалистское» направление, естественно, должно себя объявлять «антисовременным», но несомненно, оно не в меньшей степени может оказаться заражено современными идеями в более или менее ослабленной (но тем самым и труднее различимой) форме, фактически же соответствующей, тем не менее, тому или иному этапу, проходимому этими идеями по ходу их развития; здесь невозможны никакие уступки, даже невольные и бессознательные, так как от начального момента до современного их завершения и даже далее, все происходит и следует друг за другом в неразрывной взаимосвязи. В этой связи мы добавим ещё следующее: работа, цель которой состоит в том, чтобы помешать любой «реакции», целящейся дальше, нежели только на возврат некоего меньшего беспорядка, прикрывающей, к тому же, его характер и позволяющей объявить его «порядком», в точности соединяется с той, которая исполняется с другой стороны для проникновения современного духа внутрь того, что ещё осталось существовать на Западе от традиционных организаций любого порядка; в обоих случаях достигается такой же эффект «нейтрализации» сил, которые могли бы иначе оказать серьёзное противодействие. Однако только о нейтрализации здесь говорить не приходится, так как из борьбы, которая неизбежно должна вестись между элементами, оказавшимися, таким образом, приравненными друг к другу и находящимися на одном уровне, взаимная вражда которых, по сути, есть вражда, между различными и лишь внешне противоположными друг другу производными всё того же современного отклонения; в конечном счёте из этого может выйти только новое увеличение беспо-

рядка и смешения, что будет лишь ещё одним шагом к окончательному распаду.

Среди всех этих более или менее бессвязных течений, которые в настоящее время мечутся и сталкиваются друг с другом, всех этих внешних «движений», какого бы рода ни были они, нельзя, используя общепринятое выражение, «принять чью-то сторону», с точки зрения традиционной или даже просто «традиционалистской», так как это означает быть одураченным; и поскольку в реальности за всеми этими векторами стоят одни и те же влияния, то, вмешиваться в невидимо направляемую и угодную им борьбу означает играть в их игру; таким образом, «принятие чьей-либо стороны» в этих условиях (сколь бессознательно бы это ни происходило), означает поддержку поистине антитрадиционного устремления. Мы не хотим здесь приводить отдельные примеры, но, по крайней мере, мы должны констатировать самым общим образом, что во всём этом равным образом отсутствуют принципы, хотя, конечно, никогда столько не говорили о «принципах», как это делают сегодня со всех сторон, почти без различия применяя это обозначение ко всему тому, что меньше всего этого заслуживает, и даже иногда к тому, что, напротив, предполагает отрицание всякого истинного принципа; и этот ещё один пример злоупотребления словом особенно значим для реальной тенденции той самой фальсификации языка, типичным примером которой является извращение слова «традиция», на котором мы остановились отдельно, т. к. это самым непосредственным образом связано с предметом нашего изучения, и должно дать нам общий вид последних фаз циклического «спуска». На самом деле мы не можем останавливаться на точке, представляющей, собственно, апогей «царства количества», так как то, что за ней следует, слишком тесно связано с тем, что ей предшествует, чтобы можно было бы выделить её как-то иначе, а не чисто искусственным образом; мы не делаем «абстракций», что, в конечном счёте, есть лишь форма «упрощения», столь дорогого для современной

ментальности, но мы, напротив, хотим, насколько это возможно, рассмотреть реальность такой, какая она есть, не отсекая от неё ничего существенного для понимания условий современной эпохи.

Глава XXXII. Неоспиритуализм

Мы только что говорили о тех, кто, желая выступить против современного беспорядка, но не имея достаточных познаний для того, чтобы это сделать действенным образом, оказывается некоторым образом «нейтрализованным» и направленным по тупиковым путям; но наряду с ними есть ещё и такие, которых слишком легко подтолкнуть ещё дальше по той дороге, которая ведёт к переворачиванию. При настоящем состоянии вещей чаще всего принимается предлог «битвы с материализмом», и разумеется, большинство этому искренне верит; тогда как другие, если они хотят действовать в этом направлении, просто приходят к банальностям туманной «спиритуалистской» философии, не имеющей никакого реального значения, но, по крайней мере, почти безопасной, — эти ориентированы на область чистых психических иллюзий, что гораздо более опасно. Действительно, тогда как первые все более или менее заражены помимо их воли современным духом, но при этом не настолько глубоко, чтобы быть совершенно ослепленными, то те, о которых сейчас идёт речь, им проникнуты совершенно и, в основном, даже почитают за славу быть «современными»; единственное, что их отталкивает среди различных проявлений этого духа, это материализм, и они так загипнотизированы этой единственной идеей, что даже не видят, что очень многие вещи, такие, как наука и промышленность, которыми они восхищаются, непосредственно зависят, по своему происхождению и по самой природе, от того самого материализма, который вызывает у них ужас. И тогда легко понять, почему такая установка теперь должна поощряться и распространяться: они являются её лучшими бессознательными помощниками, которых только можно найти во

второй фазе для антитрадиционного действия; материализм почти закончил играть свою роль, и именно они будут распространять в мире то, что за ним последует; и их даже будут использовать для активной помощи при открытии «трещин», о которых мы выше говорили, так как в этой области речь уже идёт не только об «идеях» или каких-то теориях, но одновременно и о «практике», которая ставит их в прямое отношение с тонкими силами самого низшего порядка; впрочем, они предаются этому тем более охотно, что находятся в полнейшей иллюзии относительно подлинной природы этих сил и доходят даже до того, что придают им «духовный» характер.

Мы это вообще назвали «неоспиритуализмом», чтобы отличить от простого философского «спиритуализма»; мы могли бы здесь ограничиться лишь его упоминанием, поскольку уже посвятили специальные исследования двум из его наиболее распространенных форм[131]; но он представляет собою слишком важный элемент среди особо характерных для современной эпохи, чтобы мы могли не напомнить о нём здесь, по крайней мере, в главных чертах, опуская, впрочем, на время аспект «псевдопосвящения», свойственный большинству связанных с этим школ (за исключением, однако, спиритических школ, открыто профанных, что, впрочем, вызвано их крайней «популяризацией»), так как мы специально вернёмся к этому несколько позже. Прежде всего следует отметить, что речь здесь вовсе не идёт об однородном ансамбле, но о чём-то, имеющим множество различных форм, хотя всё это обладает всегда достаточно общими чертами, чтобы было законно объединить это под одним наименованием; но самым любопытным является то, что все группы, школы и «движения» такого рода постоянно конкурируют и даже воюют друг с другом до такой степени, что трудно найти где-нибудь в другом месте, разве что среди политических «партий», ненависть столь же неистовую, как та,

[131] «Заблуждение спиритизма» и «Теософизм: история одной псевдорелигии».

которая существует между их сторонниками, тогда как по странной иронии все эти люди, тем не менее, обладают манией проповедовать «братство» по любому поводу и без всякого повода! Поистине в этом есть что-то «хаотическое», что может производить впечатление доведенного до предела беспорядка даже на поверхностного наблюдателя; фактически, это есть знак того, что этот «неоспиритуализм» представляет собою этап, уже достаточно далеко продвинувшийся по пути распада.

С другой стороны, «неоспиритуализм», вопреки отвращению, выказываемому им по отношению к материализму, сходен с ним, однако, больше, чем одной только стороной, так что достаточно справедливо можно использовать по отношению к нему выражение «преобразованный материализм», то есть, по сути, распространенный за пределы телесного мира; особенно чётко это видно на его грубых представлениях тонкого и так называемого «духовного» мира, о чём мы уже выше упоминали, которые есть не что иное, как образы, заимствованные из телесной сферы. Тем, что можно называть его «сайентистской» стороной, этот самый «неоспиритуализм» также придерживается предшествующих этапов; и это мы уже отмечали, говоря о влиянии, осуществляемом на эти различные школы научной «мифологией» с момента их рождения; уместно совершенно особо отметить также ту важную роль, которую в их концепции играют, самым всеобщим образом и без всякого исключения, «прогрессистские» и «эволюционистские» идеи, являющиеся одними из наиболее типичных отметок современной ментальности и которых одних только было бы достаточно для характеристики этих концепций как одного из самых бесспорных продуктов этой ментальности. Добавим, что те самые из этих школ, которые стараются придать себе «архаический» вид, по-своему используя фрагменты плохо понятых и деформированных традиционных идей или одевая, в случае необходимости, современные идеи словами, заимствованными из какой-нибудь восточной или западной фор-

мы (всё это, скажем по ходу дела, находится в полном противоречии с их верой в «прогресс» и в «эволюцию»), постоянно заняты согласованием этих древних или предполагаемых древними идей с теориями современной науки; эта работа, впрочем, без конца переделывается по мере того, как эти теории меняются, но надо сказать, что те, кто этим занят, имеют перед собой упрощенную работу, поскольку они почти всегда придерживаются того, что можно найти в «популярных» произведениях.

Кроме того, «неоспиритуализм» своей, согласно нашей квалификации, «практической» стороной также очень соответствует «экспериментальным» тенденциям современной ментальности; и именно этим ему мало-помалу удается осуществить заметное влияние на саму науку и проникать туда посредством того, что называется «метафизикой». Несомненно, феномены, к которым она имеет отношение, сами по себе заслуживают исследования, так же, как и феномены телесного порядка; но возражения вызывает тот способ, которым она думает их изучать, применяя к ним точку зрения профанной науки; физики (которые упорствуют в использовании своих количественных методов, вплоть до желания «взвесить душу») и даже «психологи» в официальном смысле этого слова, разумеется, настолько плохо подготовлены к изучению явлений такого рода, насколько возможно, и по этой самой причине более, чем кто-либо иной, подвержены всевозможным иллюзиям[132]. К этому можно добавить, что, в действительности, «метафизические» исследования почти никогда не бывают независимыми от поддержки со стороны «неоспиритуалистов» и, в особенности, спиритов, что, в конечном счёте, свидетельствует об их намерении заставить служить своей «пропаганде»; но, может быть, самым серьёзным в этом отношении является то, что экспериментаторы

[132] Мы имеем в виду не только ту большую или меньшую часть сознательно и бессознательно совершаемого обмана, но также и иллюзии относительно природы тех сил, которые включаются в реальное создание феноменов, называемых «метафизическими».

оказываются в таких условиях, что они вынуждены прибегать к помощи спиритов — «медиумов», то есть индивидов, предвзятые идеи которых значительно изменяют рассматриваемые феномены и придают им, можно сказать, особую «окраску», и которые, к тому же, с особой заботой (поскольку существуют даже «школы медиумов») обрабатываются для того, чтобы служить инструментом и пассивной «поддержкой» определённых влияний, принадлежащих ко «дну» тонкого мира, влияний, которые они повсюду вместе с собою «перемещают» и не преминут опасно заразить ими всех тех, учёных и всяких других, кто вступает с ними в контакт и кто в силу своего незнания о том, что содержится в глубине всего этого, не способен защищаться от этого. Мы не будем больше останавливаться на этом, потому что уже в другом месте достаточно всё это объяснили; мы можем отослать к этим разъяснениям всех тех, кто хотел бы узнать об этом подробнее; но, поскольку это совершенно особым образом характерно для современной эпохи, мы хотим подчеркнуть странность роли «медиумов» и предполагаемого необходимого их присутствия для произведения феноменов, относящихся к тонкому миру; почему в прошлом ничего подобного не существовало, что вовсе не мешало силам этого порядка спонтанно проявляться, смотря по обстоятельствам, совершенно в других размерах, чем это они осуществляют в спиритических или «метапсихических» сеансах (и довольно часто в необитаемых домах или в пустынных местах, что исключает гипотезу, слишком удобную, присутствия бессознательного «медиума» этих способностей)? Можно спросить себя, не изменилось ли в действительности что-либо со времени появления спиритизма в самом способе, которым тонкий мир действует в ходе своих «интерференции» в телесный мир, и не является ли это, по существу, лишь ещё одним новым примером изменений среды, которые мы уже рассматривали, касаясь результатов материализма; но, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в этом есть нечто, в совершенстве отвечающее требованиям «кон-

троля», осуществляемого над этими низшими психическими влияниями, «пагубными» по своей сути, чтобы их можно было использовать более непосредственно для каких-то определённых целей согласно с предустановленным «планом» работы по переворачиванию, для которой они теперь в нашем мире и «спущены с цепи».

Глава XXXIII. Современный интуиционизм

Тенденции, соответствующие в области философии и психологии второй фазе антитрадиционной деятельности, естественно выражаются обращением к «подсознательному» во всех его формах, то есть к самым низшим элементам человеческого существа; конкретно это обнаруживается, если речь идёт о собственно философии, в теориях Уильяма Джемса и в бергсоновском «интуиционизме». У нас уже выше был случай говорить о Бергсоне по поводу той критики, которую именно он сформулировал, хотя, может быть, не совсем ясно и в несколько двусмысленных терминах, в адрес рационализма и его последствий; собственно же «позитивную» (если так можно сказать) партию философии характеризует то, что вместо того, чтобы искать средство исцеления разума над ним, она, напротив, ищет его под ним; и таким образом, вместо того, чтобы обратиться к подлинной интеллектуальной интуиции, о которой она, так же, как и рационалисты, совершенно ничего не знает, она ссылается на так называемую «интуицию», принадлежащую исключительно сенситивному и «витальному» порядку, в крайне спутанном понятии о которой собственно чувственная интуиция смешана с самыми тёмными силами инстинкта и чувствования. Следовательно, явное родство этого «интуиционизма», особенно заметное в том, что можно было бы назвать его «последней фазой» (что также приложимо и к философии Уильяма Джемса), с «неоспиритуализмом» не является более или менее «случайным», поскольку, по существу, это лишь различные выражения одних и тех же тенденций: отношение одного к рационализму параллельно отношению другого к материализму; один стремится к «инфрарациональному» так же, как другой стремиться к «инфрателес-

ному» (разумеется, также бессознательно); таким образом, в обоих случаях, в конечном счёте, речь идёт об одном направлении в смысле «инфрачеловеческого».

Здесь не место изучать все эти теории детально, но по крайней мере, нам надо отметить некоторые подробности, более непосредственно относящиеся к нашему предмету, и прежде всего их столь интегрально «эволюционистский» характер, насколько это только возможно, поскольку они располагают всю реальность исключительно в «становлении», что является категорическим отрицанием всякого неподвижного принципа и, следовательно, всякой метафизики; отсюда их «ускользающая» и неосновательная манера, создающая, по контрасту с рационалистским и материалистическим «отвердением», образ, как бы предвещающий растворение всех вещей в окончательном «хаосе». Именно такой пример мы находим в том способе, каким рассматривается религия и какой представлен в одной из работ Бергсона, олицетворяющий ту «последнюю фазу», о которой только что шла речь[133]; по правде говоря, здесь нет чего-то совершенно нового, так как, по существу, отстаиваемый там тезис очень прост: известно, что для всех современных теорий является общей в этом отношении чертой то, что они хотят свести религию к чисто человеческому факту, что в результате ведёт к её отрицанию, сознательному или бессознательному, потому что это означает отказ учитывать саму её сущность; и в этом отношении бергсоновская концепция не составляет исключения. Все эти теории могут быть в целом сведены к двум главным типам: «психологическому», который претендует на то, чтобы объяснить её человеческой природой, и «социологическому», который хочет видеть в ней факт исключительно социального порядка, производя её из чего-то вроде «коллективного сознания», которое доминировало бы над индивидами и навязывалось бы им. Оригинальность Бергсона состоит только в том, что он ста-

[133] Два источника религии и морали.

рался комбинировать оба вида объяснения, и делал это довольно странным образом: вместо того, чтобы рассматривать их как исключающие друг друга, как это делают сами их представители, он их принимает сразу оба, относя к двум различным вещам, называя их, тем не менее, одним и тем же словом «религия»; рассматриваемые им два источника являются на самом деле именно этим[134]. Следовательно, для него существует два типа религий, «статическая» и «динамическая», которые он довольно странно называет «закрытой» и «открытой религией»; первая имеет социальную природу, вторая — психологическую; и естественно, именно ей он отдает свои предпочтения, её он рассматривает как высшую форму религии; мы говорим «естественно», так как совершенно очевидно, что в «философии становления», каковой она и является, не может и быть иначе, потому что для неё то, что совершенно не меняется, вовсе не отвечает никакой реальности, и даже препятствует схватить реальность таковой, какой она её понимает. Но отметим, что такая философия, для которой нет «вечных истин»[135], логическим образом должна не признавать никакой ценности не только за метафизикой, но и за религией, что на самом деле и происходит, так как религия в подлинном смысле этого слова и есть как раз то, что Бергсон называет «статической религией», в которой он хочет видеть лишь совершенно иллюзионную «игру воображения»; что же касается его «динамической религии», то, по правде говоря, это вовсе не религия.

Эта так называемая «динамическая религия», в действительности, не обладает ни одним из характерных элементов, входящих в само определение религии: нет догм, поскольку это нечто неподвижное и, как говорит Бергсон, «застывшее»; разумеется, нет, тем более, и обрядов по той же

---

[134] Что касается морали, которую мы здесь специально не рассматриваем, то предлагаемое объяснение, естественно, будет таким же, как и для религии.

[135] Следует отметить, что Бергсон, похоже, даже избегает слова «истина» и что он заменяет его почти повсюду словом «реальность», что означает для него только то, что подлежит постоянному изменению.

причине, а также из-за их социального характера; и те и другие должны быть оставлены за «статической религией»; что же касается морали, то Бергсон с самого начала оставил её в стороне, как нечто, находящееся вне религии в его понимании. И тогда больше ничего не остается, в лучшем случае, туманная «религиозность» (нечто вроде неясного устремления к некоему «идеалу», довольно сходному с идеалом модернистов и либеральных протестантов), напоминающая во многих отношениях также «религиозный опыт» Уильяма Джемса, так как всё это, очевидно, довольно близко. Это та самая «религиозность», которую Бергсон принимает за высшую религию, полагая таким образом «сублимировать» религию, как и все те, кто подчиняется той же самой тенденции, в то время как на самом деле он лишь опустошает её от всякого позитивного содержания, потому что оно в действительности не содержит в себе ничего такого, что соответствовало бы его концепциям; кроме того, несомненно, что это все, что может получиться из психологической теории, так как мы на самом деле никогда не видели, чтобы такая теория была бы способна выйти за рамки «религиозного чувства», которое, повторим, не есть религия. Эта «динамическая религия», по мнению Бергсона, находит своё высшее выражение в «мистицизме», понятом к тому же достаточно плохо и воспринятом с его самой дурной стороны, так как он превозносит его за то, что в нём есть «индивидуального», то есть смутного, бессознательного, и в некотором роде, «анархического», лучшие примеры которого, хотя он их и не приводит, можно было бы найти в некоторых «учениях» оккультистского и теософского духа. По существу, у мистиков ему нравится, это надо сказать чётко, тенденция к «блужданию», в этимологическом смысле этого слова[A], которое они слишком легко обнаруживают, будучи предоставленными сами себе. Что касается того, что составляет само основание мистицизма в собственном смысле слова, остав-

[A] *Divagation* — отклонение от пути, бред, отступление от предмета речи — прим. пер.

ляя в стороне его более или менее аномальные и «эксцентрические» отклонения, то есть его воссоединения, хотят этого или нет, со «статической религией», то он явно считает это не заслуживающим внимания; однако чувствуется, что здесь есть нечто, его смущающее, так как его объяснения по этому поводу являются весьма путанными; но это увело бы нас слишком далеко от существа нашего вопроса, если бы мы захотели более внимательно это изучить.

Если мы вернёмся к «статической религии», то увидим, что, когда речь идёт о её предполагаемых истоках, Бергсон с доверием относится ко всем россказням слишком знаменитой «социологической школы», включая и наиболее сомнительные: «магию», «тотемизм», «табу», «мана», «культ животных», «культ духов», «первобытная ментальность» — ничто не упущено из всего этого общепринятого жаргона и из всего этого обычного «хлама», если позволено так выразиться (действительно, так и должно быть, когда речь идёт о вещах такого гротескного характера). Ему самому принадлежит, может быть, та роль, которую он отводит так называемой «функции фантазии», которая нам представляется гораздо более «фантастической», чем то, объяснением чего она служит; но ведь надо вообразить себе какую-нибудь теорию, которая позволяет сразу отрицать всякое реальное основание всего того, что принято считать «суевериями»; «цивилизованная» философия и, в особенности, «философия XX века», очевидно, полагает, что всякое иное отношение было бы её недостойно! Во всём этом нам интересно только одно, а именно то, что касается «магии»; она является большой поддержкой для некоторых теоретиков, которые, несомненно, вряд ли знают, что реально она собою представляет, но хотят вывести из неё одновременно и религию и науку. Не такова позиция Бергсона: ища в магии «психологический источник», он делает из неё«экстериоризацию желания, которым наполнено сердце» и полагает, что «если восстановить при помощи интроспекции естественную реакцию человека на своё восприятие вещей, то оказывается, что магия

и религия близки друг другу, и что между магией и наукой нет ничего общего». Но правда, далее следует некоторое колебание: если встать на определённую точку зрения, то «очевидно, что магия есть часть религии», но с другой точки зрения, «религия противоположна магии»; более чётко утверждается, что «магия — это противоположность науки», что «будучи далека от того, что бы приготовить приход науки, как это предполагают, она была большим препятствием, с которым сражалось методическое познание». Всё это почти в точности противоположно истине, так как магия ничего общего не имеет с религией; она есть, конечно же, не источник всех наук, но просто частная наука среди прочих наук; но Бергсон, несомненно, убеждён, что не может существовать никаких других наук, кроме тех, которые перечисляются современными «классификациями», установленными на наиболее узко профанных позициях, какие только можно себе представить. Говоря о «магических операциях» с непоколебимой уверенностью человека, который их никогда не видел[136], он пишет такую удивительную фразу: «Как только первобытный разум начал постигать принципы, то он быстро извлек из этого опыт, который обнаруживал их ложность». Мы восхищены той отвагой, с которой этот философ, закрывшийся в своем кабинете и к тому же хорошо защищенный от атак со стороны определённых влияний, которые, конечно, были далеки от того, чтобы обвинять вспомогательное средство, настолько же причудливое, насколько бессознательное, отрицает априори всё то, что не вмещается в рамки его теорий; как может он считать людей настолько глупыми, чтобы даже и без «принципов» они без конца повторяли «операции», которые никогда бы не приводили к успеху, и что бы сказал он, если бы оказалось, что, напротив, «опыт показывает ложность» его собственных утверждений?

---

[136] Очень жаль, что Бергсон был в плохих отношениях со своей сестрой мм. Мак-Грегор (сиречь *Soror Vestigia Nulla Retrorsum*), которая могла бы его в этом отношении кое-чему обучить!

Очевидно, что он не предполагал даже, что подобное возможно; такова сила предвзятых идей, у него и у подобных ему, что они ни на мгновение не сомневаются, что мир строго ограничен по меркам их концепций (впрочем, именно это и позволяет им конструировать «системы»); и не мог ли он понять, будучи философом, что он должен, совершенно так же, как и простые смертные, воздерживаться высказывать то, чего он не знает? Однако, что касается действительной взаимосвязи между бергсоновским «интуитивизмом» и второй фазой антитрадиционного действия, происходит нечто совершенно замечательное и значимое: магия, по иронии обращения вещей, жестоко мстит нашему философу за его отрицания; вновь появившись в наши дни через недавние «трещины» этого мира, в своей одновременно самой низкой и самой рудиментарной форме, под видом «психической науки» (той, которую многие предпочитают, не очень, впрочем, удачно, называть «метафизикой»), ей удалось заставить его принять её, не распознав, не только как весьма реальную, но как должную играть главную роль в будущем его «динамической религии»! Мы ничего не преувеличиваем: он говорит о «выживании», как вульгарный спирит, он верит в «экспериментальное изучение», позволяющее «сделать вывод о возможности и даже о вероятности выживания души» (что же на самом деле следует понимать под этим, и не идёт ли речь скорее о фантасмагории «психических трупов»?); при этом, однако, нельзя сказать, происходит ли это «на время или навсегда». Это фальшивое воскресение не мешает ему восклицать в дифирамбическом тоне: «Чтобы обратиться к живой и действующей реальности, отныне больше нет надобности в веровании в потустороннее, которое, видимо, встречается у большинства людей, но чаще всего оказывается вербальным, абстрактным, недейственным… На самом деле, если бы мы были уверены, абсолютно уверены в выживании, то мы бы больше не могли думать ни о чём». Древняя магия была более научной в подлинном смысле этого слова, если и не в профанном смысле, и она не

имела подобных притязаний; необходимо было, чтобы некоторые из этих самых элементарных феноменов допускали подобные интерпретации, ожидая изобретения спиритизма, рождение которому могла дать только лишь уже продвинутая фаза современного отклонения; и действительно, именно теорию спиритов, касающуюся как раз этих феноменов, Бергсон, как и до него Уильям Джемс, воспринял, в конце концов, «с радостью», заставившею «побледнеть все удовольствия» (мы текстуально цитируем эти невероятные слова, которыми оканчивается его книга), а для нас она указывает ту степень здравого суждения, на которую способен этот философ, так как речь здесь, разумеется, не идёт о его добросовестности; профанные философы в подобных случаях, главным образом, годятся для того, чтобы играть роль одураченных и служить бессознательными «посредниками» для одурачивания многих других; как бы то ни было, что касается «суеверия», то лучшего нельзя было и пожелать; и это даёт нам самую правильную идею того, чего реально стоит вся эта «новая философия», как её любят называть её сторонники!

Глава XXXIV. Зло психоанализа[A]

Если от философии мы перейдем к психологии, то заметим, что те же тенденции проявляются в самых недавних школах и в ещё более опасном виде, так как вместо того, чтобы выражаться в простых теоретических воззрениях, они находят практическое применение очень настораживающего характера; наиболее «представительными» из этих новых методов, с нашей точки зрения, являются методы, известные под общим названием «психоанализа». К тому же следует отметить, что со странной непоследовательностью это манипулирование элементами, несомненно принадлежащими к тонкому миру, постоянно сопровождается, тем не менее, у большинства психологов материалистической установкой, которой они, без сомнения, обязаны своему предшествующему образованию, а также неведению, в котором они пребывают относительно истинной природы тех элементов, которые они приводят в действие[137]; не является ли одной из наиболее странных черт современной науки то, что она никогда в точности не знает, с чем в реальности имеет дело, даже когда речь идёт о собственно телесных силах? Впро-

[A] При написании этой главы частично использована более ранняя статья «Заблуждение психологизма» (1938); её заключительная часть вошла сюда почти дословно, тогда как вступительные разделы статьи о психологизме как таковом в книгу не вошли — прим. М. Маковчика.

[137] Случай самого Фрейда, основателя «психоанализа», совершенно типичен с этой точки зрения, так как он никогда не переставал называть себя материалистом. Однако замечание по ходу дела: почему главные представители новых тенденций, такие как Эйнштейн в физике, Бергсон в философии, Фрейд в психологии и ещё многие другие менее значительные, почти все по своему происхождению евреи, если не потому, что существует нечто, в точности соответствующее «пагубной» и разлагающей стороне сошедшего со своего пути кочевничества, которая неизбежно доминирует у евреев, оторвавшихся от своей традиции?

чем, само собою разумеется, что некая «лабораторная психология», завершение процесса ограничения и материализации, в котором «философско-литературная» психология университетского образования представляет собой лишь менее продвинутую стадию и которая есть не что иное, как нечто вроде побочной ветви физиологии, всегда сосуществует с новыми теориями и методами; именно к ней относится то, что мы говорили выше о попытках свести саму психологию к количественной науке.

Тот факт, очень значительный сам по себе, что современная психология всегда рассматривает только «подсознательное» и никогда «сверхсознательное», которое логически должно быть его коррелятором, конечно, выходит за рамки просто словарного способа выражения; не стоит сомневаться, что в этом выражается проникновение, которое совершается исключительно через низ, то есть с той стороны, которая соответствует здесь, в человеческом существе, так же, как и повсюду в космической среде, «трещинам», через которые проникают самые «пагубные» влияния тонкого мира, мы бы могли даже сказать, такие влияния, которые обладают поистине «инфернальным»[138] характером. Некоторые в качестве синонима или эквивалента термина «подсознательное» принимают термин «бессознательное», который, понятый буквально, мог бы быть отнесен к ещё более низшему уровню, но, говоря по правде, который менее точно соответствует реальности; если бы действительно речь шла о подлинно бессознательном, не ясно даже, как вообще об этом можно было бы говорить и, в особенности, в понятиях психологии; кроме того, на каком основании нужно предполагать существование в реальности чего-то бессознательного, если это не простой материалистический или механистический предрассудок? Как бы то ни было, но стоит отметить ту странную иллюзию, благодаря которой психологи

[138] Следует отметить в этой связи, что к своему «Толкованию сновидений» Фрейд предпослал следующий, весьма значительный эпиграф: *Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo* (Вергилий, Энеиды, VII, 312).

стали считать состояния тем более «глубокими», чем они оказываются более низкими; нет ли в этом уже как бы знака тенденции противления духовности, которая одна лишь может быть названа поистине глубокой, поскольку она одна соприкасается с принципом и с самим центром существа? С другой стороны, поскольку сфера психологии вовсе не простирается кверху, постольку «сверхсознательное», естественно, остаётся для неё столь же чуждым и закрытым, как и всегда; и если что-либо и встречается, относящееся к нему, то она просто присоединяет это к «подсознательному», ассимилируя с ним; именно таков почти не меняющийся характер её гипотетических объяснений, относящихся к таким вещам, как религия, мистицизм, а также некоторые аспекты таких восточных учений, как йога; в этом смешивании высшего с низшим уже есть что-то такое, что можно рассматривать, собственно, как подготавливающее настоящее переворачивание.

Отметим также, что обращением к «подсознательному» психология, так же как и «новая философия», все более и более стремится соединиться с «метафизикой»[139]; и в той же мере, она неизбежно сближается, может быть, не желая этого (по крайней мере это касается тех её представителей, которые считают себя материалистами, несмотря ни на что), со спиритизмом и с другими более или менее сходными вещами, опирающимися в конечном счёте на одни и те же тёмные элементы низшего психизма. Если эти вещи, происхождение и характер которых более чем подозрительны, имеют таким образом вид «предшествующих» и скоординированных движений психологии недавнего времени, и если ей удается, пусть ложным, но тем самым и более легким образом, чем «метафизический», который ещё обсуждается в определённых кругах, ввести упомянутые элементы в текущую жизнь той сферы, которая считается «официальной»

[139] «Психист» Майер изобрел выражение «сублимированное сознание», которое для краткости было заменено позже в словаре психологов словом «бессознательное».

наукой, то весьма трудно не признать, что истинная роль этой психологии при настоящем состоянии мира может быть только активным содействием второй фазе антитрадиционного действия. В этом отношении претензия обычной психологии, о которой сейчас шла речь, присоединить к себе некоторые вещи, искусственно относя их к подсознательному, которые полностью ускользают от неё по самой своей природе, ещё раз обнаруживает, несмотря на свой достаточно четкий переворачивающий характер, то, что мы могли бы назвать ребяческой стороной этой роли, так как объяснения такого рода, точно так же, как и социологические объяснения тех же самых вещей, по существу есть «упрощенческая» наивность, доходящая иногда до нелепости; это значительно менее опасно с точки зрения её действительных последствий, чем поистине «сатанинская» сторона, которую мы должны рассмотреть теперь более тщательно в том, что касается современной психологии.

Этот «сатанинский» характер проявляется с особой чёткостью в психоаналитических интерпретациях символизма или того, что выдается за таковой, правильно или неправильно; мы делаем это ограничение, потому что в этом пункте, как и во многих других, необходимо сделать много различий и рассеять много заблуждений, если желают рассмотреть его более детально; так, если взять лишь один типичный пример, сон, в котором выражается «сверхчеловеческое» внушение, является подлинно символическим, тогда как обычное сновидение вовсе таковым не является, каковы бы ни были его внешние проявления. Разумеется, психологи прежних школ часто уже пытались по-своему объяснить символизм и представить его соразмерным своим собственным концепциям; в подобном случае, если речь действительно идёт о подлинном символизме, эти объяснения с помощью чисто человеческих элементов здесь, как и всюду, где имеют дело с традиционным порядком, неправильно оценивают то, что в нём составляет самое существенное; если же, напротив, речь идёт о вещах чисто человеческих, то

это не более, чем ложный символизм, но сам факт обозначения его этим именем заключает в себе ту же самую ошибку относительно природы истинного символизма. Это также приложимо и к исследованиям, которым предаются психоаналитики, но с той разницей, что тогда больше не надо говорить только о человеческом, но также и по большей части об инфрачеловеческом; на этот раз, следовательно, присутствует не только простое снижение, но и тотальное переворачивание; а всякое переворачивание, даже если оно непосредственно вызвано лишь непониманием и невежеством (которые, впрочем, суть как раз то, что лучше всего годится для такого употребления), всегда само по себе является в собственном смысле слова сатанинским. Кроме того, мерзкий и отталкивающий характер психоаналитических интерпретаций представляет собою «печать», которая не может обмануть; с нашей точки зрения, особенно значимо, как мы уже показывали это в другом месте[140], как раз то, что именно эта же самая «печать» также встречается и в некоторых спиритических проявлениях; конечно, нужно быть слишком благосклонным, если не сказать, полностью ослепленным, чтобы не видеть в этом ничего, кроме простого «совпадения». Психоаналитики, естественно, в большинстве случаев, могут, как и спириты, совершенно не осознавать того, что реально стоит за всем этим, но и те и другие одинаково выглядят как «ведомые» волей к переворачиванию, использующей в обоих случаях элементы одного и того же порядка, если не в точности тождественные; воли, которая, каковы бы ни были существа, в которых она воплотилась, является в них совершенно явной и несомненно отвечает намерениям, сильно отличающимся от всего того, что могут вообразить те, кто является всего лишь бессознательным инструментом их осуществления.

При этих условиях совершенно очевидно, что основное использование психоанализа или его терапевтическое при-

[140] См. «Заблуждение спиритизма», 2-я часть, гл. X.

менение, может быть лишь крайне опасным для тех, кто ему подвергается, и даже для тех. кто его осуществляет, потому что это такие вещи, манипулирование с которыми никогда не остаётся безнаказанным; не будет преувеличением видеть в этом одно из средств, специально пущенных в действие для наибольшего увеличения нарушения равновесия современного мира и приведения его к окончательному распаду[141]. Мы не сомневаемся, что те, кто эти методы практикует, напротив, убеждены в благотворности своих результатов; как раз благодаря этой иллюзии и стало возможно их распространение, и именно в этом можно видеть всю разницу, которая существует между намерениями этих «практиков» и той волей, которая руководит работой, слепыми исполнителями которой они являются. Реально, психоанализ мог иметь своим следствием только выведение на поверхность всего содержания того дна человеческого существа, сделав его ясно осознаваемым, которое и образует то, что собственно называют «подсознательным»; кроме того, в соответствии с гипотезой, это существо уже является ослабленным, потому что если бы это было не так, то у него не было бы никакой потребности прибегать к лечению этого рода; следовательно, оно ещё менее способно сопротивляться этому переворачиванию и рискует быть безвозвратно поглощенным этим хаосом неосторожно развязанных тёмных сил; если, несмотря ни на что, ему удается избежать этого, то оно, по крайней мере, будет сохранять в течение всей своей жизни отпечаток, который на нём будет как несмываемое «пятно».

Мы хорошо понимаем, что здесь можно было бы возразить, напомнив о сходстве с «нисхождением в ад», как это встречается в приготовительных фазах к процессу посвящения; но это сближение является совершенно ошибочным,

[141] Другой пример таких средств предоставляет нам сходное использование «радиостезии», так как и здесь в большинстве случаев в игру вступают психические элементы того же качества, хотя следует признать, что здесь они не обнаруживают того «гнусного» аспекта, который так явен в психоанализе.

так как их цели не имеют ничего общего, так же, впрочем, как и условия «субъектов» в обоих случаях; можно говорить только о своего рода профанной пародии, и одного этого было бы достаточно, чтобы придать тому, о чём идёт речь, характер довольно опасной «подделки». Истина заключается в том, что это предполагаемое «нисхождение в ад», за которым не следует никакого «восхождения», есть просто «падение в грязь», согласно общеупотребительному символизму в некоторых древних мистериях; известно, что эта «грязь» имела своё наглядное изображение по дороге к Элевсину, и падающие в неё — это профаны, претендующие на посвящение, не имея квалификации для его получения, и, следовательно, являющиеся лишь жертвами своей собственной опрометчивости. Мы добавим только, что такая «грязь» существует как на макрокосмическом уровне, так и на микрокосмическом; это прямо относится к вопросу о «тьме внешней»[142], и по этому поводу можно было бы напомнить некоторые евангельские тексты, смысл которых в точности согласуется с тем, что мы только что сказали. При «нисхождении в ад» существо окончательно исчерпывает некоторые низшие способности, чтобы иметь возможность затем подняться к высшим состояниям; в «падении же в грязь» низшие способности, напротив, полностью им овладевают, доминируют над ним и, в конце концов, полностью его поглощают.

Только что мы здесь говорили о «подделке»; это впечатление значительно усиливается и другими утверждениями, такими, как искажение символизма, о котором мы говорили, искажение, которое стремится расшириться, к тому же, на всё то, что включает в себя, по существу, «сверхчеловеческие» элементы, как это видно на примере установки по от-

[142] Здесь можно напомнить сказанное выше о символизме «Великой стены» и горы *Lokāloka*.

ношению к религии[143] и даже к учениям метафизического порядка посвящения, таким, как йога, которые теперь не могут уже избежать этого нового типа интерпретации, вплоть до того, что кое-кто доходит до отождествления их методов духовной «реализации» с терапевтическими процедурами психоанализа.

Существует ещё нечто более худшее, чем самые грубые деформации, встречающиеся на Западе, как например, когда в этих самых методах йоги предпочитают видеть нечто вроде «физической культуры» или терапии чисто физиологического порядка, поскольку они в виду самой своей грубости менее опасны, чем те, которые предстают в более утонченном виде. И причина не только в том, что эти последние рискуют соблазнить умы, на которые первые не имеют никакого воздействия; конечно, эта причина существует, но есть ещё и другая, гораздо более важная, та же самая, по которой, как мы уже объясняли, материалистические концепции менее опасны, чем те, которые обращаются к низшим проявлениям психики. Разумеется, чисто духовная цель, которая, по существу, только одна конституирует йогу как таковую и без которой даже использование этого слова есть не что иное, как настоящая насмешка, ничуть не в меньшей степени остаётся нераспознанной как в том, так и в другом случае; фактически, йога в такой же степени не является психотерапией, как она не является и телесной терапией, и её процедуры ни в какой степени и никоим образом не являются лечением больных или неуравновешенных людей; будучи далеки от этого, они, напротив, адресуются исключительно к тем существам, которые, чтобы иметь возможность реализовать духовное развитие, являющееся единственным её смыслом, должны уже быть вследствие одних только своих естественных предрасположений настолько идеально уравновешенными, насколько это возможно; в этом состоит

[143] Фрейд посвятил психоаналитической интерпретации религии специальную книгу, в которой его собственные концепции комбинируются с «тотемизмом» и «социологической школой».

условие, которое, как это легко понять, в точности относится к вопросу о степенях посвящения[144].

Это ещё не все, есть нечто, в отношении «подделки», что может быть ещё более достойно рассмотрения, чем всё то, что мы упоминали до сих пор: это настоятельная необходимость для того, кто хочет практиковать психоанализ профессионально, предварительно быть самому «подверженному психоанализу». Это прежде всего предполагает признание того факта, что существо, претерпевающее такую операцию, более никогда не будет таким, каким оно было прежде или что, как мы только что сказали, она оставляет на нём нестираемый отпечаток, как и посвящение, но в некотором роде в обратном смысле, поскольку вместо духовного развития здесь речь идёт о развитии низших проявлений психики. С другой стороны, здесь есть явное подражание трансмиссии посвящения; но поскольку есть отличие по природе привходящих влияний и при этом действительный результат, что не позволяет считать это сводимым к простой, не имеющей значения видимости, то эта трансмиссия сравнима скорее, в реальности, с той, которая практикуется в такой сфере, как магия и даже, говоря точнее, колдовство. Однако существует очень тёмный пункт, касающийся самого происхождения этой трансмиссии: поскольку очевидно, что невозможно дать другому того, чем не владеешь сам, и поскольку изобретение психоанализа есть вещь совсем недавняя, то откуда первые психоаналитики получают «силы», которые они сообщают своим ученикам, и кем они сами могли бы быть «подвергнуты психоанализу» с самого начала? Этот вопрос, который, тем не менее, логично поставить для тех, кто хоть немного способен размышлять, возможно, слишком нескромен, и более чем сомнительно, чтобы когда-нибудь на

---

[144] Относительно попытки применения психоаналитических теорий к даосскому учению, что принадлежит тому же порядку, смотрите исследование Андре Прео «Золотой цветок и Даосизм без *Дао*», которое представляет собою замечательное опровержение их. (Andre Preau, *La Fleur d'or et le Taoisme sans Tao*.).

него был дан удовлетворительный ответ; но, по правде говоря, в этом нет надобности, чтобы признать в такой психической трансмиссии ещё одну, поистине зловещую «печать», учитывая те сопоставления, которым она даёт место: с этой стороны психоанализ обнаруживает весьма ужасающее сходство с некоторыми «таинствами дьявола»!

Глава XXXV. Смешение психического и духовного[А]

То, что мы сказали по поводу некоторых психологических объяснений традиционных учений, представляет собою частный случай очень распространенного в современном мире смешения двух областей: психической и духовной; и это смешение, даже если оно не доходит до переворачивания, как это происходит в психоанализе, отождествляющем духовное с тем, что есть самого низшего в психическом порядке, не становится от этого менее опасным. Впрочем, это является в некотором роде естественным следствием того факта, что европейцы уже давно не умеют различать «душу» и «дух» (и, конечно, для этого много сделал картезианский дуализм, поскольку он смешивает в одном всё то, что не есть тело, и это нечто смутное и плохо определённое без различия называет то одним, то другим именем); это смешение обнаруживается ежеминутно также и в повседневной речи; то, что имя «духи» дается обычно тем психическим «индивидуальностям», которые, конечно, ничего общего с «духовным» не имеют, и само наименование «спиритизм», которое из него следует[Б], не говоря уже о другой ошибке, согласно которой «духом» называют то, что реально является лишь «умственным», служит достаточным примером этого. Слишком очевидны досадные последствия, которые могут проистекать из подобного состояния вещей: распространение этого смешения, в особенности в современных условиях, означает, хотят того или нет, вовлечение человеческих существ

[А] Эта работа была опубликована в журнале «Вуаль Исиды» в номере за март 1935.

[Б] Слово «дух» по-франц. *esprit* — прим. пер.

в безвозвратное погружение в хаос «промежуточного мира» и в действия в интересах, впрочем, часто неосознанно, «сатанинских» сил, управляющих тем, что мы назвали «контриниациией».

Но здесь следует внести некоторое уточнение, чтобы избежать непонимания: нельзя сказать, что любое развитие способностей человеческого существа, даже в таком невысоком порядке, который представляет собою область психического, является само по себе «губительным»; но не надо забывать, что эта область является преимущественно областью иллюзий, и что, к тому же, всегда надо уметь расположить каждую вещь в том месте, которое ей нормальным образом принадлежит; в конце концов, все зависит от того употребления, которое придают этому развитию, и прежде всего, необходимо рассматривать, принимается ли оно как цель в себе или, напротив, как простое средство, для достижения цели высшего порядка. В действительности, все что угодно может, смотря по обстоятельствам в каждом особом случае, послужить поводом или «поддержкой» для того, кто становится на путь, должный привести его к духовной «реализации»; особенно это верно вначале, по причине разнообразия индивидуальной природы, влияние которой тогда является максимальным, и так обстоит дело до определённого пункта, пока границы индивидуальности полностью не будут превзойдены. Но с другой стороны, все может быть в той же мере препятствием, как и «поддержкой», если человек останавливается и предается иллюзиям и заблуждениям относительно неких видимостей «реализации», которые не обладают никакой истинной ценностью и суть лишь совершенно случайные и несущественные результаты, если только можно их рассматривать с какой бы то ни было точки зрения в качестве результатов; и эта опасность заблуждения существует всегда, пока ещё остаются в порядке индивидуальных способностей; однако, что касается психических способностей, то несомненно, опасность очень велика, и тем более ве-

лика, чем к более низкому порядку относятся эти способности.

Конечно, опасность гораздо меньше, когда речь идёт только о способностях телесного и физиологического порядка; в качестве примера мы можем привести ошибку, которую делают некоторые западные люди, считающие йогу, как мы уже говорили выше, или, по крайней мере, то немногое, что им известно из её подготовительных процедур, чем-то вроде метода «физической культуры»; в подобном случае лишь подвергаются риску достичь через «практику», исполняемую необдуманно и без контроля, результата, совершенно противоположного тому, к которому стремятся, и разрушают своё здоровье, намереваясь его улучшить. Это ничем бы нас не заинтересовало, кроме того факта, что здесь есть грубое отклонение в использовании этой «практики», которая на самом деле создана совершенно для другого использования, далёкого, насколько это только возможно, от этой области физиологии, и естественное отражение которого в этой области составляет лишь простой «случай», которому не следует придавать ни малейшего значения. Однако надо добавить, что эта же самая «практика» также может иметь, помимо воли невежды, который предается ей, как какой-нибудь «гимнастике», отражение в тонких качествах индивида, что, в действительности, значительно увеличивает её опасность: так можно, вовсе не подозревая этого, открыть дверь для влияний различного рода (и, разумеется, влияния самого низкого качества выигрывают от этого в первую очередь), от которых так мало защищены, что иногда даже и не подозревают об их существовании, и потому совершенно неспособны различить их истинную природу; но по крайней мере, здесь нет никакой «духовной» претензии.

Совершенно иначе обстоит дело, когда в игру вступает смешение психического и духовного, смешение, которое предстаёт в двух противоположных формах: в первой — духовное сводится к психическому, и именно это происходит в том виде объяснений, о которых мы говорили; во второй —

психическое, напротив, принимается в качестве духовного, и самым тривиальным примером этого является спиритизм, но и другие, более сложные формы «неоспиритуализма» происходят совершенно таким же образом из этой же ошибки. В обоих случаях, в конечном счёте, недооценивается всегда именно духовное; но первый случай относится к тем, кто его просто отрицает, если не всегда явным образом, то по крайней мере фактически, а второй — к тем, кто создаёт себе иллюзию ложной духовности, и именно второй случай мы сейчас намереваемся рассмотреть. Причина, по которой столько людей позволяют себе обманываться этой иллюзией, по сути, очень проста: одни ищут прежде всего так называемые «силы», то есть, в конечном счёте, в той или иной форме, производство более или менее экстраординарных «феноменов»; другие стараются «концентрировать» своё внимание на низших «ответвлениях» человеческой индивидуальности, ошибочно принимая их за высшие состояния просто потому, что находятся вне тех рамок, в которых обычно заключена деятельность «среднего» человека, и которые, в соответствии с профанной точкой зрения современной эпохи, принято называть «обычной жизнью», не заключающей в себе никакой возможности внетелесного порядка. А для них, в результате, привлекательность «феномена», то есть, по сути, «экспериментальная» тенденция, присущая современному духу, чаще всего как раз и является источником ошибки: в действительности, они всегда хотят достичь в определённом роде «чувственных» результатов, они думают, что в этом и состоит «реализация»; но именно это вынуждает утверждать, что всё, поистине относящееся к духовному порядку, на каком бы удалении он ни находился, от них полностью ускользает, чего они даже и не понимают, и что, при полном отсутствии всякой «квалификации» в этом отношении, для них было бы гораздо лучше оставаться в посредственной и банальной безопасности «обычной жизни». Разумеется, речь здесь вовсе не идёт об отрицании подобных «феноменов» как таковых; мы бы сказали, они даже слиш-

ком реальны, и от этого они ещё более опасны; мы категорически возражаем именно против их ценности и интереса, в особенности, с точки зрения духовного развития, а к этому как раз и относится иллюзия. Если бы это было лишь простой тратой времени и усилий, то, в конце концов, зло не было бы столь велико; но вообще, человек, привязывающийся к этим вещам, становится потом неспособным им противостоять и от них отойти, и таким образом непоправимо сбивается с пути; хорошо известен во всех восточных традициях случай индивидов, которые, став простыми производителями таких «феноменов», никогда уже не достигнут никакой духовности. Но более того: в этом может быть нечто вроде развития «наоборот», которое не приносит никакого ценного приобретения, но все больше и больше удаляется от духовной «реализации», вплоть до полного погружения в эти низшие «ответвления» своей индивидуальности, о которых речь шла выше и через которые индивид может вступить в контакт лишь с «инфрачеловеческим»; его ситуация оказывается тогда безвыходной или, по крайней мере, из неё есть только один выход, а именно, полная «дезинтеграция» сознательного существа; а для индивида это, собственно, является эквивалентом окончательного растворения всего проявленного «космоса».

Нелишне было бы в этом отношении ещё больше, может быть, чем в каком-нибудь другом, остерегаться всякого призыва к «подсознательному», «инстинкту», «интуиции», инфрарациональному, даже к «витальной силе», более или менее плохо определённой, одним словом, ко всем тем тёмным и смутным вещам, которые так возбуждают современных философов и психологов и которые более или менее непосредственно ведут к установлению контакта с низшими состояниями. С ещё большим основанием следует остерегаться с максимальной бдительностью (так как здесь речь идёт о слишком коварном притворстве) всего того, что толкает существо «расплавиться» (*se fondre*), мы охотнее сказали бы «смешаться» (*se confondre*) или даже «растворить-

ся» (*se dissoudre*) в чём-то вроде «космического сознания», исключающего всякую «трансценденцию», следовательно, всякую действительную духовность; таково крайнее следствие всех антиметафизических ошибок, которые в их более специальном философском аспекте обозначаются такими терминами, как «пантеизм», «имманентизм» и «натурализм»; всё это, впрочем, тесно связано друг с другом. Таково следствие, от которого многие, конечно, отшатнулись бы, если бы на самом деле могли знать, о чём они говорят. Действительно, это буквально духовность «наизнанку», замена её на то, что поистине ей противоположно, поскольку неизбежно ведёт к её окончательной утрате, в чём и состоит, собственно говоря, «сатанизм»; будет ли он сознательным или бессознательным, смотря по обстоятельствам, это довольно мало влияет на результат; не надо забывать, что «бессознательный сатанизм» некоторых людей, в нашу эпоху более многочисленных, чем в какую-либо иную, эпоху беспорядка, расширяющегося во все сферы, на самом деле есть лишь инструмент на службе «сознательного сатанизма» представителей «контриниициации».

У нас уже был случай говорить о символизме посвящения «мореплавания», осуществляющегося через Океан, который представляет собою психическую область, когда речь идёт о её пересечении, избегая всех её опасностей ради достижения цели[145]; но что можно сказать о том, кто бросается в этот Океан, не имея другого стремления, кроме как утонуть в нём? Именно это, и очень точно, означает так называемое «слияние» с «космическим сознанием», которое на самом деле есть не что иное, как ансамбль, спутанный и не поддающийся различению, всех психических влияний, которые, хотя некоторые могут воображать себе иное, абсолютно ничего общего, конечно, не имеют с духовными влияниями, даже если и случается, что они более или менее сходны с некоторыми из их внешних проявлений (так как это область,

[145] См. «Царь мира», стр. 120-121, и «Духовное владычество и мирская власть», стр. 140-144.

где «подделка» осуществляется во всей своей полноте, и именно потому эти «феноменальные» проявления сами по себе никогда ничего не доказывают и могут быть совершенно похожими как у святого, так и у колдуна). Совершающие эту фатальную ошибку просто забывают или игнорируют различие между «высшими Водами» и «низшими Водами»; вместо того, чтобы возвыситься к Океану наверху, они низвергаются в бездны Океана внизу; вместо того, чтобы сконцентрировать все свои усилия, направив их к лишённому форм миру, который лишь один может быть назван «духовным», они рассеивают их в неопределённом, меняющемся и текучем разнообразии форм тонкого проявления (что как раз в точности, насколько это возможно, соответствует бергсоновской концепции «реальности»), не подозревая того, что принимаемое ими за полноту «жизни» в действительности есть только царство смерти и безвозвратного распада.

Глава XXXVI. Псевдоинициация

Когда мы квалифицируем как сатанинскую ту антитрадиционную деятельность, различные аспекты которой мы здесь изучаем, то должно быть ясно, что это совершенно не зависит от частной идеи, которую каждый может себе составить относительно того, что называют Сатаной в согласии с определёнными теологическими и иными воззрениями, так как само собою разумеется, что персонификации не имеют значения с нашей точки зрения и никоим образом не должны привходить в наши рассуждения. Рассматривать следует, с одной стороны, дух отрицания и переворачивания, в который Сатана метафизически превращается, каковы бы ни были специальные формы, в которые он может облечься для проявления в той или иной области, и с другой стороны, то, что его собственно представляет и «воплощает», так сказать, в земном мире, где мы рассматриваем его деятельность. Это и есть не что иное, как то, что мы назвали «контриницией». Надо отметить, что мы сказали «контриницация», а не «псевдоинициация», которая является чем-то от неё очень отличным; действительно, не надо смешивать подделывателя и подделку, лишь одним из многочисленных примеров которой, в том смысле, о котором мы говорили в различных порядках, является «псевдоинициация», так как она сегодня существует в многочисленных организациях, большинство из которых связано с какой-либо формой «неоспиритуализма», хотя, может быть, имеет ещё большее значение, чем подделка чего угодно другого. «Псевдоинициация» реально есть только лишь один из продуктов состояния беспорядка и смешения, вызванного в современную эпоху «сатанинской» деятельностью, имеющей свою отправную точку в «контриницииации»; она может быть также,

бессознательно, её инструментом, но по сути, это на самом деле равно, в той или иной степени, всем другим подделкам, в том смысле, что они все являются как бы средствами, помогающими реализации того же самого плана переворачивания, так что каждая в точности играет более или менее важную роль, которая ей предназначена в ансамбле, что, в конце концов, составляет ещё один вид подделки самих порядка и гармонии, против которых направлен весь этот план.

«Контртрадиция», конечно, не является простой, совершенно иллюзорной подделкой, но напротив, чем-то в своем роде очень реальным, как это слишком хорошо показывает осуществляемая ею деятельность; по крайней мере, она есть подделка только в том смысле, что необходимым образом подражает инициации наподобие перевёрнутой тени, хотя её подлинная интенция состоит не в том, чтобы ей подражать, а в том, чтобы ей противостоять.

Впрочем, эта претензия абсолютно напрасна, потому что метафизическая и духовная сферы совершенно для неё закрыты, будучи по ту сторону всех оппозиций; все, что она может делать, это игнорировать и отрицать их, и ни в коем случае она не может выйти за «опосредующий мир», то есть за психическую сферу, которая в конце концов, во всех отношениях есть поле привилегированного влияния «Сатаны» как в человеческом, так и в космическом порядках[146], но от этого интенция существует не в меньшей степени с тем упорством, которое она в себе заключает, идти в прямо обратную по отношению к инициации сторону. Что касается «псевдоинициации», то она есть не более чем простая пародия, что заставляет сказать, что она сама по себе есть ничто, что она лишена всякой глубокой реальности, или, если угодно, что ценность её не является ни позитивной, как ценность инициации, ни негативной, как ценность «контриниция-

[146] Согласно учению ислама, *Shayṭān* (Шайтан) через *nafs* (душу) берёт верх над человеком, тогда как *rūḥ* (дух), сущность которого есть чистый свет, остаётся для него недосягаемым.

ции», а просто нулевой; и если она не сводится к более или менее невинной игре, как, может быть, предпочли бы думать в этих обстоятельствах, то по той же причине, которую мы уже объяснили общим образом, относительно истинного характера подделок и той роли, которую они предназначены играть; и ещё надо добавить в этом особом случае, что «обряды», в силу их «священной» природы в самом строгом смысле этого слова, есть нечто, что никогда нельзя безнаказанно симулировать. Можно ещё сказать, что «псевдотрадиционные» подделки, с которыми все извращения идеи традиции, о которых мы уже говорили раньше, достигают здесь максимума своей тяжести, прежде всего потому что они переводятся в действие, вместо того, чтобы остаться в состоянии более или менее неясной концепции, а также потому что они атакуют традицию «изнутри», в том, что образует сам дух, то есть в эзотерической области и в сфере посвящения.

Можно заметить, что «контриниициация» старается ввести своих агентов в «псевдоинициатические» организации, которые они «вдохновляют» таким образом без ведома их рядовых членов и даже, чаще всего, их явных глав, которые не менее бессознательны, чем другие в том, чему они реально служат; но следует сказать, что она, фактически, вводит их всюду, где можно, во все «движения» внешнего порядка в современном мире, политические или другие, и даже, как мы это говорили выше, вплоть до подлинных религиозных организаций и организаций посвящения, где традиционный дух сильно ослаблен для того, чтобы они были бы ещё способны сопротивляться этому коварному проникновению. Однако, исключая этот последний случай, позволяющий насколько возможно непосредственно осуществлять разлагающую деятельность, «псевдоинициатические» организации есть, несомненно, то, что должно отвлечь внимание прежде всего от «контриниициации» и создавать объект более частных усилий со своей стороны, к чему одному, в конце концов, она целиком и сводится. Однако, очень вероятно, на

этом основании, что существует множество связей между проявлениями «псевдоинициации» и всякого рода иными вещами, которые на первый взгляд не должны, кажется, к ним иметь ни малейшего отношения, но которые являются весьма представительными для современного духа в каком-нибудь из своих наиболее выявленных аспектов[147]; почему же, если бы это было не так, «псевдоинициированные» постоянно играли бы во всём этом столь важную роль? Можно было бы сказать, что среди инструментов и средств всякого рода, поставленных на службу тому, о чём идёт речь, «псевдоинициация» по самой своей природе логически должна занимать первый ряд; разумеется, она есть всего лишь винтик, но винтик, который может управлять многими другими, с которым многие другие в некотором роде находятся в сцеплении и от которого они получают свой импульс. Здесь подделка продолжается ещё дальше: «псевдоинициация» этим имитирует функцию невидимого двигателя, которая при нормальном порядке принадлежит собственно инициации; но здесь надо быть осторожным: инициация истинным и законным образом представляет дух, главного вдохновителя всех вещей, тогда как в том, что касается «псевдоинициации», дух, очевидно, отсутствует. Из этого непосредственно следует, что осуществляемая таким образом деятельность, вместо того, чтобы реально быть «органической», может иметь лишь чисто «механический» характер, что, впрочем, полностью оправдывает сравнение с винтиками, только что использованное нами; и не обнаруживается ли повсюду и самым поразительным образом как раз такой характер в современном мире, где все больше и больше машина заполняет собою все, где само человеческое существо сведено во всей своей активности к насколько более возможному сходству с автоматом, поскольку его полностью лишили духовности? Но именно в этом ярко проявляется вся неполноценность искусственной продукции, даже если

[147] Довольно большое число примеров активности этого рода мы представили в «Теософизм: история одной псевдорелигии».

«сатанинская» ловкость руководила её выработкой; можно хорошо фабриковать машины, но нельзя — живые существа, потому что, повторим ещё раз, недостаёт и всегда будет недоставать именно самого духа.

Мы говорили о «невидимом двигателе», и помимо этой воли к имитации, которая проявляется ещё и с этой точки зрения, есть в этой «невидимости», сколь ни была бы, впрочем, она относительна, бесспорное преимущество «псевдоинициации» в той её роли, которую мы только что отметили, перед всем другим, носящим более «публичный» характер. Это не значит, что «псевдоинициатические» организации в большинстве своем очень заботятся о маскировке своего существования; бывает даже, что они доходят до открытой пропаганды, совершенно несовместимой с их претензиями на эзотеризм; но несмотря на это, они являются всё же тем, что менее заметно и что наилучшим образом подходит для осуществления «укромной» деятельности, следовательно, тем, с чем «контриницияция» может самым непосредственным образом вступить в контакт, не опасаясь, что её вмешательство рискует быть обнаруженным, тем более, что в этой среде всегда можно легко найти какое-нибудь средство предотвращения последствий нескромности или неосторожности. Надо сказать также, что большая часть публики, зная более или менее о существовании «псевдоинициатических» организаций, не слишком хорошо знает, чем они являются, и не расположена придавать им большое значение, видя в этом одну лишь простую «эксцентричность», без серьёзного смысла; и это безразличие также служит, хотя и невольно, этим же самым проектам настолько хорошо, насколько могла бы это сделать самая строгая тайна.

Мы стремились сделать понятной, насколько это возможно, реальную роль, пусть и неосознанную, «псевдоинициации» и истинную природу её отношений с «контриницияцией»; надо ли добавлять, что последняя, по крайней мере в некоторых случаях, может обрести там место наблюдения и отбора для пополнения своих собственных кадров, но

здесь не место останавливаться на этом. Но даже приблизительно нельзя составить себе идею о той множественности и невероятной сложности разветвлений, которые здесь существуют, только прямое и детальное их изучение может дать представление об этом; но разумеется, нас интересует лишь «принцип», если так можно сказать. Однако это ещё не все: до сих пор мы рассматривали в целом, почему традиционная идея извращается «псевдоинициацией»; теперь нам осталось усмотреть это более точно, чтобы наши наблюдения не остались замкнутыми в исключительно «теологическом» порядке.

Одним из самых простых средств, которыми располагают «псевдоинициатические» организации, чтобы сфабриковать ложную традицию для своих приверженцев, является, конечно, «синкретизм», который состоит в собирании элементов, заимствованных худо-бедно отовсюду, в некотором «внешнем» их сочетании без всякого реального понимания того, что они представляют собою на самом деле в тех различных традициях, к которым они принадлежат. А поскольку этому собранию, более или менее бесформенному, надо придать некоторую видимость единства, чтобы иметь право представить его как единую «доктрину», то эти элементы стараются сгруппировать вокруг нескольких «направляющих идей», которые сами не являются по своему происхождению традиционными, но как раз наоборот, происходят из совершенно современных и профанных, и, следовательно, воистину антитрадиционных концепций; мы уже отмечали, по поводу «неоспиритуализма», что именно идея «эволюции» почти всегда в этом отношении играет доминирующую роль. Понятно, что тем самым дело особенно ухудшается: в этих условиях уже речь больше не идёт о чём-то вроде «мозаики» из традиционных осколков, которая, в конце концов, могла быть лишь совершенно пустой, но почти безопасной, игрой; речь идёт об извращении, можно даже сказать о «расхищении» заимствованных элементов, поскольку таким образом им приписывается смысл, который будет иска-

жен для того, чтобы согласовать его с «направляющей идеей», вплоть до смысла, противоположного традиционному. Разумеется, впрочем, что люди, действующие таким образом, могут не осознавать этого чётко, так как современная ментальность, им свойственная, может быть причиной истинного ослепления в этом отношении; при этом следует, прежде всего, принимать в расчёт простое непонимание, присущее самой этой ментальности, мы также, возможно, должны говорить о «внушениях», первыми жертвами чего являются сами «псевдоинициируемые», прежде чем они внесут свой вклад во вдалбливание их другим; но эта бессознательность ничего не меняет в результате и никоим образом не уменьшает опасности от такого рода вещей, которые от этого не становятся менее пригодными служить, пусть даже только «задним числом», целям, предлагаемым «контриницией». Мы не упоминаем здесь случай, когда её агенты более или менее непосредственным вмешательством провоцировали бы или вдохновляли образование подобной «псевдотрадиции»; без сомнения, можно найти и другие примеры, что даже тогда не означает, что эти сознательные агенты были явными и известными творцами «псевдоинициатических» форм, о которых идёт речь, так как очевидно, что осторожность принуждает их всегда скрываться за простыми бессознательными средствами.

Когда мы говорим о бессознательном, то мы его понимаем прежде всего в том смысле, что те, кто таким образом вырабатывает «псевдотрадицию», являются совершенно невежественными, чаще всего, относительно того, чему она служит в реальности; что касается ценности и свойства этой продукции, то труднее предположить, чтобы их чистосердечие было полным, и всё-таки возможно, что они в некоторой мере обольщаются или что они обольщены в том случае, о котором мы только что упоминали. Чаще всего надо также учитывать некоторые аномалии психического порядка, которые ещё больше все усложняют и, в конце концов, создают особо благоприятную площадку для того, чтобы влияния

и внушения разного рода могли бы осуществляться с максимальной силой; мы только отметим, не останавливаясь больше на этом, немалую роль, которую «ясновидящие» и другие «сенситивы» часто играют во всём этом. Но несмотря на это, почти всегда есть некая точка, когда сознательное мошенничество и шарлатанство становятся для руководителей «псевдоинициатических» организаций чем-то необходимым: таким образом, если кто-нибудь замечает (что, в конце концов, не так уже трудно) сделанные ими более или менее неловко заимствования из той или иной традиции, то каким образом могли бы они распознать их, не будучи обязанными тем самым признаться, что сами они только лишь обычные профаны? В подобном случае они обычно, не колеблясь, переворачивают отношения и смело заявляют, что их собственная «традиция» представляет собою общий источник всех тех традиций, которые ими ограблены; и если не удается убедить в этом весь мир, то по меньшей мере находятся всегда в достаточном количестве такие наивные люди, которые верят на слово, для того, чтобы их положение «главы школы», которого они, главным образом, добиваются, помимо всего прочего, не было бы всерьёз поставлено под сомнение, тем более, что сами они довольно мало внимания обращают на качество своих «учеников» и что, в согласии с современной ментальностью, количество им кажется гораздо более важным; однако это вполне ясно показывает, насколько они далеки от того, чтобы иметь даже самые элементарные понятия о том, что есть на самом деле эзотеризм и посвящение.

Едва ли нам следует говорить о том, что всё здесь нами описываемое отражает не только более или менее гипотетические возможности, но как раз весьма реальные и должным образом констатируемые факты; мы бы никогда не закончили, если бы были обязаны процитировать их все, однако, это было бы, по сути, малополезно; довольно и нескольких характерных примеров. Таким образом, именно «синкретическим» методом, о котором мы только что говорили,

очевидно, конституируется так называемая «восточная традиция», традиция теософов, почти не имеющая в себе ничего восточного, кроме плохо понятой и плохо применяемой терминологии; а так как этот мир «разделяется в самом себе», согласно евангельскому изречению, то французские оккультисты, в духе противоречия и соперничества, в свою очередь, воздвигают так называемую «западную традицию» того же рода, многие из элементов которой, а именно те, которые они извлекают из Каббалы, с трудом могут быть названы западными как по их происхождению, так и по тому особому способу, которым они их интерпретируют. Первые представляют свою «традицию» как выражение самой «древней мудрости»; вторые, может быть, более скромные в своих претензиях, стараются, по возможности, превзойти свой «синкретизм» ради «синтеза», поскольку мало кто в такой степени злоупотребляет последним словом. Если первые, таким образом, показывают себя более амбициозными, то это, возможно, потому, что на самом деле в истоках их «движения» лежат довольно загадочные влияния, подлинную природу которых они, без сомнения, не способны определить; что касается вторых, то они слишком хорошо знают, что за ними ничего не стоит, что их произведение есть только лишь плод труда нескольких индивидов, ограниченных своими собственными средствами, и если, тем не менее, случается, что «нечто» другое сюда также проникает, то это, конечно, происходит гораздо позже; было бы нетрудно в обоих рассмотренных случаях применить только что нами сказанное, и мы можем предоставить каждому самому извлечь последствия, которые, как ему покажется, логически должны отсюда следовать.

Разумеется, никогда не существовало ничего такого, что можно было бы назвать подлинно «восточной традицией» или «западной традицией»; такое наименование было бы явно слишком туманным, чтобы можно было его применять к определённой традиционной форме, поскольку, если не восходить к примордиальной традиции, которая здесь не

принимается в расчёт по слишком понятным причинам и которая не является, к тому же, ни восточной, ни западной, то всегда есть и всегда имелось много разных традиционных форм, как на Востоке, так и на Западе. Другие считают лучшим и более достойным доверия присваивать себе имя какой-либо традиции, реально существовавшей в более или менее отдалённую эпоху, делая из него вывеску сооружения, такого же причудливого, как и предшествующие, так как, если они используют в большей или меньшей степени то, что их может привести к познанию традиции, на которой они остановили свой выбор, то они принуждены восполнять эти некоторые всегда фрагментарные и даже отчасти гипотетические данные, прибегая к другим элементам, заимствованным в другом месте или даже целиком воображаемым. В любом случае, малейшего изучения всей этой продукции достаточно, чтобы обнаружить специфически современный дух, им присущий и неизменно выражаемый присутствием одной из этих самых «руководящих идей», о которых мы упоминали выше; нет, следовательно, необходимости продолжать исследование дальше и дать себе труд точно и детально определить реальное происхождение того или иного элемента из подобного ансамбля, поскольку одно только это утверждение уже достаточно хорошо показывает, не оставляя никакого сомнения, что здесь не присутствует ничего другого, кроме простой подделки.

Один из лучших примеров, который можно привести в данном случае, это многочисленные организации, которые в настоящее время называют себя «розенкрейцеровскими» и которые, само собой разумеется, не перестают быть в противоречии друг с другом и даже друг с другом открыто сражаться, претендуя равным образом быть представителями одной и той же «традиции». Фактически можно признать правоту каждой из них без всякого исключения, когда они провозглашают своих конкурентов незаконными и обманщиками; никогда, конечно, не было такого количества людей, называющих себя «розенкрейцерианцами», если

только не «Розой-Крестом», в то время как это более уже ничему не соответствует! Впрочем, не очень опасно считать себя продолжением чего-то такого, что полностью принадлежит прошлому, в особенности когда опровержений тем менее можно опасаться, что, как и в случае, о котором идёт речь, все покрыто некоторой темнотой, так что его конец не более точно известен, чем начало; но кто же среди профанной публики и даже среди «псевдоинициированных» может знать то, чем на самом деле была та традиция, которая в течение некоторого времени квалифицировала себя как розенкрейцеровская? Мы должны добавить, что эти замечания, касающиеся узурпации имени организации посвящения, не применимы к случаю, например, так называемой «Великой Белой Ложи», о которой, что довольно любопытно, со всех сторон спрашивают, и не только у теософов; это наименование, в действительности, никогда ни в коей мере не обладало ни малейшим подлинно традиционным характером, и если это конвенциональное имя и может служить «маской» чему-то, обладающему хоть какой-то реальностью, то это, конечно, в любом случае не сторона посвящения, которую следовало бы здесь искать.

Довольно часто критикуют тот способ, при котором кое-кто отправляет рекомендуемых ими «учителей» в какой-нибудь почти недоступный район Центральной Азии или в какое-нибудь иное место; и в этом, действительно, состоит средство сделать их утверждения неверифицируемыми; но оно не единственное — удаление во времени может в этом отношении играть роль, сравнимую с удалением в пространстве. Так, иные не колеблясь причисляют себя к какой-нибудь традиции, целиком исчезнувшей и угасшей уже много веков тому назад, даже много тысячелетий; но правда, что, если только они не осмеливаются дойти до утверждения, что эта традиция постоянно сохранялась в течение всего прошедшего времени способом столь тайным и столь хорошо скрытым, что никто другой, кроме них, не мог открыть ни малейшего её следа, то это их лишает ценного пре-

имущества относить к себе прямую и непрерывную преемственность, которая обладала бы большей видимостью правдоподобия, каковую она ещё может иметь, если речь идёт о более недавней форме, которой является розенкрейцеровская традиция; но этот недостаток, кажется, не имеет большого значения в их глазах, так как они настолько несведущи в подлинных условиях посвящения, что охотно воображают себе, что простая «идеальная» приверженность без всякой регулярной передачи, может занять место действительной приверженности. К тому же, совершенно ясно, что традиция тем с большей легкостью будет доступна любым фантастическим «реконструкциям», чем более полно она утрачена и забыта и чем меньше знают, как поступить с реальным значением сохранившихся от неё остатков, которые, таким образом можно заставить говорить почти все, что угодно; каждый, естественно, вложит туда то, что будет согласовано с его собственными идеями; без сомнения, не надо искать кроме этого иной причины для осознания того факта, что египетская традиция особенно часто «эксплуатируется» в этом отношении и что столько очень различных «псевдоинициатических» школ отдают ей предпочтение, что иначе было бы непонятно. Мы должны уточнить, чтобы избежать всякого ложного применения того, что мы здесь говорим, что эти наблюдения никоим образом не касаются Египта и подобных вещей того же рода, которые могут встречаться также иногда в некоторых организациях посвящения, но которые имеют там характер только лишь символических «легенд» без всякой претензии действительно похваляться подобными истоками; мы имеем в виду только то, что выдает себя в качестве реставрации, ценной как таковой, традиции или посвящения, которые уже не существуют, реставрации, которая, впрочем, даже при невероятной гипотезе, что она была бы во всех отношениях точной и полной, всё же не имела бы никакого иного интереса сама по себе, кроме простого археологического курьеза.

Здесь мы прекратим свои и без того длинные рассуждения, которых вполне достаточно для того, чтобы сделать понятным всё то, что вообще представляют собой все эти «псевдоинициатические» подделки традиционной идеи, которые все ещё так свойственны нашей эпохе: более или менее связное (скорее менее, чем более) смешение элементов, отчасти заимствованных и отчасти изобретенных, и над всем доминирующие антитрадиционные концепции, свойственные современному духу; всё это может служить, в результате, лишь ещё большему распространению этих концепций, навязывая их некоторым людям в качестве традиционных, не говоря уже о явном обмане, который состоит в выдаче за «посвящение» того, что на самом деле имеет чисто профанный характер, чтобы не сказать «профанирующий».

Если нам укажут после этого, как на смягчающее обстоятельство, на то, что почти всегда есть внутри, несмотря ни на что, несколько элементов реально традиционного происхождения, то мы ответим следующее: всякая имитация, чтобы заставить принять себя, естественно, должна принять по крайней мере некоторые из черт того, чему она подражает, но как раз это ещё больше увеличивает опасность, не является ли самой ловкой и самой зловещей ложью та, которая смешивает неискоренимым образом истину с ложью, силясь, таким образом, заставить служить первую ради победы второй?

Глава XXXVII. Обман «пророчеств»

Смесь истины и лжи, которая встречается в «псевдотрадициях» современного изготовления, вновь встречается также в так называемых «пророчествах», которые, особенно в последние годы, распространяются и используются различными способами для целей, по меньшей мере, очень загадочных; мы говорим «так называемые», так как должно быть хорошо понятно, что слово «пророчества» может применяться, собственно, к сообщениям о будущих событиях, содержащимся в священных Книгах различных традиций и исходящим от внушений чисто духовного порядка; в любом другом случае его использование является абсолютно незаконным, и тогда подходит только одно слово «предсказания». Предсказания эти могут быть, впрочем, очень различного происхождения; по крайней мере, некоторые из них были получены применением некоторых вторичных традиционных наук, и они, разумеется, являются самыми важными, но при условии, что реально можно понять их смысл, что не всегда бывает самым простым, так как по множеству причин они вообще формулируются в более или менее тёмных терминах, часто проясняющихся лишь после того, как события, о которых в них идёт речь, реализуются; всегда, следовательно, можно к ним отнестись подозрительно, но не из-за самих этих предсказаний, а из-за ошибочных и «тенденциозных» интерпретаций, которые им могут быть даны. Когда, к тому же, то, что есть в них подлинного, происходит почти исключительно от искренних, но очень мало «просветленных» «провидцев», которые усмотрели нечто неясное, более или менее точно относящееся к будущему, довольно плохо определённому чаще всего в том, что касается дат и последовательного порядка событий, и которые,

смешивая их бессознательно со своими собственными идеями, выражают их ещё более спутано, так что нетрудно найти там почти все, что будет угодно.

Отсюда можно понять, чему всё это может служить в современных условиях: поскольку эти предсказания почти всегда представляют вещи в беспокойном и даже ужасающем освещении, потому что именно этот аспект событий, естественно, более всего поражает «провидцев», постольку для того, чтобы возмутить общественную ментальность, достаточно просто их распространять, сопровождая по мере надобности комментариями, подчёркивающими их угрожающую сторону и представляющими те события, о которых идёт речь, как неизбежные[148]; если эти предсказания согласуются между собой, воздействие будет усиливаться, а если они будут противоречить друг другу, что тоже бывает, то они ничего, кроме беспорядка не произведут; как в том, так и в другом случае это будет одинаково на пользу сил, действующих для переворачивания. Впрочем, следует добавить, что всё то, что происходит из достаточно низкой области психики, тем самым вместе с собой привносит влияния, разлагающие и разрушающие равновесие, что значительно увеличивает опасность; и несомненно, именно поэтому те, кто этому не верит, испытывают, тем не менее, во многих случаях болезненное чувство, сравнимое с тем, которое производит даже на очень мало «сенситивных» людей присутствие тонких сил низшего порядка. Трудно поверить, например, сколько людей были опасно и иногда непоправимо выведены из равновесия многочисленными предсказаниями, в которых речь шла о «великом Папе» или о «Великом Монархе», и которые, однако, содержат некоторые черты определённых истин, но странным образом деформированных

[148] Сообщение о разрушении Парижа огнем распространялось, например, таким способом неоднократно с фиксацией точных дат; оно, разумеется, никогда ничего не производило, кроме впечатления ужаса, которое без замедления возникало у многих людей и которое никоим образом не уменьшалось от повторяющихся неуспехов предсказания.

«зеркалами» низшего психизма и, сверх того, заниженных по мерке ментальности «провидцев», которые их в некотором роде «материализуют» и «локализуют» более или менее узко, чтобы ввести в рамки своих предвзятых идей[149]. Способ, которым эти вещи представляются упомянутыми «провидцами», которые часто также и «внушаемы»[150], очень сильно зависит, к тому же, от определённых слишком тёмных «низов», неправдоподобные разветвления которых, по крайней мере с начала XIX века, было бы особенно любопытно исследовать для того, кто хотел бы создать подлинную историю этого времени, историю, разумеется, очень отличную от той, которой «официально» обучаются; само собою разумеется, что у нас нет намерения входить в детали этого и мы должны ограничиться некоторыми общими замечаниями по данному очень сложному вопросу, к тому же, намеренно запутанному во всех своих аспектах[151], что мы не могли полностью обойти его молчанием без того, чтобы перечисление главных характерных элементов современной эпохи оставалось бы очень неполным, так как в этом есть ещё один из самых значительных симптомов второй фазы антитрадиционной деятельности.

Впрочем, простое распространение таких предсказаний, о которых мы только что говорили, в конце концов является лишь частью более элементарной работы, которая в этом от-

---

[149] Относительно важная часть предсказаний, о которых идёт речь, относится, в особенности, к роли Махди и роли десятого *Avatāra*; эти вещи, прямо касающиеся подготовки конечного «восстановления», находятся вне предмета данного рассмотрения; мы хотим отметить здесь только то, что сама деформация даёт возможность использования их «наоборот» в смысле деятельности по переворачиванию.

[150] Но надо помнить, что «внушаемое» ещё вовсе не означает «подвержение галлюцинации»; между этими двумя терминами такое же различие, как между тем, чтобы видеть вещи, сознательно или же произвольно воображаемыми другими, и самому их «подсознательно» воображать.

[151] Пусть, например, вспомнят о том, что было сделано для того, чтобы полностью запутать такой исторический вопрос, как право преемственности Луи XVII, и тем самым можно составить себе идею того, о чём мы хотим здесь сказать.

ношении в настоящее время открывается, так как в этом случае работа уже почти полностью проведена самими «провидцами», хотя и без их ведома; есть и другие случаи, для которых надо вырабатывать более тонкие интерпретации, чтобы привести предсказания в соответствие определённым замыслам. Как раз это и происходит с теми предсказаниями, которые основаны на определённых традиционных познаниях, и тогда их неясность особенно удобна для тех, кто их принимает[152], даже некоторые библейские пророчества по той же причине являются объектом такого же рода тенденциозных интерпретаций, некоторые из которых часто добросовестны, но есть также и внушённые, используемые для оказания внушения на других; существует нечто наподобие психической, неизбежно заразной эпидемии, которая, однако, очень хорошо подходит к плану деятельности по переворачиванию в качестве «спонтанной» и которая, как и любые другие проявления современного беспорядка (включая революции, считающиеся наивными людьми тоже «спонтанными»), неизбежно предлагает в качестве отправной точки сознательную волю. Худшим ослеплением было бы видеть в этом простое действие «моды» без всякого реального значения[153]; впрочем, можно было бы то же самое сказать и о растущем распространении «гадательных искусств», которые, конечно, тоже небезобидны, как это может показаться тем, кто не доходит до глубины вещей: это суть, главным образом, непонятные обломки древних традиционных, почти полностью утраченных наук, и кроме той опасности, которая связана с их характером «остатков», они ещё аранжированы и скомбинированы таким образом, что приведение их в движение открывает под предлогом «инту-

[152] Предсказания Нострадамуса являются здесь наиболее типичным и наиболее важным примером; более или менее экстраординарные интерпретации, которым они дают место, особенно в эти последние годы, почти бесчисленны.

[153] Сама по себе «мода», изобретение по существу современное, не есть, впрочем, по своему истинному значению, нечто, полностью лишённое важности: она представляет собою непрерывное и бесцельное изменение по контрасту со стабильностью и порядком, которые царят в традиционных цивилизациях.

иции» (а это совпадение с «новой философией» само по себе достаточно замечательно) дверь вторжению всяких психических влияний самого сомнительного характера[154].

Используются также, при соответствующей интерпретации, предсказания, происхождение которых особенно подозрительно и которые являются достаточно древними, но, возможно, не созданными для современных условий, хотя силы переворачивания, очевидно, уже широко использовали своё влияние в ту эпоху (речь идёт, в особенности, о времени, к которому восходят сами истоки современного отклонения, с XIV до XVI века), и с тех пор эти предсказания были нацелены, наряду с более частными и непосредственными целями, на подготовку деятельности, которая должна выполняться лишь в масштабе длительного времени[155]. Эта подготовка, по правде говоря, никогда не прекращалась; она продолжалась в иных модальностях, один из аспектов которых представляет внушение современных «провидцев» и организация «видений», носящих совсем не ортодоксальный характер, в чём обнаруживается самым четким образом прямое вмешательство тонких влияний; но это не единственный аспект, и даже когда речь идёт о предсказаниях,

---

[154] Многое можно было бы ещё сказать по этому поводу, в особенности, об использовании карт Таро, содержащих остатки бесспорной традиционной науки, которая имеет реальное происхождение, но которая имеет и очень тёмные стороны; мы хотим здесь напомнить не о многочисленных оккультных бреднях, которым они дают место и которыми по большей части можно пренебречь, но о чём-то гораздо более действенном, что делает манипулирование с ними поистине опасным для того, кто не достаточно защищен от воздействия «сил снизу».

[155] Для тех, кому было бы интересно узнать более подробно об этой стороне вопроса, полезно было бы обратиться, несмотря на оговорки, которые можно было бы сделать относительно некоторых пунктов, к книге, озаглавленной «Вокруг тиары» Роже Дюге, посмертному изданию работы человека, который был близко связан с «низами», о которых мы упоминали выше, и который к концу своей жизни захотел принести своё «свидетельство», как это он сам говорил и в какой-то мере внести вклад в разоблачение этих таинственных «низов»; «личные» причины того, что он так мог действовать, не имеют значения, так как во всяком случае, они, очевидно, ничего не раскрывают в пользу этих «разоблачений».

явно полностью «сфабрикованных», подобные влияния очень даже свободно могут вступать в игру, прежде всего по причине «контринициатического» истока, откуда эманирует их первоначальное вдохновение, а также поскольку некоторые элементы привлечены для того, чтобы служить «опорой» для этой работы.

Написав эти последние слова, мы особо имели в виду пример, совершенно удивительный как сам по себе, так и по тому успеху, какой он имел в различных средах и который в этой связи заслуживает большего, чем простое упоминание: мы хотим сказать о так называемых «пророчествах больших пирамид», распространившихся в Англии и отсюда по всему миру, ради целей, отчасти, может быть, политических, но конечно, идущих гораздо дальше, чем политика в обычном смысле этого слова, и к тому же тесно связанных с другой работой, предпринимаемой для того, чтобы внушить англичанам, что они происходят от «племен, потерянных Израилем»; но мы не можем утверждать большего, не входя в размышления, которые в настоящее время были бы совершенно некстати. Как бы то ни было, вот о чём идёт речь в нескольких словах: измеряя неким способом, который, впрочем, был не лишён определённой произвольности (тем большей, на самом деле, что в точности не были определены те меры, которыми реально пользовались древние египтяне), различные части коридоров и помещений большой пирамиды[156], захотели открыть там «пророчества», приводя в соответствие полученные таким образом числа с периодами и датами истории. К несчастью, в этом есть на-

[156] Эта большая пирамида, по правде говоря, не настолько больше двух других пирамид и, в особенности, ближайшей, чтобы разница казалась столь поразительной; но не слишком понимая, по какой причине именно ею были в некотором смысле «загипнотизированы» почти все современные исследователи, именно к ней всегда относят свои самые невероятные гипотезы, можно сказать, даже «фантастические», включая сюда, если процитировать только два самых причудливых примера, ту, которая стремится найти во внутреннем расположении карту истоков Нила, и ту, согласно которой «Книга Мёртвых» есть не что иное, как объясняющее описание этого самого расположения.

столько явная абсурдность, что можно спросить себя, как получается, что никто её не замечает, и именно это показывает, до какой степени наши современники «подвержены внушению»; действительно, предполагать, что строители пирамиды реально имели в виду некие «пророчества», означало бы допустить две вещи: или эти «пророчества», которые должны в значительной степени основываться на определённом знании циклических законов, относятся к общей истории мира и человечества, или они были адаптированы таким образом, чтобы специально касаться Египта, но фактически, нет ни того, ни другого, так как всё то, что там желают найти, сводится исключительно к точке зрения иудаизма прежде всего, а затем и христианства, таким образом, что из этого логически следовало бы заключить, что пирамида вовсе не является египетским памятником, а памятником «иудео-христианским»! Одного этого было бы достаточно, чтобы не оставить камня на камне от этой неправдоподобной истории; следует добавить ещё, что всё это понимается, следуя так называемой библейской, совершенно сомнительной «хронологии», согласно самому узкому и самому протестантскому «буквализму» несомненно потому, что следовало хорошо адаптировать эти вещи к особой ментальности среды, в которой они должны главным образом и в первую очередь распространяться. Можно было бы сделать ещё и другие любопытные замечания: так, от начала христианской эры не нашлось для отметки никакой интересной даты до первых железных дорог; если следовать этому, то надо было бы поверить, что древние строители соотносили свои оценки важности событий с очень современной перспективой; в этом состоит гротескный элемент, в котором всегда нет недостатка в подобного рода вещах и через который предательски обнаруживается как раз их истинное происхождение: дьявол, конечно, очень ловок, но, тем не ме-

нее, он никогда не удержится от того, чтобы оказаться смешным с какой-нибудь стороны[157].

Это ещё не все: время от времени, опираясь на «пророчества большой пирамиды» или на другие какие-нибудь предсказания и предаваясь расчетам, основание которых всегда остаётся достаточно плохо определённым, заявляют, что такой-то точной датой должно обозначить «вступление человечества в новую эру», или же «пришествие новой духовности» (далее мы увидим, как следует это понимать в реальности); многие из этих дат уже прошли, и кажется, что ничего особо замечательного в них не произошло; но о чём всё это может говорить на самом деле? Фактически, в этом обнаруживается ещё раз другое использование предсказаний (мы хотим сказать «другое» по сравнению с тем, что они увели-

[157] Мы не оставим большую пирамиду, не показав попутно ещё одну современную фантазию: кое-кто придает большое значение тому факту, что она никогда не была закончена; действительно, вершина отсутствует, но все, что можно сказать достоверного по этому поводу, это то, что самые древние авторы, свидетельство которых имеется, а также ещё относительно недавние, всегда видели её обломанной сверху, каковой она является и сегодня; отсюда претензия на то, что, как это текстуально пишут оккультисты, «скрытый символизм еврейских и христианских Писаний прямо соотносится с фактами, имевшими место в ходе строительства большой пирамиды», поистине слишком далеко зашли, и это ещё одно утверждение, которому, нам кажется, слишком недостаёт правдоподобия во всех отношениях! Довольно любопытная вещь, что на официальной печати Соединенных Штатов изображается пирамида с обломанной вершиной, над которой находится лучащийся треугольник, который, будучи совершенно отделенным и даже изолированным кругом облаков, кажется в некотором роде заменяющим ей вершину; но в этой печати, из которой некоторые «псевдоинициатические» организации, во множестве кишащие в Америке, стараются извлечь большую пользу, объясняя согласно своим «доктринам», есть другие, по крайней мере, странные детали, которые, как представляется, верно указывают на вторжение подозрительных влияний: так, число слоев кладки в пирамиде, то есть тринадцать (это число, к тому же, с некоторой настойчивостью повторяется и в других особенностях, и именно это число составляет количество букв в девизе *Epluribus unum*, «из многого — единое»), соответствует, как говорят, числу племен Израиля (считая раздельно два полу-племени сынов Иосифа), и это, конечно же, небезотносительно к реальным истокам «пророчеств большой пирамиды», которые, как мы только что видели, стремятся тоже сделать из неё нечто вроде «иудео-христианского» памятника ради весьма тёмных целей.

чивают беспорядок нашего времени, сея почти повсюду возмущение и волнение), и что не менее важно, оно состоит в том, чтобы делать из этого средство прямого внушения, вносящего свой вклад в действительное определение некоторых событий будущего; согласятся ли, например, — возьмем здесь самый простой случай, чтобы лучше быть понятыми, — что, с настойчивостью возвещая революцию в такой-то стране и в такое-то время, ей реально помогают разразиться в момент, желаемый теми, кто в этом заинтересован? По сути, речь для некоторых идёт, в особенности в настоящее время, о создании «состояния духа», благоприятного для реализации некоего «нечто», которое входит в их намерения и, несомненно, может оказаться различным под воздействием противоположных влияний, но которое они очень надеются привести таким образом к реализации немного позже или немного раньше; нам остаётся более точно рассмотреть, к чему ведёт это «псевдодуховное» предприятие, и надо сказать, не желая из-за этого никоим образом становиться «пессимистом» (тем более, что «оптимизм» и «пессимизм» суть, как мы это уже объясняли в другом случае, две сентиментальные установки, которые должны оставаться одинаково чуждыми нашей точке зрения, строго традиционной), что такова слишком малоутешительная перспектива для довольно близкого будущего.

Глава XXXVIII. От антитрадиции к контртрадиции

То, о чём мы только что говорили, как и все, по существу принадлежащее к современному миру, имеет характер глубоко антитрадиционный; но в одном смысле оно идёт ещё дальше, чем «антитрадиция», понимаемая как простое отрицание, и стремится к сознанию того, что можно было бы более точно назвать «контртрадицией». Здесь есть различие, сходное с тем, которое мы ранее сделали между отклонением и переворачиванием, и которое также соответствует тем же двум фазам антитрадиционного действия, рассмотренного в целом: «антитрадиция» самым полным образом выражается в материализме, который можно было бы назвать «интегральным», таким, как он господствовал в конце прошлого века; что касается «контртрадиции», то мы ещё видим только предвещающие её знамения, образуемые всеми теми вещами, которые нацелены тем или иным образом на подделку самой традиционной идеи. Мы можем сразу же прибавить, что, так же, как тенденция к «отвердению», выражаемая «антитрадицией», не могла достичь своего последнего предела, который был бы поистине вне и ниже всякого возможного бытия, можно предвидеть, что тенденция к растворению, находящая, в свою очередь, выражение в «контртрадиции», тем более этого не сможет; сами условия проявления, поскольку цикл ещё полностью не завершен, требуют, очевидно, чтобы так было; и что касается самого конца этого цикла, то он предполагает «восстановление», при помощи которого эти «пагубные» тенденции будут «превращены» в окончательно «благотворный» результат, как мы уже выше объясняли. К тому же, все пророчества (разумеется, здесь мы берём это слово в его истинном смыс-

ле) указывают, что видимый триумф «контртрадиции» будет только временным и что в тот самый момент, когда он покажется наиболее полным, она будет разрушена действием духовных влияний, которые тогда станут вторгаться, чтобы непосредственно приготовить окончательное «восстановление»[158]; действительно, понадобится не менее, чем такое прямое вмешательство, чтобы в желаемый момент положить конец наиболее сомнительной и поистине самой «сатанинской» из всех возможностей, заключающихся в циклическом проявлении; но не забегая более вперёд, исследуем более точно, что же собою на самом деле представляет эта «контртрадиция»?

Для этого мы ещё раз должны обратиться к роли «контриниициации»: действительно, это именно она, как очевидно, после постоянно проводимой в тени работы ради того, чтобы вдохновить и управлять невидимо всеми современными «движениями», достигнет в конечном счёте «экстериоризации», если можно так выразиться, чего-то такого, что будет как бы противоположностью подлинной традиции настолько полно и точно, насколько это позволяют ограничения, с необходимостью предъявляемые всякой возможной подделке. Поскольку посвящение, как мы уже говорили, есть то, что действительно представляет дух традиции, постольку «контриниициация» будет играть сходную с «контртрадицией» роль; но, разумеется, было бы совершенно неточно и ошибочно говорить здесь о духе, потому что речь идёт как раз о том, в чём дух совершенно отсутствует, о том, что было

[158] К этому действительно приложила формула: «когда все покажется потерянным, все будет спасено», повторяемая в некотором роде машинальным способом достаточно большим числом «провидцев», каждый из которых, естественно, применяет её к тому, что может понять, и главным образом, к событиям гораздо меньшей важности, и даже иногда совершенно вторичным и просто «локальным», в силу той «измельчающей» тенденции, которую мы уже обозначили в случае с историями о «Великом Монархе», который завершился тем, что в нём стали видеть будущего короля Франции; само собою разумеется, что истинные пророчества относятся к вещам, совершенно другого размаха.

бы ему даже противоположно, если бы дух, по существу, не был по ту сторону всех оппозиций, и что, во всяком случае, претендует на оппозицию ему, во всем подражая ему, наподобие той перевёрнутой тени, о которой мы уже много раз говорили; вот почему, как бы далеко ни зашло это подражание, «контртрадиция» никогда не может быть ничем иным, кроме пародии, и она будет только лишь наиболее обширной и доведенной до предела из всех пародий, так что мы до сих пор видели, при всей лживости современного мира, лишь её частные «опыты» и «прообразы», весьма бледные по сравнению с тем, что готовится в будущем, которое некоторые люди полагают близким, чему стремится дать достаточное основание растущая скорость современных событий. Однако, само собою разумеется, что у нас вовсе нет намерения постараться определить более или менее точные даты, по образцу любителей так называемых «пророчеств»; даже если бы это и стало возможным через знание точной длительности циклических периодов (хотя в таком случае главная трудность в определении реальной отправной точки, которую надо принять для осуществления подсчета, всегда сохраняется), не следовало бы в этом отношении ослаблять величайшую осмотрительность по причинам, как раз противоположным тем, которые движут сознательными или бессознательными распространителями искажённых предсказаний, то есть чтобы избежать риска внести ещё больший беспорядок и беспокойство, которое как раз и царят в современном мире.

Как бы то ни было, но то, что способствует доведению до этой точки, а именно «контриниациация» — и это надо особо отметить — не может приравниваться к чисто человеческому изобретению, которое ничем бы не отличалось по своей природе от простой «псевдоинициации»; на самом деле, она её весьма превосходит, и чтобы действительно ею стать, необходимо, чтобы каким-то образом при самом своем происхождении она следовала из того же единого истока, с которым связано всякое посвящение и вообще всё то, что проявв-

ляет «нечеловеческий» элемент в нашем мире; но она следует из него через вырождение, доходящее до своего предела, то есть до того «переворачивания», которое составляет, собственно говоря, «сатанизм». Такое вырождение, очевидно, является гораздо более глубоким, чем вырождение традиции, просто отклоняющейся в какой-то мере или даже обломанной и сведенной к своей низшей части; здесь есть даже нечто большее, чем в случае тех по-настоящему мёртвых и полностью оставленных духом традиций, «остатки» которых «контртрадиция» может использовать ради своих целей, как это мы уже объясняли. Это логически ведёт к мысли, что вырождение надо начинать искать в гораздо более далёком прошлом; и сколь ни был бы темен этот вопрос об истоках, с достаточным правдоподобием можно предположить, что он связан с извращением какой-то из древних цивилизаций, принадлежащих к тому или иному из исчезнувших континентов, исчезнувших во время катаклизмов, происшедших в ходе настоящей манвантары[159]. Во всяком случае, едва ли надо повторять, что как только дух отступил, никоим образом нельзя больше говорить о посвящении; действительно, представители «контриниациации» являются столь же тотально и неисцелимо, как и простые профаны, несведущими в существе дела, то есть игнорирующими любую духовную и метафизическую истину, которая вплоть до своих самых элементарных принципов, стала для них абсолютно чуждой с тех пор, как «небо закрылось» для них[160]. Не будучи способной вести людей к «сверхчеловеческим» состояниям, таким, как посвящение, и ограничивать себя, тем не менее, одной лишь человеческой областью, «контриниациация» неизбежно ведёт их к «инфрачеловеческому», и как

[159] Шестая глава Книги Бытия могла бы, может быть, представить в символической форме, некоторые указания, относящиеся к этим отдалённым истокам «контриниациации».

[160] Можно применить здесь по аналогии также символизм «падения ангелов», поскольку то, о чём там идёт речь, имеет действительно соответствие в человеческом порядке; кроме того, можно говорить в этом отношении о «сатанизме» в самом прямом и буквальном смысле слова.

раз в этом заключается то, что оставляет за ней эффективную власть; слишком легко понять, что это нечто совершенно иное, чем комедия «псевдоинициации». В исламском эзотеризме говорится, что тот, кто предстаёт перед некоей «дверью», не достигнув её нормальным и законным путём, видит эту дверь перед собою закрывающейся, и обязан вернуться назад, но при этом не как простой профан, что отныне невозможно, но как сахир (*sāḥir*, колдун или маг, действующий в области тонких способностей низшего порядка)[161]; мы не смогли бы дать более чёткого выражения того, о чём идёт речь: в этом заключается «инфернальный» путь, который претендует на то, чтобы противостоять «небесному» пути, и представляет собою внешнюю видимость такого противостояния, поскольку, в конце концов, оно может быть лишь иллюзорным; и как мы уже сказали выше по поводу ложной духовности, куда идут на погибель некоторые существа, вовлеченные в своего рода «реализацию наизнанку», этот путь может привести лишь к тотальной «дезинтеграции» сознательного существа и его безвозвратного растворения[162].

Естественно, что для того, чтобы подражание через обратное отражение было возможно более полным, можно создавать центры, с которыми будут связаны организации, способствующие процветанию «контриниициации», центры, исключительно «психические», разумеется, по используемым и передаваемым ими влияниям, а вовсе не духовные, как в случае посвящения и истинной традиции, но которые мо-

---

[161] Последняя степень «контриниициатической» иерархии занята теми, кого называют «святыми Сатаны» (*awliyāʾ ash-Shayṭān*), которые являются в некотором роде инверсией истинных святых (*awliyāʾ ar-Raḥmān*) и которые обнаруживают, таким образом, возможно наиболее полное выражение «духовности наизнанку» (см. «Символизм креста», стр. 186).

[162] Это предельное завершение, разумеется, представляет собою на самом деле только лишь исключительный случай, а именно случай *awliyāʾ ash-Shayṭān*; для тех, кто не столь далеко зашел по этому пути, речь идёт только о безвыходном тупике, в котором он может оставаться неопределенно долгий цикл или «эон».

гут, тем не менее, по той причине, о которой только что шла речь, принимать до некоторой степени её внешнюю видимость, что создаёт иллюзию «духовности наизнанку». Однако не следует удивляться тому, что сами эти центры, а не только некоторые более или менее прямо им подчинённые организации, могут во многих случаях находиться в борьбе друг с другом, так как область, в которой они располагаются, являясь ближайшей к «хаотическому» растворению, есть та сфера, где дается полная воля всем противоположностям, если они не согласованы и не гармонизованы управляющей деятельностью высшего принципа, который здесь с необходимостью отсутствует. В том, что касается проявлений центров или того, что от них исходит, то отсюда часто следует впечатление смешения и несогласования, которое, разумеется, не иллюзорно, и которое является даже характерной «отметкой» подобных вещей; они согласуются между собой лишь негативно, если можно так сказать, для борьбы против истинных духовных центров в той мере, в какой они оказываются на уровне, который позволяет такую борьбу развязывать, то есть только для того, что относится к области, не превосходящей границы нашего индивидуального состояния[163]. Но именно здесь проявляется то, что можно было бы назвать поистине «глупостью дьявола»: представители «контриниациации», действуя таким образом, питают иллюзию противостояния самому духу, которому в реальности ничего не может противостоять; но в то же время, независимо от них и без их ведома, они ему фактически подчинены и никогда не могут перестать подчиняться, как и всё то, что существует, пусть бессознательно и непроизвольно, покоряется божественной воле, от которой ничто не может уклонить-

[163] Эту область с точки зрения посвящения можно назвать «малыми Таинствами»; напротив, всё то, что относится к «великим Таинствам», относясь по существу к «сверхчеловеческому» порядку, свободно тем самым от такого противостояния, поскольку это область, которая по своей собственной природе абсолютно недоступна для «контриниациации» и её представителей любых степеней.

ся. Они, следовательно, также используются в конечном счёте, хотя и помимо воли и хотя они могут думать даже совершенно обратное, для реализации «божественного плана в человеческой сфере»[164]; они играют в нём, как и все другие существа, ту роль, которая соответствует их собственной природе, но вместо того, чтобы действительно осознавать свою роль, как это делают истинные посвящённые, они осознают только негативную и извращенную её сторону; таким образом, они сами себя одурачивают и делают это способом, гораздо наихудшим для них, чем простое невежество профанов, потому что вместо того, чтобы позволить им остаться в некотором роде на одном месте, этот способ в результате отбрасывает их все дальше от главного центра, вплоть до того, что они окончательно впадают во «тьму внешнюю». Но если всё это рассматривать не по отношению к самим этим существам, а по отношению к ансамблю всего мира, то следует сказать, что, так же точно, как и все другие, они занимают с необходимостью своё место в качестве элементов ансамбля — как бы «провиденциальных инструментов», выражаясь теологическим языком, — хода этого мира в его цикле проявления, так как всякий частичный беспорядок, даже когда он проявляет себя как беспорядок по своему существу, с не меньшей необходимостью должен содействовать всеобщему порядку.

Эти некоторые размышления должны помочь понять, как возможно установление некоей «контртрадиции», а также почему она будет всегда и неизбежно только лишь нестабильной и почти эфемерной, что на самом деле не мешает ей быть самой по себе, как мы уже говорили выше, самой грозной из всех возможностей. Надо понять также, что такова цель, которую ставит себе реально «контринициация», и что она её преследует постоянно по всему ходу своей деятельности, и что негативная «антитрадиция» представляет собою только лишь обязательную подготовку; после этого

[164] *At-Tadbīrāt al-ilāhiyyah fī al-mamlakah al-insāniyyah*, название трактата Мухйиддина ибн Араби.

нам осталось ещё немного рассмотреть то, что сегодня можно предвидеть, следуя различным согласующимся признакам, те модальности, в которых сможет реализоваться эта «контртрадиция».

Глава XXXIX. Великая пародия или духовность наизнанку

Из того, что мы только что сказали, легко понять, что установление «контртрадиции» и её явная и моментальная победа будут, собственно говоря, царством того, что мы назвали «духовностью наизнанку», которая, естественно, представляет собою лишь пародию духовности, которой она подражает, так сказать, в обратном смысле, таким образом, что она, кажется, является самой её противоположностью, так как, каковы бы ни были её претензии, здесь нет ни симметрии, ни возможного равенства. Это важно подчеркнуть, так как многие, обманываясь этой видимостью, воображают себе, что есть в мире как бы два противоположных принципа, оспаривающие право превосходства; эта ошибочная концепция, по сути, является той же самой, которая, говоря теологическим языком, ставит Сатану на тот же уровень, что и Бога, и которую, справедливо или нет, вообще приписывают манихеям; конечно, в настоящее время многие люди в этом смысле является «манихеями», не подозревая об этом, и в этом также заключается действие самого пагубного «внушения». Действительно, эта концепция приводит к утверждению принципиальной, радикально несводимой дуальности или, другими словами, к отрицанию высшего единства, которое существует по ту сторону всяких противоположностей и всяких антагонизмов; не следует удивляться, что такое отрицание есть дело приверженцев «контриниции», и с их стороны оно может быть даже искренним, поскольку метафизическая сфера для них полностью закрыта; ещё более очевидно, что для них необходимо распространять и навязывать эту концепцию, так как только этим они могут достичь того, чтобы их принимали за то, чем они не

являются и реально не могут быть, то есть за представителей чего-то такого, что могло бы быть чем-то параллельным духовности и даже берущим над ней, в конце концов, верх.

Эта «духовность наизнанку», следовательно, есть лишь, по правде говоря, ложная духовность, ложная даже в самой крайней степени, какую только можно себе представить; но можно также говорить о ложной духовности во всех тех случаях, когда, например, психическое принимается за духовное, даже не обязательно доходя до тотального переворачивания; вот почему для её обозначения лучше всего, в конечном счёте, подходит выражение «духовности наизнанку», при условии точного объяснения того, как его следует понимать. В этом, на самом деле, и состоит «духовное обновление», близкое пришествие которого кое-кто, иногда совершенно бессознательно, с настойчивостью, объявляет, или же «новая эра», в которую стремятся всеми силами привести современное человечество[165], да и само состояние общего «ожидания», создаваемое распространением предсказаний, о которых мы говорили, может внести свой вклад в действительное ускорение. Притягательность «феномена», что мы уже рассматривали как один из определяющих факторов смешения психического и духовного, может в этом отношении также играть очень важную роль, так как именно этим большинство людей будет захвачено и обмануто во времена «контртрадиции», потому что сказано, что «лжепророки», которые восстанут тогда, «дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»[166]. Именно в этом отношении проявления «метафизик» и различных форм «неоспиритуализма» могут уже ясно представить как бы «прообраз» того, что должно произойти впоследствии, хотя они дают ещё очень слабую идею этого; речь все время

[165] Трудно поверить, до какой степени выражение «новая эра» в последние времена было распространено и повторяемо во всех средах со значениями, которые могут казаться весьма различными, но все в конечном счёте стремятся установить одно и то же убеждение в общественной ментальности.

[166] Мф. 24:24.

идёт, по существу, о воздействии тех же самых низших тонких сил, но тогда они будут задействованы с несравненно большей мощью; и раз мы видим, сколько людей постоянно готовы слепо предоставить полное доверие любым бредням обычного «медиума» только потому, что они опираются на «феномены», то как же удивляться, что соблазнение будет тогда почти всеобщим? Вот почему никогда нелишне повторить, что сами по себе «феномены» абсолютно ничего не доказывают относительно истинности какой-нибудь доктрины или учения, что это область исключительно «великой иллюзии», где всё то, что некоторые слишком легко принимают за «духовные» знамения, всегда может быть симулировано и подделано игрой низших сил, о которых идёт речь; возможно, что это даже единственный случай, когда имитация может быть поистине совершенной, потому что, фактически, это суть одни и те же «феномены», если брать это слово в его собственном смысле внешних явлений, производимых как в одном, так и в другом случае, и разница состоит только в природе тех причин, которые, соответственно, туда вторгаются, причин, которые большинство людей совершенно не способны определить, так что лучшее, что можно сделать, в конечном счёте, это не придавать ни малейшего значения всему тому, что является «феноменом», и даже видеть в нём прежде всего априори неблагоприятный знак; но как дать понять это «экспериментальной» ментальности наших современников, ментальности, которая, будучи сформированной изначально «сайентистской» точкой зрения «антитрадиции», также стала, в конечном счёте, одним из факторов, способных сделать самый действенный вклад в успех «контртрадиции»?

«Неоспиритуализм» и «псевдоинициация», проистекающие из этого, суть только ещё как бы частичный «прообраз» «контртрадиции» и под другим углом зрения: мы имеем в виду использование, нами уже отмечавшееся, элементов, подлинно традиционных по своему происхождению, но уклонившихся от своего истинного направления и таким об-

разом в некотором роде поставленных на службу заблуждению; это отклонение есть в целом лишь продвижение к полному переворачиванию, которое должно характеризовать «контртрадицию» (и важный пример которого мы видели в случае намеренной инверсии символов); но тогда речь уже больше не будет идти только о некоторых фрагментарных и разрозненных элементах, поскольку, согласно намерениям её авторов, нужно будет придать ей иллюзию чего-то сравнимого и даже равного с тем, что создаёт интегральность истинной традиции, включая туда и внешние приложения во всех областях. По этому поводу можно отметить, что «контриниициация» ради достижения своих целей, изобретая и распространяя всевозможные идеи, представляющие лишь негативную «антитрадицию», совершенно ясно осознает ложность этих идей, так как очевидно, что она знает слишком хорошо, к чему впоследствии эти идеи приведут; но само это указывает, что здесь можно действовать по своему намерению лишь на предварительной и переходной фазе, так как такое деяние сознательной лжи не может быть само по себе истинной и единственной целью, которую она себе ставит; всё это предназначено только для подготовки чего-то такого, что придет в будущем, что, как кажется, должно принести более «позитивный» результат и что на самом деле является «контртрадицией». Вот почему уже видны в разнообразной продукции, «контриниициатические» истоки и вдохновение которой не вызывают сомнения, наброски идеи организации, которая будет как бы копией, а тем самым и подделкой, такой традиционной идеи, как «Святая империя», организации, которая должна быть выражением «контртрадиции» в социальном порядке; вот почему Антихрист должен появиться как тот, кого мы можем назвать, со-

гласно языку индусской традиции, «Чакраварти наизнанку»[167].

Это царство «контртрадиции» есть, на самом деле, то, что очень точно обозначено как «царство Антихриста»: он, какую бы ни составляли себе об этом идею, есть, во всяком случае, нечто в себе концентрирующее и синтезирующее для исполнения этой последней работы все силы «контриниции», понимается ли она в отношении индивида или коллективности; в некотором смысле это может быть сразу и то и другое, так как должна иметься здесь и определённая коллективность, которая будет как бы «экстериоризацией» «контринициатической» организации, которая, наконец, и сама обнаружится, а также должна быть и личность, которая, помещаясь во главе этой коллективности, будет самым полным выражением и как бы самой «инкарнацией» того, что она будет представлять собою, пусть даже это существует в качестве «поддержки» всех пагубных влияний, которые она должна будет проецировать на мир[168]. Очевидно, что это будет «притворщик» (таков смысл слова *dajjāl*, которым его обычно обозначают арабы), поскольку его царство будет

---

[167] Об этом чакраварти, или «вселенском монархе» [*monarque universel*], см. «Эзотеризм Данте», стр. 76, и «Царь мира», стр. 17-18. Чакраварти буквально означает «тот, кто вращает колесо», что предполагает также, что он находится в центре всего, тогда как Антихрист, напротив, это существо, которое будет в наибольшей степени удалено от этого центра; тем не менее он также будет претендовать «вращать колесо», но в направлении, противоположном нормальному циклическому движению (что, впрочем, бессознательно «предвосхищает» современная идея «прогресса»), тогда как, в реальности, любое изменение во вращении невозможно до «перемены местами полюсов», то есть до «восстановления», которое может осуществиться лишь вмешательством второго *Avatāra*; на самом деле, называется Антихристом, потому что он по-своему пародирует саму роль того последнего *Avatāra*, который представлен как «второе пришествие Христа» в христианской традиции.

[168] Он, следовательно, может рассматриваться как глава *awliyāʾ ash-Shayṭān*, и раз он будет последним, кто исполняет эту функцию, и в то же время тем, через которого она получит в мире наибольшее значение, то можно сказать, что он будет как бы их «печатью» (*khātam*), согласно эзотерической исламской терминологии; нетрудно видеть, до чего в действительности может дойти пародия на традицию во всех её аспектах.

ничем иным, как исключительно только «большой пародией», карикатурой и «сатанинской» имитацией всего того, что есть истинно традиционного и духовного; но тем не менее, все будет сделано таким образом, что ему поистине невозможно будет не играть этой роли. Это, конечно, уже больше не будет «царство количества», которое, в конце концов, было лишь завершением «антитрадиции»; это будет, напротив, под предлогом ложной «духовной реставрации», своего рода внедрением качества во все, но качества, взятого в обратном значении его истинной и нормальной ценности[169]; после «эгалитаризма» нашего времени, будет заново утверждаться явным образом иерархия, но иерархия перевернутая, то есть, собственно, «контриерархия», вершина которой будет занята существом, которое реально, ближе, чем кто-нибудь другой, соприкоснется по самой своей сути с «инфернальными безднами».

Это существо, даже если оно появится в форме определённой личности, реально будет скорее символом, чем индивидом, как бы самим синтезом всего перевёрнутого символизма, используемого «контриниациацией», что проявится в нём тем более полно, что в этой роли он не будет иметь ни предшественника, ни последователя; чтобы выражать, таким образом, ложь в её последней степени, он должен быть, можно было бы сказать, полностью «фальшивым» со всех точек зрения и быть как бы инкарнацией самой *лживости*[170]. Впрочем, именно поэтому и по причине этой крайней оппозиции к истине во всех её аспектах, Антихрист может принять символы Мессии, но, разумеется, также в противопо-

[169] Даже сама монета или то, что её заменит, заново получит качественный характер такого рода, поскольку сказано, что «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Отк. 13:17), что предполагает действительное исполнение в этом отношении перевернутых символов «контртрадиции».

[170] В этом также антитеза Христу, сказавшему: «Я есть истина», или святому (*walī*) как *al-Ḥallāj*, тоже говорящему: *Anā al-Ḥaqq*.

ложном смысле[171]; и преобладание, отдаваемое «пагубному» аспекту, или даже, точнее говоря, замена им «благодатного» аспекта, через переворачивание двойного смысла этих символов, есть то, что составляет его характерное отличие. Может и должно быть странное сходство между обозначениями Мессии (*Al-Masīḥ* по-арабски) и Антихриста (*Al-Masīkh*)[172]; но последнее есть только его деформация, как и сам Антихрист представляется деформацией во всех более или менее символических описаниях, которые были даны, что также очень важно. Действительно, эти описания особенно настаивают на телесной асимметрии, предполагая, по существу, что это есть видимые отметки самой природы существа, которому они принадлежат, и действительно, они суть всегда знаки какого-нибудь внутреннего нарушения равновесия; к тому же, именно поэтому такие деформации дают основание для «дисквалификации» с точки зрения посвящения, но в то же время, без труда понятно, что они могут быть «квалификациями» в противоположном смысле, то есть по отношению к «контриниициации». Последняя, действительно, идя в направлении, противоположном посвящению, по самому своему определению, следовательно, идёт в сторону увеличения нарушений равновесия существ, последний предел которого есть растворение или «дезинтеграция», о которой мы уже говорили; очевидно, Антихрист должен быть насколько возможно близко к этой «дезинтеграции» таким образом, что можно было бы сказать, что его ин-

---

[171] Может быть, недостаточно отмечалась аналогия, существующая между истинной и ложной доктриной; святой Ипполит в труде «Антихрист» даёт этому замечательный пример, который вовсе не удивил бы людей, изучавших символизм: «Мессия и Антихрист оба имеют в качестве эмблемы льва» (П. Вюльо, «Еврейская Каббала», т. II, стр. 373). — Глубокая причина этого, с каббалистической точки зрения, состоит в том, что есть оба, тёмное и светлое, лицо Метатрона; поэтому же, равным образом, апокалиптическое число 666, «число зверя», есть также и солнечное число, (см. «Царь мира», стр. 34-35).

[172] Здесь существует также непереводимые двойное значение: *Masīkh* может быть понят как деформация *Masīḥ*, простым добавлением точки к последней букве; но в то же время, само это слово также говорит о «деформированности», что, собственно, и выражает характер Антихриста.

дивидуальность в то же самое время, как она является развитой чудовищным образом, тем не менее оказывается уже почти уничтоженной, реализуя, таким образом, инверсию стирания «я» перед «высшим я» или, другими словами, смешение в «хаосе» вместо слияния в изначально едином; и это состояние, изображаемое самой деформацией и диспропорциями телесной формы, поистине находится на низшей границе возможностей нашего индивидуального состояния, так что вершина «контриерархии» как раз и есть то место, которое ему собственно соответствует в этом «перевёрнутом мире», который будет его собственным миром. С другой стороны, даже с чисто символической точки зрения, будучи представителем «контртрадиции», Антихрист с не меньшей необходимостью уродлив: мы только что сказали, что, в действительности, здесь может быть лишь карикатура на традицию, а кто говорит «карикатура», говорит тем самым «уродство»; если бы это было иначе, то не было бы никаких средств отличить внешним образом «контртрадицию» от истинной традиции, но чтобы, по крайней мере, «избранные» не соблазнялись, надо, чтобы она носила на себе «печать дьявола». Кроме того, ложь тоже обязательно «искусственна», и в этом отношении «контртрадиция» никогда не сможет избавиться, несмотря ни на что, от этого «механического» характера, который присущ всем продуктам современного мира, из которых он будет последним; ещё точнее, в ней будет нечто сравнимое с автоматизмом тех «психических трупов», о которых мы говорили ранее, и она, впрочем, не создаст, как и они, ничего иного, кроме искусственно на короткое время оживляемых «остатков», что ещё раз подтверждает, что она не может в себе иметь ничего длительного; эта куча гальванизированных, если можно так сказать, «инфернальной» волей «остатков», и есть, конечно, то, что может дать самое чёткое представление о происходящем у самых последних пределов разложения.

Мы более не можем останавливаться на всем этом; по сути, малополезно стараться в деталях предвидеть, как бу-

дет создаваться «контртрадиция», к тому же, этих общих указаний будет уже почти достаточно для тех, кто хотел бы сам применить их в более частных случаях, что, в любом случае, не входит в предмет нашего рассмотрения. Как бы то ни было, здесь мы пришли к последнему пределу антитрадиционного действия, которое должно привести мир к своему концу; после этого, почти мимолетного царства «контртрадиции», там уже не может быть ничего предваряющего достижение последнего момента современного цикла, кроме «восстановления», которое мгновенно поставит все вещи на их нормальные места, в то время как переворачивание, казавшееся полным, непосредственно подготовит «золотой век» будущего цикла.

Глава XL. Конец мира

Все то, что мы описали в ходе этого исследования, составляет в сумме то, что вообще можно назвать «знамениями времени», согласно евангельскому выражению, то есть знамениями, предшествующими «концу мира» или цикла, который только представляется «концом мира», без какого-нибудь ограничения или спецификации, а именно, для тех, кто ничего не видит по ту сторону границ этого самого цикла; конечно, это очень извинительная ошибка перспективы, имеющей не менее пагубные последствия в неоправданных и чрезмерных страхах, которые она рождает у тех, кто в недостаточной мере отрешился от земного бытия; и разумеется, это как раз те, кто слишком легко творит для себя эту ошибочную концепцию по причине узости самой их точки зрения. На самом деле, можно насчитать, таким образом, множество «концов мира», поскольку существуют циклы очень различной длительности, неким образом друг в друге заключающиеся, так что одно и то же понятие всегда можно аналогичным образом приложить ко всем степеням и на всех уровнях; но очевидно, что они обладают весьма неравной значительностью, так же, как и сами циклы, с которыми они соотносятся, и в этом отношении следует признать, что тот, который мы здесь рассматриваем, несомненно, обладает большей важностью, чем многие другие, поскольку он есть конец манвантары в целом, то есть временного бытия того, что собственно можно назвать человечеством, что, повторим ещё раз, никоим образом не означает, что это будет конец земного мира самого по себе, поскольку через «восстановление», которое осуществится в последний момент, сам этот конец непосредственно станет началом другой манвантары.

В связи с этим есть ещё один пункт, который мы должны разъяснить более точным образом: сторонники «прогресса» привыкли говорить, что «золотой век» не в прошлом, а в будущем; что касается нашей манвантары, то истина, напротив, состоит в том, что он, конечно же, реально был в прошлом, поскольку он есть не что иное, как само «примордиальное состояние». В одном смысле, однако, он сразу и в прошлом и в будущем, но при условии, если мы не будем ограничиваться настоящей манвантарой и рассматривать последовательность земных циклов, так как относительно будущего речь с необходимостью идёт о «золотом веке» другой манвантары; он, следовательно, отделен от нашей эпохи «барьером», поистине непроницаемым для профанов, которые об этом говорят и которые не ведают того, что они говорят, когда возвещают близкий приход «новой эры», относя его к современному человечеству. Их ошибка, доведенная до самого крайнего предела, будет ошибкой самого Антихриста, претендующею установить «золотой век» через воцарение «контртрадиции» к создать самым обманчивым и самым эфемерным способом его видимость через подделку традиционной идеи Священного царства, (*Sanctum Regnum*); исходя из этого, можно понять, почему во всех «псевдотрадициях», которые суть ещё только весьма частные и слабые «прообразы контртрадиции», но которые бессознательно стремятся её подготовить более непосредственно, чем что-либо другое, «эволюционистские» концепции постоянно играют преобладающую роль, о чём мы упоминали. Разумеется, «барьер», о котором мы только что говорили и который в некотором роде должен тех, для кого он существует, совершенно закрыть внутри настоящего цикла, является препятствием ещё более абсолютным для представителей «контртрадиции»,чем для простых профанов, так как будучи устремленными исключительно к распаду, они поистине суть те, для кого ничего не будет существовать по ту сторону цикла, и таким образом, для них, в особенности, его

конец должен быть реально «концом мира» в самом полном смысле, какой только можно придать этому выражению.

Это поднимает ещё один смежный вопрос, о чём мы скажем несколько слов, хотя, по правде говоря, некоторые из предшествующих наблюдений уже содержат имплицитный ответ на них: в какой мере те, кто полнее всего представляют «контриниициацию», действительно осознают ту роль, которую они играют, а. в какой мере они суть лишь инструменты превосходящей их воли, о которой они, тем не менее, не знают, вопреки тому, что они совершенно неизбежно ей подчинены? Согласно сказанному выше, граница между этими двумя точками зрения, с которых можно рассматривать их деятельность, с необходимостью определена границей духовного мира, в который они не могут проникнуть никоим образом; они могут иметь познания, касающиеся возможностей «промежуточного мира», настолько обширные, насколько захотят, но эти познания всегда будут неисцелимо фальшивыми, из-за отсутствия духа, который один только может им придать истинный смысл. Очевидно, что такие человеческие существа никогда не могут быть ни механицистами, ни материалистами, ни даже «прогрессистами» или «эволюционистами» в вульгарном смысле слова, и если они забрасывают в мир выражающие это идеи, то они его умышленно обманывают; но в целом это касается лишь негативной «антитрадиции», являющейся для них лишь средством, а не целью, и они могли бы вместе с другими сказать, что «цель оправдывает средства». Их ошибка гораздо более глубокого порядка, чем ошибка людей, которых они подвергают «внушению» и влиянию со стороны таких идей, так как она есть не что иное, как следствие их тотального и непобедимого незнания истинной природы всякой духовности; вот почему гораздо труднее сказать в точности, до какой степени они осознают ложность «контртрадиции», которую они намереваются установить, поскольку они на самом деле могут верить в то, что тем самым противостоят духу, каким он проявляется во всякой нормальной и регу-

лярной традиции, и что они располагаются на том же уровне, что и те, кто её представляет в этом мире; и в этом смысле, Антихрист будет, конечно, иллюзией, самым «обольщенным» из всех существ. Эта иллюзия укоренена в «дуалистической» ошибке, о которой мы говорили; а дуализм, в той или иной форме, есть дело всех тех, чей горизонт остаётся в определённых границах, пусть это будет граница мира, полностью проявленного, и кто, не будучи таким образом способным разрешить дуальность, сводя её к высшему принципу, констатирует её во всех вещах внутри этих границ, полагает её поистине несводимой и приходит тем самым к отрицанию высшего единства, которое для них есть, на деле, как если бы его и вовсе не было. Вот почему мы можем сказать, что представители «контриниициации» окончательно обмануты своей собственной ролью и что их иллюзия есть поистине худшая из всех, поскольку, в конце концов, она является единственной, через которую человек может не только более или менее сильно отклоняться, но и реально пропасть безвозвратно; но очевидно, что если бы у них не было этой иллюзии, то они бы не исполняли функцию, которую, однако, необходимо должны исполнять, как и все остальные, ради самого выполнения божественного плана в этом мире.

Таким образом, мы достигли рассмотрения двойного, «благотворного» и «пагубного», аспекта, в котором предстаёт сам ход этого мира в качестве циклического проявления и который, поистине, есть «ключ» любого традиционного объяснения условий, в которых развертывается это проявление, в особенности, когда его рассматривают, как это мы и делали здесь, в период, который прямо ведёт к его концу. С одной стороны, если брать просто это проявление само по себе, не соотнося с более обширным ансамблем, то его ход в целом, от начала до конца, есть, очевидно, «спуск» или «прогрессивная» деградация, и в этом состоит то, что можно назвать его «зловещим» смыслом; но с другой стороны, то же самое проявление, помещённое в ансамбле, часть кото-

рого оно составляет, производит результаты, обладающие реальной «позитивной» ценностью в универсальном бытии, и надо, чтобы его развертывание дошло до конца, включая низшие возможности «тёмного времени», чтобы «интеграция» этих результатов стала возможной и явилась непосредственным принципом другого цикла проявления, и как раз это составляет его «благотворный» смысл. Так же обстоит дело, когда рассматривают сам конец цикла: с частной точки зрения того, что должно быть разрушено, поскольку его проявление закончено и как бы исчерпано, этот конец, естественно, «катастрофичен» в этимологическом смысле этого слова, который указывает на идею внезапного и непоправимого «падения»; но с другой стороны, с точки зрения, при которой проявление, исчезая как таковое, оказывается приведённым к своему принципу во всем том, что оно имело от позитивного бытия, тот же самый конец обнаружится, напротив, как «восстановление», через которое, как мы уже говорили, все вещи не менее внезапно будут вновь поставлены в их «примордиальное состояние». Впрочем, это может применяться ко всем ступеням, идёт ли речь об одном существе или о мире: в сумме, частная точка зрения всегда «пагубна», а точка зрения «тотальная», по крайней мере, в большей степени, чем первая, «благотворна», потому что всякий возможный беспорядок таков лишь постольку, поскольку его рассматривают сам по себе и «отдельно», и потому что эти частные беспорядки полностью исчезают перед лицом всеобщего порядка, в который они, в конечном счёте, входят и которого они, лишённые своего «негативного» аспекта, суть составные элементы, как и всякое другое; в результате, «пагубным» является лишь ограничение, необходимо обуславливающее любое случайное бытие, а это ограничение само, в действительности, имеет лишь чисто негативное бытие. Мы говорили сначала, как если бы обе точки зрения, «благотворная» и «пагубная», были бы в некотором роде симметричны; но легко понять, что это вовсе не так, и что вторая точка зрения выражает лишь нечто нестабильное

и переходное, тогда как то, что представляет первую, одно лишь обладает постоянным и определённым характером, так что, в конечном счёте, «благотворный» аспект не может не одолеть его, тогда как «пагубный» аспект полностью исчезает, потому что, по существу, он был лишь иллюзией, присущей «разделению». Только, по правде говоря, тогда уже нельзя говорить собственно о «благотворном», а тем более о «пагубном», поскольку эти два термина существенным образом коррелятивны и обозначают оппозицию, которая больше не существует, потому что, как и всякая оппозиция, она принадлежит к относительной и ограниченной сфере; как только она превзойдена, тогда просто есть то, что есть, и что не может не быть или же быть иным, чем оно есть; и таким образом, если хотят дойти до реальности самого глубокого порядка, можно сказать со всей строгостью, что «конец мира» никогда не есть и никогда не может быть чем-нибудь другим, кроме как концом иллюзии.